

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет
Кафедра эмпирической социологии и конфликтологии
Центр социально-экономических исследований
и региональной политики

А.М. Сергиенко

**АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
НА РЫНКЕ ТРУДА:
ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕГИОНАХ СИБИРИ
В ГОДЫ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ**

Монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2013

УДК 316: 331.5
ББК 60.561.23
С 323

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор *А. Я. Троцкий*;
кандидат социологических наук *Л. В. Родионова*

Сергиенко А. М.

С 323 Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ [Текст] : монография. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. — 298 с.
ISBN 978-5-7904-1435-0

В монографии представлены результаты исследования тенденций и механизмов трансформации социально-экономической и социально-политической активности россиян на рынке труда в годы рыночных реформ. Особое внимание в работе уделяется анализу специфики трансформации активности жителей трех регионов Сибири (Алтайского края, Республики Алтай и Новосибирской области), в т. ч. проживающих в сельской местности, а также социальной политике как механизму регулирования активности.

В монографии представлены результаты многолетних исследований, проведенных под руководством или при участии автора и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Московского общественного научного фонда и Агентства США по международному развитию (USAID), АНО «Независимого института социальной политики» и Фонда Форда и др.

Монография адресована социологам, экономистам, политологам, аспирантам и студентам, может представлять интерес для ученых и практиков, занимающихся проблемами социальной политики, рынка труда, занятости и доходов населения.

УДК 316: 331.5
ББК 60.561.23

*Настоящее издание опубликовано в рамках реализации
Программы стратегического развития
Алтайского государственного университета*

ISBN 978-5-7904-1435-0

© Сергиенко А. М., 2013
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
-----------------------	----------

Глава I

Теоретико-методологические основы социологического исследования процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда	9
---	----------

- 1.1. Генезис исследования процессов активности населения на рынке труда и современные методологические подходы.....9
- 1.2. Теоретическое представление о феномене социальной активности населения на рынке труда26
- 1.3. Трансформационные процессы социальной активности населения на рынке труда как объект социологического исследования.....48

Глава II

Основные теоретические аспекты изучения механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда.....	63
---	-----------

- 2.1. Общая характеристика факторов и механизмов формирования активности населения на рынке труда.....63
- 2.2. Социальная политика как объект анализа трансформационных процессов76
- 2.3. Теоретические основы изучения социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда.....99

Глава III

Теоретико-методические основы анализа процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда.....	119
--	------------

- 3.1. Логика, этапы и методические особенности исследования процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда.....119
- 3.2. Особенности информационной базы и технологии исследования.....140

Глава IV

Основные тенденции и факторы трансформации активности населения России и регионов Сибири в годы реформ	147
4.1. Тенденции трансформации активности населения на рынке труда.....	147
4.2. Факторы трансформации активности населения на рынке труда.....	172
4.3. Социальные эксклюзии на сельском рынке труда и их воздействие на активность населения.....	196

Глава V

Проблемы и перспективы социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда	214
5.1. Процессы трансформации социальной политики.....	214
5.2. Основные направления и технологии социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда.....	225
5.3. Оценка эффективности и перспективы совершенствования социальной политики как регулятора активности населения	249
Заключение.....	267
Библиографический список.....	283

ВВЕДЕНИЕ

Трансформационные процессы в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. обнажили и усилили негативную динамику острых социальных проблем (таких как бедность и социальное расслоение, безработица и массовые нарушения прав человека в социально-трудовой сфере), свидетельствующих о глубинных деформациях в социальной структуре и социальной сфере. Одним из эффективных социальных механизмов решения этих проблем является социальная активность населения на рынке труда, связанная с основной и дополнительной занятостью работников предприятий, предпринимательством, ростом квалификации, поиском мест приложения труда и др. Такая активность создает социально-экономическую и социально-политическую основу для сокращения масштабов бедности и безработицы, уменьшения неоправданных социальных различий, а значит, в целом для обеспечения достойного уровня и качества жизни, формирования более справедливого в социальном отношении общества.

Глубокие преобразования социально-экономических и социально-политических отношений в российском обществе, развитие рыночных отношений, реформирование социальной и экономической структур общества, социальных институтов в 1990–2000-х гг. привели к трансформации активности людей на рынке труда, связанной с качественным изменением ее видов и форм, стратегий и сфер проявления, ростом ее дифференциации. Обращают на себя внимание сложившиеся в этот период низкая активность отдельных социальных групп, значительные масштабы деструктивных стратегий и теневых форм активности населения в целом.

Исследование процессов социальной активности на рынке труда приобретает особую актуальность по отношению к территориальным группам, проживающим в неблагополучных условиях жизнедеятельности, в проблемных поселенческих и региональных общностях. Острота социальных эксклюзий в таких общностях входит в резонанс с процесса-

ми социально-экономической и социально-политической активности, здесь велика доля групп риска депривации и эксклюзии, проблемы которых носят конфликтный характер и требуют приоритетного решения.

Особую роль в формировании трансформационных процессов российского общества, в т. ч. трансформации активности россиян на рынке труда, сыграла экономическая политика, на первых порах практически не учитывающая, как показал опыт российских реформ, социальные факторы, проблемы и последствия (в т. ч. социальное положение людей, социальную структуру общества) принятия экономико-политических решений. Наряду с экономической политикой важнейшим механизмом регулирования социальной активности является социальная политика, призванная решать указанные задачи, и усиление влияния которой, согласно результатам отечественных исследований, наблюдается в последнее десятилетие.

Актуальность исследования трансформационных процессов активности населения на рынке труда определяется также необходимостью модернизации социальной политики как механизма регулирования (регулятора) такой активности, потребностью в развитии инновационных форм и технологий данной политики. Социальная политика в годы реформ также подверглась трансформации, связанной с изменением ее цели, методов и средств, ролей ее акторов, характера их взаимодействия. Тем не менее преобразования в социальной политике не соответствовали более высокой динамичности социальных процессов, в т. ч. процессов активности населения на рынке труда. Низкий уровень информированности органов управления различных уровней о реальных социальных практиках, и главное — отсутствие концептуальной основы социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда являлись причиной возникновения и углубления серьезных противоречий между сложившимися моделями и технологиями социальной политики, с одной стороны, и реализуемыми стратегиями активности населения — с другой. Наличие таких противоречий и создавало в конечном счете основу для низкой эффективности принимаемых социальных решений. Государство как основной актор социальной политики использовало в годы рыночных преобразований преимущественно пассивные формы реализации программ занятости и социальной помощи неконкурентоспособным группам на рынке труда в виде распределения социальных трансфертов, что приводило к формированию дополнительных «ловушек бедности» и слоя «профессиональных безработных». В особой мере это касалось проблемных территориальных общностей, отличаю-

щихся (в сравнении с более благополучными в социально-экономическом отношении общностями) существенно меньшими возможностями проявления конструктивной и инновационной активности их жителей на рынке труда и влияния органов управления на социально-экономические процессы из-за слабого финансово-экономического потенциала.

В монографии представлены результаты изучения тенденций и механизмов трансформации социальной активности населения России на рынке труда в годы активных рыночных преобразований. Особое внимание в работе уделяется, во-первых, анализу специфики трансформации активности населения в регионах Сибири, в первую очередь в агропромышленных регионах (Алтайском крае и Республике Алтай) и, во-вторых, социальной политики как механизму регулирования активности населения на рынке труда.

Монография состоит из введения, пяти разделов, заключения и библиографического списка. В первых двух разделах описаны теоретико-методологические основы изучения процессов (первый раздел) и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда (второй раздел). В первом разделе проанализированы методологические подходы к изучению трансформации социальной активности населения на рынке труда, представлены теоретико-методологические основы изучения трансформационных процессов социальной активности населения на рынке труда, показана сущность рассматриваемой активности и ее трансформационных процессов; выделены структурные компоненты и характеристики активности. Во втором разделе дана общая характеристика факторов и механизмов формирования социальной активности населения на рынке труда, изложены теоретико-методологические основы изучения социальной политики как механизма регулирования социальной активности населения на рынке труда. Далее проанализировано содержание социальной политики в условиях транзитивного общества, выделены ее структурные компоненты и формы; описаны подходы к оценке эффективности социальной политики как регулятора активности, выделены критерии и показатели эффективности. В третьем разделе представлена методика изучения тенденций и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда включая методические основы анализа социального положения населения и социальных эксклюзий на рынке труда, социальной политики как механизма регулирования рассматриваемой активности.

В четвертом разделе описаны основные тенденции трансформации активности различных групп населения России и регионов Сиби-

ри на рынке труда в годы реформ, выделены ее инновационные компоненты и проблемы. Проведен анализ факторов активности социальных групп на рынке труда в условиях меняющегося российского общества, описаны особенности мотивации рассматриваемых групп. Акцент сделан на выявление специфики социально-экономического положения и активности населения на рынке труда агропромышленного региона и сельского рынка труда, проанализированы социальные практики различных групп населения в зависимости от их положения на рынке труда в таких территориальных общностях. Представлены результаты диагностики социальных эксклюзий на рынке труда и форм их проявления в проблемных условиях жизнедеятельности (на примере сельского рынка труда), определены причины их возникновения, оценены масштабы и глубина эксклюзий, выделены группы эксклюзантов и потенциальные группы риска социальной эксклюзии. Рассмотрены особенности взаимовлияния активности населения и социальных эксклюзий на рынке труда.

В пятом разделе рассмотрены процессы трансформации российской социальной политики в годы реформ, ее особенности как регулятора активности населения на рынке труда. Описаны основные направления и технологии, оценена эффективность социальной политики в данной области, выявлены проблемы. Здесь представлены концептуальные положения социальной политики как регулятора активности россиян на рынке труда, выделены перспективные направления и технологии регулирования социальной активности и преодоления социальных эксклюзий на рынке труда.

Автор монографии благодарит всех коллег, принявших активное участие в коллективных исследованиях, связанных с изучением активности населения на рынке труда, и прежде всего — д.с.н. А. Я. Троцковско-го и к.с.н. Л. В. Родионову.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

1.1. Генезис исследования процессов активности населения на рынке труда и современные методологические подходы

Изменение социальной активности, в т. ч. активности на рынке труда, усложнение ее структурных компонентов анализировались в различных социальных науках. Рассмотрим генезис исследований социальной активности на рынке труда и затем дадим краткую характеристику основных методологических подходов к анализу социальной активности на рынке труда и процессов ее трансформации.

Генезис исследования социальной активности населения на рынке труда. В отечественной и мировой науке социологами, экономистами, философами, психологами разработаны различные подходы к изучению социальной активности населения как характеристики социальной деятельности и социального поведения.

Вопросы, связанные с социальным положением и поведением рабочего класса и капиталистов, изучались еще в XIX в. Классические подходы к системному изучению социальной деятельности и поведения выработаны М. Вебером, Т. Вебленом, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, В. Зомбартом, К. Марксом, В. Парето, Ф. Теннисом [27–30, 36, 58, 73, 114, 146, 147, 244]. Основоположителем деятельностного подхода признан М. Вебер, его теория социального действия стала фундаментом социологического анализа

социальных процессов общества. М. Вебер описал идеальную (чистую) модель социального действия в рамках экономической культуры капитализма и показал, как глубинная внутренняя система ценностей людей влияет на их социальное поведение. В своей теоретической модели В. Парето разграничил социальные и экономические действия и подчеркнул, что социальную систему приводят в движение социальные действия людей, наделенных чувствами. В связи с этим он исследовал нерациональные (нелогические) образцы экономического поведения. К. Маркс в своей теории классовой борьбы показал диалектику социально-экономических отношений и деятельности, их влияние на социальную жизнь общества.

В XX столетии наиболее продвинул понимание социального действия социолог-теоретик Т. Парсонс. Опираясь на идеи М. Вебера, Э. Дюркгейма и В. Парето, он разработал концепцию социальной деятельности, суть которой состоит в том, что социальные индивиды и группы взаимодействуют друг с другом и выполняют в рамках системной целостности общества дифференцированные функции. Теория социального действия М. Вебера, развитая Т. Парсонсом и другими социологами, позволила значительно углубить и конкретизировать понимание механизмов социальной деятельности и поведения. Социальное действие включает, по Т. Парсонсу, символические механизмы регуляции (язык, ценности), нормативную зависимость индивидуального действия от общепринятых социальных ценностей и норм, а также волюнтаристичность, известную иррациональность, определяемую степенью независимости от условий социальной среды и зависимостью от субъективных восприятий ситуации. Мотивационная структура субъекта действия, или, по Т. Парсонсу, структура «потребностных диспозиций», включает в себя когнитивную, катактическую (способность различать в ситуации положительные и отрицательные для личности значения) и оценочную ситуации [132–134]. В рамках структурно-функционального анализа Т. Парсонс и Н. Смелзер представили институциональную и социокультурную интерпретацию экономического действия как подсистемы социального действия.

Значительный вклад в изучение социального и экономического поведения внесли также труды Г. Беккера, Д. Белла, К. Бруннера, П. Вайзе, Дж. Голдторла, М. Грановеттера, П. Димаггио, Дж. Коулмена, С. Линденберга, У. Меклинга, К. Поланьи, Р. Сведберга, А. Сена, А. Стинчкомба, Р. Холтона, Ю. Эльстера, А. Этциони и др., представляющие результаты анализа человека «экономического» и человека «социологического» и соответствующих им моделей поведения [16, 18, 36, 71, 137, 139, 146, 147, 242, 243].

Разработкой теоретических и практических проблем социальной деятельности и социального поведения различных групп и слоев общества населения давно и активно занимались отечественные социологи, экономисты, философы в дореволюционной и послереволюционной России. Исследования российских ученых второй половины XIX — начала XX вв. показывают, что теоретическое представление о социальной деятельности и поведении развивались преимущественно в рамках изучения проблем труда.

Проблемы труда и трудовых отношений находились в центре внимания исследователей с самого начала появления социологии в России в середине XIX в. До 1917 г. анализ социальной активности в сфере труда был связан с изучением аграрных отношений (В. В. Берви-Флеровский), рассматривались особенности труда сельского населения в разных типах сельскохозяйственной организации трудовых отношений (помещичьих, фермерских, кулацких и крестьянно-общинных хозяйствах).

В конце XIX в. с развитием промышленности и ростом эксплуатации труда рабочих объектом внимания ученых становятся вопросы их социального положения в сфере труда (организация и условия труда, уровень производственного травматизма и профессиональных заболеваний, вопросы заработной платы и стимулирования труда, условия найма и трудовые конфликты) и качественного состава рабочих, их профессиональных и социально-психологических качеств (в работах К. А. Пажиного, С. Н. Поплавского, С. Н. Прокоповича, В. Светловского). Одновременно в рамках марксистской теории рассматриваются вопросы классовой борьбы и роли рабочего класса в развитии общества (А. А. Богданов, М. М. Ковалевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. Б. Струве, П. А. Сорокин и др.). В этот период можно особо выделить труды русского философа С. И. Булгакова, раскрывшего в своей теологической трактовке хозяйственных отношений («Философия хозяйства») творческую природу человеческого труда как волевого усилия личности и поставившего вопрос о «сверххозяйственной цели хозяйства».

20–30-е годы XX в. в России связаны с изучением факторов трудового поведения работников на макроуровне, в т. ч. вопросов стимулирования и мотивации труда (С. Г. Струмилин). В этот же период активно проводятся практические исследования, связанные с формированием нового типа работников и трудовой культуры как важнейшего фактора организации труда, разработкой механизмов внедрения новых форм организации труда и управления им (Центральный институт труда во главе с А. К. Гастевым), творческой инициативы работников (П. М. Керженцев,

И. М. Бурдянский, М. Л. Рудаков), развитием психотехнологий регулирования трудовой активности (профорентация и профотбор, профконсультирование, рационализация и НОТ, психогигиена и психотерапия), социальным положением рабочей молодежи.

Новый этап в развитии социологии России в 1960–1980-х гг. характеризовался обращением в первую очередь к анализу реальных проблем трудовой активности. После значительного перерыва в развитии социологической науки наблюдалась активизация исследований в области трудовых отношений, мотивации и поведения. Особо следует отметить направление исследований ленинградских социологов под руководством В. А. Ядова, Л. С. Бляхмана, О. И. Шкаратана (см. монографию «Человек и его работа», 1967). Значительное внимание уделялось проблемам трудовой мотивации, ценностных ориентаций, отношения к труду, организации и условий труда, социальной структуры рабочих. В частности, тезис о двойственности труда (как средства к существованию и как первой жизненной необходимости) был дополнен положением о труде как источнике внутреннего удовлетворения при условии его богатого, насыщенного содержания. Рассматривались особенности трудового поведения представителей умственного и физического труда, работников, занятых неквалифицированным и квалифицированным трудом, творческим трудом, мотивы их трудового поведения. Результаты исследований показали наличие сложной взаимосвязи между трудовой мотивацией и реальным поведением работников, в частности, удовлетворенность трудом неоднозначно влияла на текучесть кадров.

1970-е годы принесли всплеск интереса к проблемам планирования социального развития страны. Наиболее эффективной оказалась «заводская социология», востребованная обществом и вызванная к жизни потребностями социального развития предприятий, поскольку решала насущные социально-трудовые вопросы. Вопросами мотивации и организации труда активно занимались в эти годы также московские ученые Л. А. Гордон, Н. Ф. Наумова, Г. В. Осипов, М. Н. Руткевич, Ж. Т. Тощенко и др., проблемами трудовых конфликтов и социального планирования в трудовых коллективах — новосибирские ученые Ф. М. Бородин, В. И. Герчиков, проблемами культуры труда — Л. Н. Коган, представитель уральской школы социологов.

Параллельно этому в философско-социологической литературе велась разработка системного представления о социальной активности, в работах В. С. Барулина, В. Н. Иванова, М. Н. Руткевича, Ж. Т. Тощенко

и других ученых обобщены представления об исходных элементах и основных сферах жизнедеятельности людей.

В первой половине 1990-х гг. наблюдался значительный спад исследовательского интереса к проблемам социально-трудовой активности, происходило освоение теорий и прикладных достижений зарубежных ученых, переосмысление накопленного ранее потенциала в данной области отечественной социологии, освобождение от идеологического наслонения, в т. ч. от «марксистских» догм о труде как первой жизненной необходимости и как социально полезной деятельности преимущественно на государственных промышленных предприятиях (без учета труда по ведению домохозяйства, воспитанию детей, предпринимательства и др.), о вознаграждении за труд адекватно трудовому вкладу, об отсутствии трудовых конфликтов, сплоченности трудовых коллективов и т. д. Одновременно с начала 1990-х гг. начинают формироваться и со второй половины десятилетия получают быстрое развитие новые направления в социологии труда, связанные с исследованием положения и поведения безработных, предпринимательства как трудовой активности, трудовой мотивации и активности на приватизированных и новых частных предприятиях, трудовых конфликтов и протестного поведения, экономической активности в неформальной и теневой экономике, социальной политики по регулированию рынка труда и др. И с начала 2000-х гг. завершился кризис в развитии социологии труда, активно формируются новые направления и даже отраслевые науки в социологии, связанные с изучением социальной активности на рынке труда, в т. ч. такие, как экономическая социология, социология рынков, социология рынка труда.

Важное значение в понимании реальных проблем социальной активности в условиях изменившегося характера участия государства в социально-экономической и социально-политической деятельности общества и его социальных групп, слома старых механизмов управления социально-трудовой сферой, в осмыслении моделей социальной активности населения имеют масштабные исследования и тщательный анализ социальной ситуации и социальной политики в отношении рынка труда, проведенные на уровне страны и ее отдельных регионов в рамках мониторинговых исследований ВЦИОМ, а также в коллективах, возглавляемых З. Голенковой, Л. Гордоном, М. Горшковым, С. Григорьевым, Т. Заславской, З. Калугиной, Р. Капелюшниковым, Ю. Левадой, Т. Малевой, В. Радаевым, Н. Римашевской, Р. Рывкиной, Т. Шаниным, В. Ядовым и отдельными учеными.

Современные методологические подходы к социологическому анализу процессов трансформации активности населения на рынке труда.

Для познания процессов трансформации социальной активности в меняющемся обществе, обнаружения конкретных эмпирических моделей действительно трансформирующейся в российском обществе активности людей на рынке труда в данных условиях и в данный период наиболее подходящим является социологический подход. Социология позволяет изучать *количественные и качественные закономерности динамики социальной активности в меняющемся обществе*. Кроме того, именно социология в исследовании механизмов общественных изменений делает акцент на *групповом уровне* социальной активности.

Достаточно близким к социологическому подходу в исследованиях активности людей является *экономический подход*, поскольку феномен активности в интересующей нас постановке предполагает анализ социальных практик деятельности и поведения, выбор жизненных целей и средств их достижения. Экономический подход позволяет «заземлить» проблему человеческого поведения и проникнуть в механизмы его реализации субъектом, имеющим определенные жизненные ценности, цели и возможности их достижения в данных условиях и обстоятельствах. Однако констатация того, что поведение социального субъекта в каждый момент времени определяется максимизацией полезности (или приближением к ней), мало продвигает нас к пониманию сущности феномена социальной активности в условиях трансформации. По сути здесь не рассматриваются важнейшие для социологов проблемы адаптации, взаимодействия в условиях определенной среды, свободы действия, поскольку неявно предполагается, что социальный субъект в каждый момент времени реализует максимальную (или близкую к ней) степень и наиболее эффективную стратегию активности, доступную ему в данных условиях и при данных ресурсах.

Зависимость тех или иных элементов индивидуальной активности (целей, возможностей, стратегий, видов и форм и др.) от интересов других индивидов (социальных групп, государства), а следовательно, и ограничения, накладываемые на одних другими, находятся вне поля зрения сторонников экономического подхода. У разных социальных групп разные жизненные цели и возможности, разные затраты на достижение примерно одинаковых целей и разные шансы реализовать удачные, эффективные стратегии активности в ходе реформ. В условиях ограниченных ресурсов они отказываются от разных по значимости жизненных целей. Экономический подход не принимает во внимание эти аспекты социальной жизни.

Несмотря на широту экономического предметного поля очевидно, что экономического научного арсенала недостаточно для исследования тенденций и механизмов трансформации активности населения на рынке труда (на индивидуальном, групповом и социетальном уровнях) в том или ином конкретном обществе и при тех или иных конкретных обстоятельствах. В условиях кардинальных общественных перемен повышается потребность в выявлении реальных тенденций и закономерностей динамики социальной активности в годы реформ, что предполагает разработку соответствующих теоретико-методологических положений анализа, которые, опираясь на достижения экономики, ее концепции и теории, вместе с тем основываются на большей эмпиричности и детальности научного анализа, иных акцентах в исследовании проблемы активности.

В частности, перспективной, с точки зрения исследования глубинных основ и правил социальной активности, является неоклассическая *институциональная парадигма* (Р. Коуза, А. Алчиана, Д. Норта), расширившая анализ социального и экономического поведения за счет таких новых компонентов, как различные «контрактные» системы (организации). В американской «новой экономической социологии» особое место занимают труды М. Грановеттера, Х. Уайта и других ученых, связанные с разработкой концепции структурной детерминированности экономического действия. По мнению М. Грановеттера, все современное общество не ограничивается традиционной дихотомией «Рынок — Иерархия», оно все пронизано сетями социальных связей. На рынке труда с их помощью распространяется информация о рабочих местах, существующие нормы социальных отношений сдерживают свободную конкуренцию за рабочие места. Благодаря образованию коллективных организаций они являются мощным фактором сегментации рынка труда [36, 146, 232, 243].

Для анализа социальной активности населения в неблагоприятных условиях жизнедеятельности населения в территориальных общностях особое значение имеют работы в рамках *социоэкономики* (А. Этциони), вводящие в анализ экономического поведения человека ось морального измерения, и *моральной экономики* Дж. Скотта, выросшей из институционализма К. Поланьи и обращающей внимание на роль традиционных («нерациональных») мотивов поведения [31, 137, 146, 147].

Используя эконометрический подход в экономической теории, Г. Беккер, Я. Менсер и Т. Шульц разработали в 1960-х гг. *концепцию «человеческого капитала»*, согласно которой работник пытается максимизировать свои доходы за весь жизненный цикл, решая вопрос об инвестировании времени и средств в повышение собственных производительных возмож-

ностей путем получения образования и накопления опыта. Размеры вложений в образование определяются индивидуальными способностями человека и его классовой принадлежностью, измеряемой материальным благосостоянием родителей. Индивидуальной психологической склонностью (propensity) к труду и к мобильности, а также размерами накопленного «человеческого капитала» объясняется и частота смены рабочих мест [146, с. 18].

В современных исследованиях процессов российской трансформации, проводимых отечественными экономистами, наглядно проявляется влияние институционального подхода и социэкономии. Анализ данных процессов осуществляется с использованием преимущественно экономико-институциональных факторов, главным образом экономической политики государства, экономических реформ, а именно: либерализации цен и приватизации, особенностей их реализации в России, приведшие к формированию монопольных и рентных доходов и, как следствие, «великому перераспределению доходов» и другим социальным последствиям (см. в работах Ю. Овсиенко, Н. Петракова и др. [127, 197]).

В социологии разработано множество методологических подходов к анализу процессов трансформации социальной активности. Исследования в области изучения активности на рынке труда и механизмов ее формирования выполняются довольно часто в рамках классического **системно-структурного подхода**, позволяющего получить системное представление об активности населения на рынке труда, его компонентах и функциях. В качестве системообразующей основы активности рассматриваются человеческие потребности, а социальная активность анализируется как комплекс действий для удовлетворения потребностей различного уровня: от первичных (в питании, одежде, жилье, здоровье, семье и продолжении рода) до социальных (потребности развития личности, получения информации, общения и др.).

Системная и структурно-функциональная теории Т. Парсонса, Р. Мертона, Д. Аберле и их современные варианты — неофункционализм Дж. Александера и П. Поломи, синергетика и др. [60, 169, 187], — которым исследователи в области социальной активности уделяли до последнего времени повышенное внимание, выигрышны при анализе структуры социальной активности, характера социального взаимодействия отдельных акторов, совокупности факторов и механизмов ее формирования, а также последствий ее реализации. Наряду с несомненными преимуществами данный подход имеет ряд общих и частных ограничений в познании реальных процессов. Это касается общих трудностей теоретико-

методологического характера, возникающих у исследователей, например, при оценке процессов активности социальных групп и социальных неравенств как их результатов в условиях транзитивного общества, прогрессивности трансформации данных процессов и эффективности системы их регулирования. Системно-структурный подход предполагает рассмотрение общества как стабильно функционирующего, эволюционно развивающегося, с сохранением устойчивых элементов и связей, что значительно затрудняет его использование в период кардинальных изменений общества.

Помимо системно-структурного подхода в его неоклассической трактовке, к современным теоретико-методологическим подходам в изучении трансформации социальной активности относятся социально-структурный, институциональный, деятельностно-активистский, социокультурный, конфликтологический, социоэкологический и др. Рассмотрим их возможности в исследовании процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда, продемонстрировав это на отдельных наиболее эффективных для целей нашего исследования теориях и концепциях.

Уровень развития российской социологической науки в 1990-х гг. характеризовался, по словам Т. В. Заславской, «отсутствием достаточно полного, надежного и конкретного знания социальных структур, институтов и механизмов функционирования современного российского общества», значительная часть которых является «теневыми», представляя как бы «подводную часть» нашего общественного «айсберга» [66, с. 9]. В отличие от того времени значительное число исследований трансформации социальной активности в 2000-х гг. проводится на основе социоструктурного и институционального подходов.

Особое место в отечественных исследованиях трансформационных процессов занимают **социоструктурный подход** и **теории социальной трансформации** (см. в работах З. Голенковой, Т. Заславской, Р. Рывкиной, П. Сорокина, В. Ядова и др. [19, 24, 43, 47, 53, 56, 65, 67, 70, 88, 115, 135, 156, 157, 159, 161, 174–175, 177, 182, 198, 222]). К теориям социальной трансформации относятся: 1) *теория социального дарвинизма*, определившая двигателем формирования общественной системы индивидуальные и эгоистические качества личности (как известно, исторический путь общественного развития не подтвердил истинность данной теории); 2) *теория социального детерминизма*, определившая заданность изменений в социальной структуре, где личный интерес растворяется в общественном, а нормой жизни являются стандартность и унификация.

Данная теория также не работает, поскольку регламентированных изменений в социальной структуре и социальной сфере общества не происходит; 3) *концепция цикличности социального развития*: по закону циклического развития Н. Д. Кондратьева, крупные социальные трансформации происходят в период «повышательных волн» больших экономических циклов, когда бурное развитие производительных сил вступает в противоречие с отставшими социально-экономическими отношениями и социально-правовым укладом общества; 4) *теория социальной мобильности*: по П. Сорокину, более высокая социальная мобильность (как процесс перемещения людей и социальных групп в рамках социальной структуры) является основополагающим фактором развития и кардинальных изменений общества [174, 175]). Теория социальной мобильности является одной из наиболее успешных и развиваемых в настоящее время. Российские исследователи изучают социальную мобильность акторов рынка труда, динамику их социального положения как результат активности на рынке труда и влияния социальной политики (см. в работах З. Голенковой, Л. Гордона, С. Гришаева, Т. Заславской, Е. Игитхинян, З. Калугиной, Э. Клопова, Т. Малевой, Л. Миляевой, В. Радаева, И. Поповой, О. Фадеевой, М. Шабановой и др. [17, 43, 46, 52, 54, 55, 63, 64, 77, 80, 81, 112, 126, 141, 143, 154, 156, 180, 182, 287, 188, 204, 207, 209]).

В последние два-три десятилетия появился ряд новых теорий социальной трансформации. Среди них, например, *концепция трансформации экономической свободы* М. А. Шабановой, а также близкая к теории социальной мобильности *концепция антропометрического процесса* (выдвинута Берто и другими французскими учеными в 1970–1980 гг.). Так, согласно концепции антропометрического процесса социальная трансформация представляет собой целостный процесс производства, распределения и использования людей в социально-классовой структуре общества. При этом социальная трансформация не является следствием индивидуальных перемещений, а представляет собой *систему коллективных потоков, питающих социальную структуру общества*. Авторами концепции рассматривались кривые (траектории) социальной жизни человека с момента рождения, и на этой основе был сделан вывод о неравенстве шансов в социальных перемещениях при неравенстве условий жизни.

Другим современным методологическим подходом в исследовании трансформационных процессов, наряду с социоструктурным, является *институциональный подход*. Он позволяет анализировать глубинные основы взаимоотношений акторов рынка труда и акторов социаль-

ной политики, оценивать и прогнозировать изменение их «правил игры» и положения на «игровом поле». Социальные институты при этом рассматриваются как совокупность правил поведения, воздействующих на формирование и реализацию социальных отношений акторов: например, наемных работников и работодателей (см. в работах Т. И. Заславской, С. Г. Кирдиной и др. [67, 70, 86, 182, 156]).

Успешное использование институционального подхода в анализе экономической (хозяйственной) деятельности, в частности, продемонстрировано О. Э. Бессоновой при разработке теории «раздаточной экономики» [20, 182] и С. Г. Кирдиной при разработке теории «институциональных матриц» [86]. В работе О. Э. Бессоновой было показано, что «наряду с рыночными экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие свои собственные законы развития — раздаточные экономики», причем «экономическая система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории — с IX по XX в., а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики» [20, с. 246].

С. Г. Кирдиной введено понятие институциональной матрицы как «устойчивой, исторически сложившейся системы базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, идеологической и политической» [86, с. 59]. В ее работе «Институциональные матрицы и развитие России» обоснована гипотеза о двух типах институциональных матриц, отличающихся комплексами образующих их базовых институтов: X-матрице, образованной институтами редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и коммуитарной идеологии, и Y-матрице, образованной институтами рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидиарной идеологии. С. Г. Кирдина показала, что в России доминируют институты X-матрицы, и сущностью трансформационного процесса в стране является поиск и формирование нового баланса базовых институтов (глубинных, исторически устойчивых форм социальных связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого) и комплементарных.

Сплав социоструктурного, институционального подходов и теории человеческого капитала представлен в *теории трансформационного пространства* Т. И. Заславской. Согласно данной теории осями трансформации социального пространства являются «континуумы качественного состояния институциональной структуры, социально-группового строения и человеческого потенциала трансформирующихся обществ»

[67, 70, 156, 182]. Как отмечает Т. И. Заславская, взаимосвязанный анализ уровней и динамики этих характеристик позволяет получить достаточно полное представление как об особенностях трансформации разных обществ, так и о социальных траекториях каждого из них.

Комплексный анализ итогов трансформационных процессов на практике встречается крайне редко. Чаще их результативность оценивается с помощью критериев какого-то одного типа: институциональных, социоструктурных или социокультурных. Как считает Т. И. Заславская, это связано не только с трудностями системного исследования сложных явлений, но и с политическими причинами [67, 70, 156]. Использование преимущественно институциональных критериев позволяет представителям власти и связанным с ними учеными говорить о формальных успехах реформ, как бы не замечая деградиционных тенденций в социальной структуре, отражающих подлинный итог трансформации.

По словам В. Ядова, следствием трансформационных процессов в развитии человечества, вызвавшим развитие *трансформационного подхода* в исследованиях, является то, что «в общесоциальных теориях *структурно-системная и институциональная составляющие начинают уступать приоритет социально-культурным и деятельностно-субъектным*» [159, с. 11]. Теоретики деятельностного (деятельностно-субъектного, или деятельностно-активистского) направления макросоциологии формируют и развивают *концепции «морфогенеза»* вместо «морфостазиса» (М. Арчер) [9], «*структуризации*» как непрерывного процесса преобразований социальных структур деятельными субъектами (Э. Гидденс) [40, 41], «*социального становления*» как термина, выражающего состояние «общества в действии» (П. Штомпка) [214].

Особое место в исследованиях активности людей на рынке труда с использованием *деятельностного подхода* занимает *экономическая социология*. Формирование в середине 1980-х гг. этой отрасли отечественного социологического знания, обогащение ее разработанными ранее западными теориями и концепциями, активное развитие междисциплинарных исследований в последнее десятилетие способствовали значительному продвижению в рассматриваемой области исследований. В рамках *экономико-социологического подхода* изучаются экономические интересы, мотивация и поведение социальных групп, в т. ч. активность на рынке труда (см. в работах В. И. Верховина, Т. И. Заславской, В. В. Радаева, Р. В. Рывкиной и др. [36, 70, 71, 146, 161]). При анализе активности людей на рынке труда на основе деятельностно-активистского подхода рассматриваются особенности проявления процессов активности

различных социальных субъектов (индивидов, социальных групп, организаций) под воздействием рынка труда как особой социальной среды, в т. ч. изучаются модели и стратегии активности, фиксируются поведенческие реакции на изменение социальной среды.

Богатую палитру возможностей анализа трансформационных процессов представляет **социокультурный подход**, реализованный в теории постиндустриального развития общества (Д. Белла), концепциях модернизации, конвергенции, информационного общества, парадигме «открытого общества» (Дж. Сороса), концепции глобализма, концепции альтернативной цивилизации и глобального империализма (А. Субетто) и др. В частности, перспективной в рассматриваемом отношении является парадигма «открытого общества», которая, по словам Дж. Сороса, рассматривается как «отражение положительной стороны демократии — максимальной степени свободы в сочетании с социальной справедливостью» (см.: — С. 452. Сорос Дж. Будущее капиталистической системы зависит от упрочения глобального открытого общества // Фин. изв. — 1998. — № 2). Практическое решение проблем, связанных с созданием открытого общества, будет означать одновременно и необходимость разработки механизмов регулирования социальной активности на международном рынке труда (в т. ч. международной социальной политики) в условиях открытости и экономической свободы мирового сообщества.

Не останавливаясь подробно на описании особенностей и оценке возможностей социокультурного подхода при изучении общественной трансформации (см. в работах Д. Белла, Н. Лапина, А. Субетто, Г. Югая, Я. Юхлера и др. [18, 105, 159, 222]), отметим лишь в качестве ограничения его применения при изучении социальной активности на рынке труда преимущественно социетальный уровень анализа и, следовательно, возникающие значительные трудности при эмпирической апробации на групповом и индивидуальном уровнях.

Кроме того, для ряда рассматриваемых теорий и концепций характерен излишний детерминизм в определении путей развития человеческого сообщества. Среди них одной из наиболее популярных являлась до последнего времени *теория модернизации*. Однако, по словам В. Ядова, «многие социальные теоретики нашего времени... весьма убедительно доказывают, что теории линейного, безвозвратного и прогрессивного развития всех стран и народов по евроцентристской модели опровергаются ходом истории человечества» [159, с. 10]. Их аргументы сводятся к следующим моментам: 1) преимущественно *социально-историческому процессу* (в отличие от естественно-исторического) *развития чело-*

вечества, поскольку решающую роль приобретают в наше время субъектные факторы, т. е. «способность социальных субъектов... упреждать или сдерживать нежелательные опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным»; 2) *многовариантности модернизационного развития западных и восточных обществ*, в отличие от предписываемой идеальной «европейско-американской» модели; 3) *отказу от представления об утрате сущностных свойств общинного и переходе к обществу современного типа как о безусловном благе для развития человечества*¹ и, как следствие вышесказанного; 4) *объективной недерминированности происходящих изменений в обществе* [159, с. 10–12].

Эффективной в методологическом отношении базой исследования трансформационных процессов социальной активности в реформируемой России является, на наш взгляд, *концепция устойчивого развития общества* как реализация **социоэкологического** (инвайороментального) **подхода**. Данная концепция рассматривает общество с позиций обеспечения в нем процессов стабилизации и устойчивого функционирования и развития, особенно в период кризисных явлений и деформаций социально-экономических отношений [202, 203]. При практическом применении концепции устойчивого развития общества определяется уровень устойчивости развития социальных систем, адаптивность и эластичность социально-воспроизводственных процессов общества, выявляются очаги и факторы неустойчивого, несбалансированного развития, разрушения необходимых связей и обнаруживаются источники возможного устранения причин и последствий такой дестабилизации.

Прогрессивное развитие социальной сферы зависит от ее внутренней сбалансированности и гармоничности, в первую очередь в развитии ее стержневых элементов и связей, а также от социальной активности и проводимой социальной политики. На основе целевой направленности развития общества, диагностики современного состояния в развитии социальных процессов и параметров допустимых значений отклонения от желаемой траектории (социальных нормативов и индикаторов, таких, как пороговые значения уровня экономической активности, безработицы и скрытой занятости, бедности и социального расслоения,

¹ Такая утрата воспринимается ныне в западных обществах как потеря необходимых черт социальности, что выражается, в частности, в отказе от концепции «плавильного котла» в США, развитии в европейских странах многообразных форм самоорганизации на уровне соседства (community), формирование «сетевых структур» в бизнесе, культуре, Интернет-коммуникациях и др.

характеристик социальных настроений в обществе и др.) производится оценка перспектив устойчивости, возможностей развития неустойчивых процессов и роста социальной напряженности, возникновения социальных угроз и кризисных ситуаций. Как показывают результаты исследований З. Голенковой, С. Григорьевы, Т. Заславской, Ю. Левады, Т. Малевой, Ю. Растова, Р. Рывкиной, В. Тапилиной, В. Ядова и других ученых [47, 70, 106, 156, 159, 161, 182, 188, 198]), трансформационные процессы в социальной сфере российского общества в годы рыночных реформ характеризуются стихийностью, неопределенностью и повышенной социальной напряженностью на всех уровнях (на предприятиях, локальных рынках труда, в регионах и др.). К социально-взрывной неустойчивости социальной сферы приводят отсутствие многочисленного среднего класса, высокий уровень бедности и безработицы, усиливающаяся социальная поляризация.

К ограничениям в использовании данной теории можно отнести пока еще недостаточную разработанность методологического и методического аппарата (начиная с неоднозначной трактовки категорий и содержания самой теории), нормативной базы оценки устойчивого развития общества и др.

В условиях трансформации социальной структуры, социальных институтов и процессов особое значение приобретают исследования в рамках **конфликтологического подхода**, а именно: *теории социальных конфликтов* (Р. Дарендорфа, Л. Козера и др.) и направлений ее современного развития, представленных, в частности, в работах по проблемам социально-политической активности населения на рынке труда таких авторов, как Л. Анисимов, С. Барсукова, В. Герчиков, В. Кривошеев, А. Мишин, В. Нагайцев, Ю. Одегов, Ю. Растов, А. Темницкий и др. [7, 17, 82, 100, 120, 150, 153, 159, 182, 187, 192]. Согласно данной теории активность населения рассматривается с позиций взаимоотношений социальных групп, взаимодействия их различных, часто противоречивых интересов в получении и использовании ограниченных социальных благ. Движение к гармоничному состоянию общества реализуется через согласование интересов, разрешение противоречий, смягчение рискованных ситуаций и достижение компромиссно-приемлемого варианта. Противоречивость же интересов объективно обусловлена, поскольку у участников социально-воспроизводственного процесса возникают новые мотивы, новые интересы, вызванные изменениями в жизненном пространстве. К таким противоречивым интересам на рынке труда относятся социально-экономические и социально-политические, стратегические и тактические

интересы государства, общества и его отдельных групп, различающихся своим положением на рынке труда (работодатели и наемные работники, руководители и рядовые работники предприятий, представители различных предприятий, отраслей и территориальных общностей, бедные и богатые). Усиление противоречивости интересов различных социальных групп вызывает рост социальной напряженности в обществе, является почвой для возникновения конфликтов как в пассивных (например, в виде молчаливого уклонения от трудовых обязанностей работников), так и в активных формах (от голодовок, забастовок, «рельсовой войны» вплоть до криминальных протестных действий).

Конфликтологическая теория расширяет границы познания и прогнозирования процессов трансформации активности на рынке труда и механизмов их формирования, вводит новый ракурс анализа возможностей регулирования этих процессов. Однако использование данной теории ограничено своим «углом зрения» на предмет исследования, рассматриваемые процессы шире и богаче и не сводятся лишь к проблемам выявления и согласования интересов, разрешения конфликтных ситуаций и противоречий.

В последнее десятилетие активно развивается и все более часто используется в управленческой практике **теория социальных рисков** (подробнее см. в работах У. Бека, Б. Ракитского, А. Орлова, О. Яницкого и др. [15, 148, 149, 159, 177, 187]), довольно тесно связанная с конфликтологической теорией и теорией устойчивого развития. Сутью теории рисков является выявление различных социальных рисков, классификация их по характеру и вероятности возникновения, остроте, масштабам распространения и последствиям реализации. Для снижения вероятности возникновения и смягчения последствий рисков на рынке труда (безработицы, нарушений прав в области оплаты и условий труда, социальных гарантий) выявлены различные способы социальной защиты: от предотвращения (методами запрета, нормативного регулирования или иными способами) и сдерживания рисков (методами блокирования, временного ограничения и др.) до их предупреждения (упреждающими мерами смягчения рисков на основе негосударственных защитных действий субъектов гражданского общества с использованием разнообразных мер давления на источники потенциальной опасности: протестов, демонстраций способности к сопротивлению, методов нравственного воздействия, мер самоуправления и т. д.) и компенсирования [149]. Практический эффект применения теории заключается в том, что рассчитываются масштабы и продолжительность, вероятность возникновения того или иного соци-

ального риска, затраты на его профилактику и компенсацию последствий. Применение рассматриваемой теории ограничено самой областью распространения социальных рисков, поскольку лишь ограниченную часть социальных явлений и процессов, характеризующих развитие социальной сферы, в т. ч. рынка труда, можно отнести к таким рискам.

Анализ традиционных и неклассических подходов к исследованию трансформационных процессов общественного развития (создающих основу для применения их при изучении процессов социальной активности на рынке труда) показал, что, несмотря на их обилие, существующие научные традиции в отечественной науке были узко сфокусированы и резко разграничены между собой, что в свою очередь лимитировало возможности развития междисциплинарных исследований. Лишь в последнее десятилетие наблюдается рост такого рода исследований, представляющих успешные варианты взаимной интервенции социальных наук: социологии, экономической теории, психологии и др. (экономико-социологические теории и концепции «трансформационного пространства» Т. И. Заславской, «раздаточной экономики» О. Э. Бессоновой, «институциональных матриц» С. Г. Кирдиной, трансформации экономической свободы М. А. Шабановой и др. [19, 20, 67, 70, 86, 156, 182]), — и позволяющих расширить ракурс анализа процессов и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда.

* * *

Анализ возможностей различных методологических подходов (системно-структурного, социоструктурного, институционального, деятельностно-активистского, социокультурного, конфликтологического, социоэкологического) и развиваемых в их рамках теорий и концепций в исследовании процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда показал, что результативное социологическое исследование трансформационных процессов активности населения на рынке труда не может быть основано на использовании одной универсальной точки зрения, одного методологического подхода. Несмотря на ряд объективных ограничений, несомненные преимущества в анализе объекта исследования имеет ряд теорий социальной трансформации общества (теории социальной мобильности, трансформационного общества, трансформации экономической свободы и др.), институциональной социологии (теория институциональных матриц), концепция устойчивого развития, теории социальных конфликтов и социального риска и др.

Подводя итог вышесказанного и учитывая во многом объективные ограничения существующих методологических подходов в исследовании трансформационных процессов активности населения на рынке труда, пока еще недостаточный междисциплинарный уровень внимания к проблемам ее регулирования, можно констатировать, что по-прежнему актуальными остаются проблемы разработки теоретико-методологических основ комплексного и системного изучения трансформационных процессов активности населения на рынке труда. В настоящее время развитие теоретико-методологической базы таких процессов, по нашему мнению, целесообразно осуществлять на базе развития междисциплинарных и межотраслевых социологических исследований.

1.2. Теоретическое представление о феномене социальной активности населения на рынке труда

Для разработки методологии и методики системного исследования тенденций и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда, построения теоретической модели исследования необходимо уточнить понятийный аппарат, используя категории социологии.

Социальная активность как категория социологии. Прежде всего обратимся к анализу категории «Социальная активность» как основополагающей в понимании социальной активности людей на рынке труда. Под **социальной активностью** обычно понимается «совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной группой в данный исторический период» [160, с. 7]¹.

Социальная активность является характеристикой социальной деятельности. Под **социальной деятельностью** понимается «совокупность социально значимых действий, осуществляемых субъектом (общество, класс, группа, личность) в различных сферах и на различных уровнях организации общества, преследующих определенные социальные цели и интересы и использующих во имя достижения этих целей и удовлетворения интересов различные средства: экономические, социальные, политические и идеологические» [160, с. 120–121].

¹ Иногда рассматривается более узкое понимание социальной активности как активности, реализуемой в социальной сфере общества. Однако использование данной трактовки неуместно в нашем случае, поскольку приводит к значительному сужению объекта и предмета исследования.

Понятие социальной активности также тесно связано с понятием социального поведения. В Российской социологической энциклопедии **социальное поведение** определяется Г. В. Осиповым как «*внешнее (фактическое — А. С.) проявление деятельности, в которой выявляются конкретная позиция человека, его установка. Это форма превращения деятельности в реальные действия по отношению к социально значимым объектам. Оно (поведение) представляет собой внешне наблюдаемую систему действий (поступков) людей, в которой реализуется внешнее побуждение человека*» [160, с. 385–386]. При этом под *социальным действием* как простейшей единицей социальной деятельности понимается, по М. Веберу, «действие индивида, сознательно ориентированного на прошедшее, настоящее или будущее поведение других людей» [160, с. 114].

Социальная активность является системной категорией, все элементы активности взаимосвязаны и представляют собой систему действий. Подчеркнем, что в отличие от социального поведения социальная активность, во-первых, имеет *три уровня проявления: социетальный (общество в целом), групповой и индивидуальный* (в то время как социальное поведение реализуется только на уровне индивида и общественной группы). И, во-вторых, социальная активность включает в себя не только ее внешнее проявление в виде реализованной части действий (фактическую компоненту), но и *потенциальную компоненту*.

Для изучения индивидуальной социальной активности необходимо рассматривать четыре составляющие (уровня) социального поведения личности, а именно: 1) поведенческие акты (как «реакцию субъекта на актуальную предметную ситуацию, на специфические и быстро сменяющиеся друг друга воздействия внешней среды»); 2) привычные действия и поступки («как элементы поведения, как его целенаправленные акты»); 3) целенаправленную «последовательность поступков или социальных действий в той или иной сфере жизнедеятельности, где человек преследует более отдаленные цели, достижение которых обеспечивается системой поступков»; 4) «уровень реализации жизненных целей», связанный с «процессом реализации жизненно важной для индивида цели — превращения идеального в реальное» [160, с. 386]). В нашем исследовании особое внимание сконцентрировано на третьем и четвертом уровнях поведения людей, имеющих для социологии наибольшее значение. По сути они представляют собой стратегии поведения, в нашем случае — **стратегии активности**.

Кроме того, для обозначения совокупности устойчивых, типичных стратегий активности, внутренне однородных по выбранному критерию

(ям), воспользуемся понятием *модели (типа) активности*. Критериями выделения модели могут быть цели и мотивы, методы и средства, результаты социальной активности.

Особенностью проявления социальной активности является *социальное взаимодействие субъектов активности различных уровней*. В. С. Барулин, анализируя взаимосвязь социальной активности общества и человека, отметил, что воздействие общества на человека может быть рассмотрено и оценено с разных позиций: как средство или условие удовлетворения определенных потребностей человека, как источник информации, сигнал нарастающей опасности и др. [13]. Так, любое политическое решение, принимаемое органами управления, обладает социально-регулятивной силой и является импульсом социальной активности. Оно может нацеливать людей на определенные действия, воодушевлять их, придавать им силы в борьбе за достижение каких-либо целей.

По В. С. Барулину, общество выступает мощным излучателем социальной активности, социальной энергии. Находясь в непрерывном потоке облучений социальной энергией, социальной активностью, человек «ассимилирует эту общественную активность, живет и действует в духе и направлении именно тех социальных импульсов, которыми наделяет его общество». И «благодаря перманентной сопряженности каждого человека с общественной энергией, активностью общества, мощь действия каждого отдельного человека намного превышает его возможности как отдельного индивидуального существа... как бы опирается на мощь всего общества, на накопленную энергию всех предшествующих поколений» [13, с. 72]. Кроме способности человека во взаимодействии с обществом являться объектом воздействия, реагировать на активность общества, ассимилируя ее, В. С. Барулин выделяет также способность человека, как существа активного, быть носителем своей собственной неповторимой социальной энергии и способности.

Общество по отношению к человеку формулирует *социальные нормы* (совокупность регуляторов, требований, предписаний, запретов, обращенных к человеку), определяющие, направляющие, корректирующие, предупреждающие, запрещающие разные стороны человеческой деятельности. Эти нормы (программы по В. С. Барулину) «детерминируют человеческую жизнь не просто с точки зрения активности или пассивности ее проявления, а содержательно», поскольку «в них предписывается не то, как энергично человеку надлежит что-то делать или не делать, а что именно делать и что именно не делать» [13, с. 75].

Социальная активность как социальный феномен имеет сложную **структуру**, множество различных видов и форм ее проявления. В соответствии с устройством общественной жизни, сферами ее проявления исследователи выделяют различные ее компоненты (например, социально-экономическую, социально-политическую, социокультурную и др.) и, соответственно, компоненты социальной активности [129, 133, 242]. Например, *социально-экономической активностью* является социальная активность, проявляющаяся в сфере социально-экономических отношений, т. е. отношений в сферах производства, обмена, распределения и потребления различных социальных благ и услуг.

М. Вебер ввел систему социологических категорий *экономического действия как формы социального действия* [27–29]. При этом под экономическим действием понимается осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения своих потребностей (см. в работах М. Вебера, В. Верховина, В. Радаева [27–29, 36, 146, 147]). Кроме того, по М. Веберу социальное действие (деятельность) включает в себя властные и социокультурные компоненты, характеризующиеся внутренним субъективным смысловым единством.

В исследованиях используются также более дробные выделения компонентов социальной активности, основанием которых является ее реализация в различных сегментах рынка, в т. ч. на рынке труда. Мы рассматриваем активность населения на рынке труда как составляющую (часть) социальной активности в целом и согласны с большинством исследователей в том, что рынок труда является важнейшей сферой реализации последней.

Социальная активность на рынке труда как социальный феномен и объект социологического исследования. Под *социальной активностью на рынке труда* нами понимается совокупность всех действий, целенаправленно осуществляемых его участниками (актерами) непосредственно в системе рынке труда, а также на «входе» в систему и «выходе» из нее. В социальных науках существуют различные точки зрения на понимание рынка труда, выделяются различные аспекты его рассмотрения как «места», где совершается *акт купли-продажи рабочей силы; совокупного спроса и предложения рабочей силы*, которым опосредуется движение относительно рабочих мест и размещение экономически активного населения по сферам хозяйственной деятельности в отраслевом, территориальном и профессионально-квалификационном разрезе; *совокупности товарно-денежных отношений*, возникающих по поводу условий найма, использования и обмена рабочей силы на жизненные средства; *важнейшего сегмента рыночной экономики, выполняющего функции механиз-*

ма распределения и перераспределения общественного труда по сферам и отраслям экономики, видам и формам деятельности в соответствии со структурой общественных потребностей и др. (см. в работах Я. Т. Васильева, Н. А. Волгина, С. В. Гришаева, Р. И. Капелюшникова, А. Э. Котляра, М. В. Курбатовой, Л. Г. Миляевой, В. В. Радаева и др. [26, 52, 82, 96, 97, 103, 118, 145, 146, 180]). В нашем случае **рынок труда** рассматривается, во-первых, как *социальная система*, точнее как система общественных отношений по поводу формирования и использования рабочей силы. Во-вторых, рынок труда является *социальной средой или социальным пространством* формирования статуса, положения различных социальных групп, формирования и реализации их интересов, различных видов и форм, моделей и стратегий их активности. При таком понимании рынок труда является составляющей условий жизнедеятельности населения в территориальной общности.

Кроме того, в исследовании рассматривается *совокупный рынок труда* (в отличие от текущего рынка труда). Его главными составляющими являются совокупное предложение, включающее занятых и безработных, и совокупный спрос, характеризующий общую потребность экономики в наемной рабочей силе (замещенные и вакантные рабочие места). Выбор широкой трактовки рынка труда обусловлен задачами комплексного и системного анализа социальной активности, что невозможно осуществить, рассматривая ее в рамках текущего рынка труда.

По содержанию действий, осуществляемых людьми на рынке труда, социологами (а также социальными работниками, конфликтологами, экономистами и политологами) чаще выделяются *две формы социальной активности: социально-экономическая и социально-политическая*¹.

Социально-экономическая активность населения на рынке труда понимается нами как совокупность его целенаправленных действий, связанных с поиском, созданием, сохранением, расширением и использованием мест приложения труда, соответствующих источников получения и распределения доходов, а также противоположных действий и поступков, направленных на сокращение занятости в ее различных видах и формах². Поскольку рынок труда — категория социально-экономиче-

¹ Кроме того, можно говорить также о социально-психологической, физиологической и других формах ее проявления, попадающих в поле внимания не столько социологов, сколько социальных психологов и физиологов. Исходя из задач нашего исследования анализу этих форм не будет уделено большого внимания.

² При определении данной категории использован тот же подход, что и при определении понятия экономического поведения на рынке труда, разработанного совместно с Л. В. Родионовой [278, с. 160–196; 301].

ская, активность в этой сфере социальных отношений проявляется прежде всего в социально-экономической форме³. Логично, что социально-экономическим проявлениям активности на рынке труда в данной работе будет уделено основное внимание.

Основными *компонентами социально-экономической активности* являются: 1) непосредственно трудовая и предпринимательская активность (интенсификация труда, первичная и вторичная занятость, открытие и развитие бизнеса и др.); 2) поисковая активность и трудоустройство (поиск основного места работы или дополнительной занятости в форме обращений в государственную службу занятости или негосударственные центры, биржи занятости, на предприятия, к родственникам и знакомым, поиск работы через СМИ и т. д., смена места работы и др.); 3) активность, напротив, связанная с сокращением занятости и уходом с рынка труда (увольнение с основной и дополнительной работы, сокращение занятости в личном подсобном хозяйстве и др.); 4) квалификационная активность (повышение образования и квалификации (как по месту работы, так и вне его), должностного статуса и др.).

Другой распространенной формой активности населения на рынке труда (но играющей вторичную роль в сравнении с социально-экономической активностью) является **социально-политическая активность**, связанная с деятельностью и взаимодействием акторов по формированию, реализации и защите их интересов и прав на рынке труда. Среди ее основных *компонентов* можно выделить активность: социозащитную (требования своевременности выплаты и повышения уровня заработной платы и социальных льгот, предъявляемые работодателю работниками предприятия и др.), лоббистскую (лоббирование интересов при принятии законов и др.); контролирующую (социально-трудовой контроль над установлением, своевременностью выплат и изменением уровня (повышении/снижении) зарплаты и социальных льгот, выплачиваемых работникам на предприятии); социально-договорную (переговоры объединений наемных работников с работодателем, социальное партнерство и др.); протестную (активные либо пассивные варианты коллективного и индивидуального сопротивления наемных работников действиям работодателя, администрации предприятия, оказания на них давления).

³ Социологи и экономисты чаще говорят об экономической активности. В данной работе значительный акцент сделан на социальных проявлениях экономической формы активности. Поэтому мы будем употреблять термин «социально-экономическая активность».

Выделенные таким образом структурные компоненты социально-экономической и социально-политической активности населения на рынке труда могут являться основой выделения соответствующих (социально-экономических и социально-политических) стратегий активности. В качестве трудовых стратегий исследователями рассматриваются, к примеру, интенсификация труда и ее экстенсификация (посредством дополнительной занятости).

Социально-экономическая и социально-политическая формы активности тесно взаимосвязаны и пересекаются между собой. Так, наряду с воздействием других факторов (см. п. 2.1) социально-экономическая активность является социальным механизмом формирования, но одновременно и результатом реализации социально-политической активности, и наоборот. Кроме того, не всегда можно сразу определить характер активности, отделить одну форму от другой. Часто имея социально-экономический характер, активность на рынке труда внешне проявляется в социально-политической форме. В качестве примера можно привести требования своевременности или повышения уровня выплаты заработной платы, предъявляемые работниками предприятия своему работодателю, которые могут выражаться в договорной форме (переговоры, результатом чего является заключение коллективного договора или изменения в его содержании и др.) или в протестной форме (забастовка, митинг, саботаж, пикетирование, голодовка, а также десятки вариантов невидимого давления наемных работников на работодателя: абсентеизм, рестрикционизм и др. [146, с. 173–175]). Примером подобного рода являются также действия работодателей в форме локаутов.

Другим важнейшим основанием выделения структурных компонентов активности населения на рынке труда (кроме содержания действий) является *сфера приложения выполняемых действий*. По данному критерию различается содержание социально-экономической и социально-политической активности людей незанятых (в т. ч. безработных) и занятых в экономике, активности в сфере занятости и вне ее. Под *сферой занятости* понимается система социально-экономических отношений людей по поводу использования рабочей силы, создания, функционирования, расширения либо сокращения рабочих мест.

В сфере занятости различают активность в различных ее отраслях и секторах. Так, наиболее часто исследователями рассматриваются занятые в сферах материального производства и обслуживания; в государственном и муниципальном секторах и различных видах частного

сектора (в т. ч. занятые в бюджетных отраслях, на приватизированных и новых частных предприятиях, самозанятые); в сырьевых и несырьевых отраслях экономики; в сфере общественного производства и в личном подсобном хозяйстве и др. (см. в работах Р. Агабекяна, Я. Васильева, В. Верховина, Л. Гордона, В. Кабашиной, З. Калугиной, Р. Капелюшниковой, С. Кларка, Э. Клопова, В. Кузнецова, С. Кузьмина, Т. Малевой, Л. Милевой, Г. Соколовой, О. Фадеевой и др. [2, 26, 35, 46, 62, 79–82, 102, 107, 117, 118, 125, 180]).

Сфера занятости является основой формирования и развития социально-трудовых отношений. Под *социально-трудовыми отношениями* мы понимаем отношения, возникающие между субъектами труда (работодателями, наемными работниками, самозанятыми и др.) в процессе их совместной трудовой деятельности и характеризующие их социально-трудовой статус. Социально-трудовые отношения характеризуются составом субъектов труда и их положением в сфере занятости, потребностями экономики в рабочей силе, динамикой занятости населения и безработицы, условиями и оплатой труда, показателями качества трудового потенциала.

Другой близкой, пересекающейся с рынком труда сферой проявления социально-экономической активности, является *сфера доходов населения*. Доходы населения представляют собой поступления в его распоряжение ресурсов в денежной и натуральной формах как за счет социально-экономической активности (трудовой, предпринимательской, в сфере использования собственности и др.), так и без нее (наследование материальных ценностей, отдельные виды социальных трансфертов, помощи). *Сфера доходов* населения характеризует отношения в обществе по поводу формирования (первичного формирования и распределения) и использования создаваемого продукта, возникающие между социальными группами (стратами, домохозяйствами, семьями) и отдельными людьми¹. Поскольку значительная часть видов активности населения на рынке труда и в сфере занятости пересекается со сферой доходов, рассматривать такую активность необходимо в единой системе отношений. К ним от-

¹ Формирование первичных доходов происходит в процессе производственной деятельности людей, в том числе в сфере наемного труда, предпринимательской деятельности, домашнем хозяйстве. Перераспределение доходов осуществляется как в социально-экономической (обмен и распределение), так и в социально-политической сферах общественной жизни. Использование же доходов происходит в сфере материального потребления, образования, здравоохранения, культуры и в других сферах социальной жизни общества. Население использует доходы для удовлетворения личных потребностей, целей развития производства и накопления.

носятся почти все виды формальной занятости и большая часть неформальной занятости¹.

Для анализа социальных явлений и процессов традиционно выделяют *количественные и качественные характеристики (индикаторы и показатели)*, с помощью которых можно описать процесс или явление в целом и их структуру (устройство), их структурные компоненты, выявить тенденции и механизмы изменения процессов.

Под *показателями активности населения на рынке труда* понимаются количественные и качественные характеристики состояния, тенденций и направлений ее формирования и реализации. К основным **количественным характеристикам** относятся: 1) масштаб (объем) и уровень (степень) активности; 2) степень распространенности, популярности (частота осуществления) определенных действий, стратегий, в т. ч. пространственная характеристика распространенности (дисперсность, очаговость); 3) продолжительность (время осуществления) действий, стратегий, период их наибольшей популярности.

Качественными характеристиками активности населения на рынке труда являются:

- во-первых, качественные характеристики ее проявления, воздействующие на ситуацию на рынке труда и социальное положение, статус его актора: адаптация акторов к современным условиям, конструктивность (созидательность), инновационность, рациональность, свобода проявления, рисковость, легальность, латентность, устойчивость и др.;
- во-вторых, качественные характеристики каналов формирования активности (сферы образования и воспитания, сферы доходов и потребления и др.): качество образования, подготовки специалистов, квалификация рабочей силы и т. д.;
- в-третьих, статус и другие качественные характеристики территориальной общности как места реализации активности (типы поселенческих и региональных общностей, например, город-село и их более дробные классификации по размеру и функциям, типы регионов по проблемности развития), благополучие условий жизнедеятельности населения в такой общности;

¹ Между тем далеко не все виды активности, касающиеся формирования и использования доходов, непосредственно связаны с рынком труда и занятостью. К последним не относятся, например, различные виды потребительской и сберегательной активности, а также активности, связанной с приобретением и использованием собственности, финансово-кредитной и налоговой сферами.

- в-четвертых, направления пространственного распространения (рассеивания) активности в целом, в т. ч. определенных действий, стратегий [50, с. 86–88] и другие социологические и экономические теории пространственной организации общества;
- в-пятых, качественные характеристики ее результативности: социальная справедливость как характеристика эффективности, субъективная оценка степени удовлетворенности потребностей людей в активности и ее результатах и др.

Важнейшей интегральной характеристикой активности, отражающей количественные и качественные процессы ее формирования и реализации, направленность ее изменений, является **потенциал активности**. Потенциал социальной активности населения на рынке труда создается в процессе формирования акторов и развития рынка труда как сферы ее реализации. Потенциал характеризует реальные возможности акторов (индивидов, групп и их организаций, общества в целом) для удовлетворения их социальных потребностей, а также ресурсы для достижения более высокого уровня жизнедеятельности, обеспечения социального благополучия населения. Это понятие включает в себя не только существующие в данный момент средства и резервы, но и их предпосылки, те возможности и источники, которые могут проявиться в будущем при создании определенных условий. Таким образом, потенциал активности населения на рынке труда отражает социальные перспективы процессов ее воспроизводства, воспроизводства самого рынка труда и их дальнейшего развития.

Рассмотренные выше количественные и качественные характеристики активности описывают содержание действий и в большинстве своем используются исследователями в качестве критериев классификации видов и форм, моделей и стратегий активности, что далее будет продемонстрировано при описании классификации видов, форм и стратегий. Соответственно можно говорить, к примеру, об инновационной и конструктивной стратегии, рискованных и рациональных видах активности и т. д.

В каждый момент изменения активности могут происходить как в сторону увеличения количественных и качественных аспектов проявления активности, так и в сторону их уменьшения. Под **активизацией** мы будем понимать процесс и результат повышения активности как в количественном (увеличение уровня, распространенности и др.), так и в качественном отношении (расширение набора реализуемых видов и форм, моделей и стратегий, сфер проявления и изменение их качества по харак-

теристикам конструктивности, инновационности, адаптации, свободы проявления и др.). Активизация может быть эффективной или неэффективной с двух позиций: с позиции развития рынка труда или с позиции его участников — социальных субъектов активности.

В качестве **социального субъекта активности**, действующего участника рынка труда или, другими словами, *актора* может выступать не только человек, но и социальная группа, слой, класс, общество в целом. В нашем исследовании мы рассматриваем в первую очередь активность различных социальных групп населения, различающихся статусом занятости, доходами, демографическими, профессионально-квалификационными, территориальными и другими характеристиками. К **акторам рынка труда** относятся не только все категории занятых, но и безработные. В состав акторов входят также домохозяйства, межсемейные сети, предприятия и их объединения. При анализе социально-политической активности населения на рынке труда важную роль играют различные социально-политические организационные объединения индивидов и социальных групп, в т. ч. профсоюзы как объединения лиц наемного труда, союзы и другие объединения предпринимателей и работодателей, молодежные, женские и другие организации.

При рассмотрении социально-экономической активности человека на рынке труда автор опирался на понимании его не столько как «человека экономического» *homo economicus* (человека независимого, эгоистичного, рационального и компетентного) или как «человека социального» (подчиняющегося общественным нормам, альтруистичного, иррационального и непоследовательного, слабо информированного и не способного к калькуляции выгоды), а, по словам В. В. Радаева, как «социологического человека» (*homo sociologicus*), «плавающего» в континууме между двумя указанными полюсами. Другими словами, мы рассматриваем «социологического человека» как целую галерею фигур, описываем ряд типов действия не в какой-то отдельной точке, а на протяжении всего континуума [146, с. 57].

Речь идет о рассмотрении человека как активного **субъекта социального действия, человека действующего** [200]. В одних случаях он ведет себя рационально, независимо или эгоистично, а в других — проявляет альтруизм или следует традиционным нормам. Но главное — человек способен поступать вопреки очевидной рациональности или устоявшимся нормам, «переключаться» с одного режима на другой, переходя от логики экономически ориентированного к логике социально ориентированного действия и обратно. Мы согласны с В. В. Радаевым в том,

что изучение этих переходов является важнейшей задачей социологии [146, с. 13]. Именно такое понимание субъекта социального действия (актора) позволяет отличить сравнительно широкую социологическую трактовку социальной активности человека (в т. ч. активности на рынке труда) как активности «человека социологического» от более узкой экономической трактовки и противопоставления экономистами социальной (активности человека «социального» или «(пере) социализированного») и экономической активности (активности «человека экономического»).

Активность населения на рынке труда является **социальным механизмом формирования социальной структуры и социального положения людей**. Становление рынка, в т. ч. рынка труда, формирует кардинально новые общественные отношения, новые виды и формы, сферы, стратегии активности, приводящие к качественным изменениям социальной структуры, появлению новых социальных групп, которые характеризуются более сложным и поначалу неясно выраженным сочетанием признаков. Например, отечественные исследователи, анализируя трансформирующуюся социальную структуру российского общества в условиях перехода к рынку, используют такие критерии, как разделение труда, отношения собственности, власть, престиж, доход, уровень образования, профессия. В условиях динамично меняющегося общества особое значение имеют также степень адаптированности людей к новым социальным, экономическим и политическим условиям, осознание различными социальными группами своих интересов и прав [1, 32, 33, 65, 67, 68, 70, 93, 182, 188]).

В качестве примера приведем один из вариантов, обрисовывающих контуры социальной структуры, предложенный Н. М. Римашевской и И. А. Дискиным, в котором акцент сделан на значительный набор важнейших характеристик: доходы, власть, собственность, престиж, а также степень адаптированности, мотивированности, уровень и характер социальной активности. Авторы данного варианта выделяют следующие семь социальных групп: 1) «*элитно-олигархические группы*», обладающие собственностью в размерах, сопоставимых с крупнейшими западными корпорациями, и средствами властного влияния на общероссийском уровне; 2) «*региональные и корпоративные элиты*», обладающие значительными по российским масштабам состоянием и влиянием на уровне регионов и секторов экономики; 3) «*российский верхний класс*», обладающий собственностью и доходами, обеспечивающими высокие западные стандарты потребления, а также притязаниями на повышение своего социального статуса и ориентациями на сложившуюся практику и этические

нормы хозяйственных взаимоотношений; 4) «*российский средний класс*», обладающий доходами, обеспечивающими удовлетворение среднероссийских и более высоких стандартов потребления; относительно высокой адаптированностью, значительными социальными притязаниями и мотивацией; социальной активностью и ориентацией на легальные способы ее проявления; 5) «*аутсайдеры*», характеризующиеся низкой адаптацией и социальной активностью, невысокими доходами и ориентацией на легальные способы их получения; 6) «*маргиналы*», характеризующиеся низкой адаптацией, асоциальными и антисоциальными установками в своей социально-экономической деятельности; 7) «*криминалитет*», обладающий высокой социальной активностью и адаптацией и вполне рационально действующий вопреки легальным, сложившимся нормам хозяйственной и социально-экономической деятельности [56; 129, с. 110–111; 198].

Особое значение социальная активность как механизм, воздействующий на социальное положение людей на рынке труда и на социальную структуру в целом, приобретает в условиях трансформации (см. п. 1.3).

Виды, формы и стратегии активности населения на рынке труда. Системно-структурный анализ активности населения на рынке труда предполагает исследование ее *типичных видов, форм и стратегий, изменения их структуры*. Как показано выше, социальная активность людей отличается многообразием проявлений, и, как следствие, на основе множества ее количественных и качественных характеристик можно выделить различные основания классификации форм и видов. Рассмотрим виды и формы активности населения, характерные в первую очередь для ее социально-экономической составляющей и при этом наиболее актуальные для характеристики тенденций ее трансформации.

Во-первых, социальная активность различается *уровнем (степенью) ее проявления*. Вся совокупность акторов рынка труда классифицируется при этом по степени их активности, т. е. производится разделение эмпирической социальной группы на активных, малоактивных (или умеренно активных) и пассивных. А социальное поведение людей условно делится на *активное, умеренно активное и пассивное*. К первому, например, относят такие действия на рынке труда и в трудовой сфере, как открытие и развитие собственного бизнеса, интенсификация труда, поиск основной и дополнительной работы, вторичная занятость, трудовая миграция, повышение образования и квалификации; к пассивному — безработицу, отсутствие действий по улучшению своего социально-экономического положения.

Во-вторых, на основе анализа социальной активности россиян исследователями разработаны различные варианты типологии населения **по степени социальной адаптации к рынку труда** (ее современным условиям, ситуации). В наиболее общем виде социальная адаптация является реакцией на изменения социальной среды, условий жизнедеятельности населения в территориальных общностях. Под *социальной адаптацией к рынку труда* мы понимаем социальный процесс и результат активного приспособления социального субъекта (индивида, группы, социума) к новой ситуации, сложившейся на рынке труда как социальной среды, приводящего к изменению его социального положения. Суть такого приспособления заключается в принятии рыночных норм и ценностей, целевых установок новой социально-экономической, социально-политической и социокультурной среды, формируемой рынком труда, в изменении общественного, группового или индивидуального сознания, деятельности и поведения, а также в освоении новых социально-экономических и социально-политических стратегий, видов и форм, инструментов и технологий активности социальных субъектов и их взаимодействия с рынком труда. Социальная адаптация на рынке труда может выражаться в поисковой активности (поиск основной и дополнительной занятости и др., новых возможностей карьерного роста), попытке актора (не всегда удачной) сменить привычные формы и стратегии трудовой активности на новые и др.

При анализе видов и форм адаптации как социального процесса необходимо использование многоуровневого подхода. Л. В. Корель выделяет *уровни адаптации: первичную и вторичную* [93, 182]. *Первичная адаптация на рынке труда* характерна для тех, кто впервые выступает актором на рынке труда (выпускники школ и вузов, бывшие военнослужащие и др.), *вторичная* — для тех, кто имеет опыт, но изменение ситуации на рынке труда вынуждает их изменить характер активности. Критериями адаптации являются приобретение и освоение нового социального статуса вследствие воздействия рынка труда.

В качестве примера можно привести одну из традиционно использовавшихся в опросах ВЦИОМ типологий по степени социальной адаптированности и характеру реакций на жизненные ситуации, в т. ч. ситуации на рынке труда. Согласно этой типологии все население делится: 1) на *адаптированные и адаптирующиеся слои*. Они активно пытаются улучшить свое положение (ищут более высоко оплачиваемую работу, дополнительный источник доходов, продвигаются по служебной лестнице), для них характерно *активное, созидательное, позитивное поведение*; 2) на *неадап-*

тированные к современным условиям слою, характеризующиеся пассивным поведением. Они «пали духом, утратили надежды на улучшение жизни»; 3) на неадаптированные слои с активным разрушительным, конфронтационным поведением. Такие «готовы идти на баррикады в прямом смысле слова».

В годы либерализации и начального этапа приватизации адаптационные социально-экономические действия в России проявлялись в следующем. Большинство предпринимали какие-либо действия для улучшения или поддержания материального положения своей семьи, только около 5% респондентов, по данным мониторинга ВЦИОМ 1995 г., ответили, что они не видели в этом необходимости (как правило, лица с высшим материальным положением, представители частного сектора, руководители). Каждый четвертый из числа опрошенных ничего не мог предпринять для улучшения своего материального положения — в основном это люди престарелого возраста, пенсионеры, лица с низким уровнем образования. Для всех остальных респондентов разные способы выживания, адаптации сводились к двум возможным направлениям: во-первых, поиску дополнительной работы и дополнительных источников денежных доходов (26% опрошенных); во-вторых, самообеспечению за счет натуральных источников доходов (48% опрошенных).

В-третьих, социально-экономическая активность различается **по степени инновационности и конструктивности** (созидательности). Так, выделяются *инновационные* (обновление технологий, использование высококвалифицированного труда) и *неинновационные* формы активности (сокращение необходимых затрат на основные и оборотные фонды предприятия, использование главным образом низкоквалифицированного труда). Исследователи рассматривают *конструктивные* и *деструктивные* (разрушительные) *стратегии* как для развития рынка труда, так и для самого актора [67, 70, 77, 81, 156], в т. ч. модели и стратегии социальной адаптации. Причем в последние годы встречаются исследования, совместно учитывающие оба критерия при типологизации социального объекта. В частности, в своей работе «Парадоксы аграрной реформы» З. И. Калугина выделила четыре альтернативные модели адаптации сельскохозяйственного предприятия: 1) *конструктивно инновационную адаптацию*, характерную для предприятия с активной рыночной (хозяйственной и социальной) стратегией; 2) *компенсационную адаптацию* традиционно ведущего хозяйства предприятия; 3) *депривационную адаптацию* с неадекватной (мимикрической) хозяйственной стратегией; 4) *деструктивную адаптацию (дезадаптацию)* предприятия с пассивно-выжидательной хозяйственной стратегией [77].

Инновационные и конструктивные стратегии образуют совокупность эффективных стратегий активности для рынка труда и его акторов. *Эффективными стратегиями для актора рынка труда* являются те стратегии, что приводят к повышению его социально-экономического и социально-политического статуса без социальных последствий для здоровья и ухудшения других показателей качества жизни. К *эффективным стратегиям для развития рынка труда* относятся стратегии акторов, улучшающие его организационно-структурные и институциональные характеристики. Примерами подобных стратегий являются те, что приводят к качественному улучшению соотношения спроса и предложения на рынке труда как одной из его (рынка труда) важнейших структурных характеристик, связанному в первую очередь с повышением уровня эффективной занятости и сокращением безработицы, в т. ч. в хронической форме. Очевидно, что эффективные стратегии для акторов и рынка труда достаточно часто совпадают. Однако если учитывать, что рынок труда «отвечает» за формирование совокупной рабочей силы, а не отдельных индивидов и социальных групп, рассматриваемые стратегии могут существенно различаться.

В-четвертых, по степени свободы проявления (свободы действия) все виды активности делятся на *добровольные и вынужденные* [156, с. 126–141; 182, с. 168–204]. На рынке труда свобода активности проявляется в социально-экономической форме как возможность выбора работодателя и рабочих мест по специальности и с учетом других критериев (здоровье, возраст и др.), беспрепятственного открытия и развития бизнеса, повышения квалификации, территориальная доступность центров государственной службы занятости, информационная доступность к имеющимся вакансиям на рынке труда и т. д. В социально-политической форме свобода активности характеризуется как свобода создания профсоюзов и других организаций наемных работников для защиты своих социально-экономических и социально-политических интересов, а также свобода каждого вступать или не вступать в такие организации, возможность лоббирования своих интересов через различные организации, осуществления социального контроля и др.

В-пятых, можно различать виды активности на рынке труда *в зависимости от целей и способов формирования доходов*. Способы формирования доходов весьма разнообразны, поиск доходов крайне дифференцирован: от «рытья в помойках» как одной из стратегий выживания до крупных международных и финансовых проектов, приносящих колоссальные прибыли. Активность населения в сфере формирования доходов связана в первую очередь с такими действиями, как поиск и расши-

рение источников доходов, сфер их приобретения и получения. На рынке труда и в сфере занятости это выражается в поиске основной и дополнительной работы, интенсификации и экстенсификации труда (увеличение производительности труда, вторичная и третичная занятость, включение в новые сферы занятости, различающиеся содержанием труда), «выбивании» неполученной, «задержанной» заработной платы, открытии и расширении собственного дела, получении социального пособия по безработице и т. д.

Кроме *легальных форм* социально-экономической и социально-политической активности, различающихся способами формирования и использования доходов, можно выделять *латентные, теневые формы активности* (неформальная активность), в т. ч. скрытую занятость, различные *незаконные, криминальные формы* включая экономические преступления (незаконные предпринимательские операции и др.), кражи, грабежи и другие способы приобретения денежных и натуральных доходов как на добровольной, так и на насильственной основе. В частности, социально-экономическая и социально-политическая активность на рынке труда проявляется в законных и незаконной формах получения и защиты доходов. К законным формам относятся уход от незаконного изъятия доходов (рэкета, взяточничества чиновников и др.), законные формы получения льгот в налогообложении, кредитовании и др. Вторые (незаконные) возникают в результате сокрытия доходов от налогообложения и других государственных видов сбора средств в госбюджет и внебюджетные фонды либо задержек с их выплатой, различных других неплатежей в экономике; незаконных задержек заработной платы; нецелевого использования кредитов; присвоения средств, полученных по договорам; вымогательства и получения взяток; незаконных сделок с валютой; незаконных форм обналичивания, легализации капиталов, нажитых преступным путем («отмывание грязных денег»); нарко- и порнобизнеса, проституции; краж и хищений на производстве; приписок и проч. [146, 161,162].

В зависимости от целей и способов формирования доходов исследователи выделяют различные виды и стратегии социально-экономической деятельности и поведения на рынке труда. Например, Н. М. Токарская и И. С. Карпикова делят все виды поведения на *рыночное, псевдорыночное и дорыночное* [194]. При этом рыночное поведение, как известно, характеризуется формулой «Максимум дохода при минимуме трудовых затрат», дорыночное поведение — формулой «Гарантированный доход ценой минимума трудовых затрат» или «Минимум дохода при миниму-

ме трудовых затрат»; и псевдорыночное поведение — формулой «Максимум дохода при максимуме трудовых затрат».

В своей работе «Экономическое поведение» Н. В. Полякова выделяет шесть стратегий трудового поведения: 1) *стратегия иждивенчества*, или ориентация на отказ от труда и на получение помощи; 2) *стратегия минимизации труда* — ориентация на короткий рабочий день, нетяжелый труд и небольшие доходы; 3) *стратегия максимизации труда* — на продолжительный рабочий день, интенсивный труд и на высокие доходы; 4) *стратегия максимизации расходования рабочей силы* — на выполнение тяжелых, вредных и/или опасных видов труда и на высокие доходы; 5) *перспективный тип стратегии* — ориентация на содержательный, развивающий труд, ведущий к высокому профессионализму, на невысокую заработную плату в настоящее время и на высокий доход в будущем; 6) *криминальный тип стратегии* — отказ от труда и ориентация на девиантное поведение [139, с. 57].

Социально-экономическая активность на рынке труда отражает особенности формирования доходов населения и в конечном счете формирует их (доходов) структуру. В частности, активность формирует структуру доходов, направляемых на накопление и потребление, а в последнем случае — структуру расходов на питание, одежду и другие товары повседневного пользования, товары длительного пользования, предметы роскоши, недвижимое имущество и др. Живущая сегодня в неблагоприятных социально-экономических условиях значительная часть россиян вынуждена интенсифицировать свой труд и подрабатывать на нескольких рабочих местах (подробнее — в п. 4.1).

В-шестых, виды активности на рынке труда различаются также **в зависимости от способов удовлетворения материальных потребностей акторов**. Хорошо известны и описаны в научной литературе четыре экономические способа удовлетворения материальных потребностей людей: произвести продукт своими силами, обменять (в денежной или натуральной формах), попросить и отнять [110]. На рынке труда удовлетворить такие потребности в свою очередь можно различными способами: заниматься производством и реализацией какого-либо товара либо «посредничать», «делать карьеру» путем повышения образования и квалификации либо с использованием личных связей, требовать выплаты задержанной заработной платы путем переговоров с работодателем либо протестных акций и т. д. В период реформирования в России наблюдалось расширение возможностей использования всех четырех способов удовлетворения потребностей на основе развития всевозможных соци-

ально-экономических и социально-политических средств реализации активности на рынке труда.

По составу акторов рынка труда и характеру их социального взаимодействия выделяются *индивидуальные, групповые* (в т. ч. коллективные) и *межгрупповые* способы удовлетворения потребностей в активности. При этом необходимыми формами социальной активности являются различного рода *социальные контакты, коммуникации, взаимодействия* между социальными группами, индивидами. Так, в 1990-х гг. сам рынок стал школой общения россиян, создавая условия не только для конкуренции, но и прежде всего для сотрудничества и стимулируя людей к взаимодействию ради взаимной выгоды. Способность же к социальному взаимодействию в условиях рынка зиждется на ранее сформированных привычках, традициях, нормах, которые в свою очередь, способствуют либо препятствуют построению рыночных отношений, инфраструктуры.

Характерным примером формирования и реализации социальных коммуникаций на рынке труда является *иждивенческая социально-экономическая и социально-политическая активность*: например, просьба или требование помощи (работодателю и государству со стороны работника, государству — со стороны предпринимателя). Иждивенческая активность присуща в первую очередь не адаптированным к современным условиям группам низкодоходным либо нетрудоспособным слоям. Именно поэтому многие представители низкодоходных групп населения продолжали поддерживать в 1990-х гг. реализацию патерналистской модели социальной политики и рассматривали государство и предприятие (место работы) в качестве важнейших источников средств существования.

Потребность в социальной помощи (вспомоществовании) существовала и будет существовать потому, что в обществе возникают ситуации, когда риску подвергаются люди, не участвовавшие и не участвующие, даже в минимально необходимой общественной мере, в социальном резервировании средств для иждивения и в системе солидарной самозащиты (в социальном страховании). Речь, по словам Б. В. Ракитского, идет не о детях или инвалидах трудоспособного возраста, а о некоторой части людей, чье участие в социальном резервировании и страховании было необходимо, но они почему-либо отклонилось от общественной нормы. Общество (власти или благотворители), отмечает ученый, «помогает им из источников, в формировании которых защищаемый не принимал эквивалентного (полноценного) или даже минимально достаточного уча-

ствия....Здесь имеет место иждивение за счет общества без резервирования, т. е. попросту говоря — нахлебничество» [149, с. 25].

На индивидуальном уровне различного рода помощь (коллегам, знакомым, друзьям, соседям) в сфере социально-трудовых отношений, как психологическая, так и материальная (денежная и натуральная — безвозмездные подарки, дары, предоставление определенной суммы денег под условные, очень низкие проценты), может оказываться как людьми, входящими в одну группу (сообщество) по доходам, так и представителями других групп.

Социально-экономическая активность в форме социальных контактов может проявляться также в виде организации совместного бизнеса, предпринимательских акций с целью получения более высокой или не меньшей, чем «в одиночку», прибыли. Этот тип поведения характерен для всех рассматриваемых групп, но в первую очередь — для средне- и высокодоходных. Одним из примеров подобных действий среди низкодоходных может являться совместное попрошайничество, «побирушничество».

Другим примером является организация криминальных акций с целью изъятия, получения доходов незаконным путем. Эти действия как на межличностном, так и на межгрупповом уровне, предпринимают представители самых различных социальных групп вне зависимости от уровня их доходов. Различия наблюдаются главным образом в масштабах проводимых операций.

Опыт периода первоначального накопления капитала в России, как и исторический опыт других развитых стран, показывает, что он сопровождается всплеском преступности. Мы не отрицаем, что бедность чаще сопровождается преступностью, чем богатство и благополучие. Однако российский опыт трансформационного периода показывает, что наряду со значительным ростом числа краж, грабежей и других видов нелегитимных изъятий со стороны низкодоходных групп масштабы криминала среди средне- и высокодоходных групп также очень велики.

В целом, характеризуя различные виды социально-экономической активности россиян в годы рыночных реформ с позиции удовлетворения основных потребностей, многие исследователи говорят о них как о *стратегии выживания* населения.

В-седьмых, по степени риска все виды активности можно разделить на *рисковые* (предпринимательство, инвестиционная активность, сверхнормативная интенсификация труда) и *нерисковые* (интенсификация и экстенсификация труда в разумных пределах). В условиях, когда государство не является полноценным гарантом стабильности, рискованным

оказываются открытие и ведение, казалось бы, надежного в данный момент и в данных политико-правовых условиях предприятия.

Рисковые виды активности характерны как для высокодоходных и среднедоходных, так и для низкодоходных групп населения. При этом интересы и мотивы рискованной деятельности людей могут варьироваться от стремления быстро обогатиться, не прилагая особых усилий, за счет других людей, до стремления выжить, вырваться из нищеты.

Рисковая деятельность реализуется как в *законных*, так и довольно часто в *незаконных, криминальных формах*. Причем в последнем случае она характерна и для низкодоходных групп населения (проституция, распространение наркотиков и др.).

Исчерпать весь спектр проявлений активности населения на рынке труда практически невозможно. Последняя столь многообразна, что представляется бесперспективным пытаться ее полностью описать. Социальную активность людей на рынке труда можно классифицировать также *по демографическим* (по полу, возрасту, уровню образования и др.), *профессионально-квалификационным, территориальным и другим характеристикам их социального положения*. Так, Н. Рима-шевская и И. Невинная провели анализ социально-экономической активности россиян в 1990-х гг. в территориальном аспекте, выделив три качественно различающиеся зоны: «валютную», «рублевую» и «натуральную» (продуктовую) (Невинная И. *Сколько в России денежных поясов? // Рос. газ.* — 1998. — 7 февр.; Римашевская Н. *Как в России копят деньги и за чем? // Известия.* — 1998. — 18 февр.). «Валютная» зона действует в Москве, Санкт-Петербурге и на их ближайшей территории и характеризуется тем, что оплата за труд рассчитывается (а иногда и производится) в долларах и другой валюте. «Рублевая» зона распространяется на значительную часть России — почти все остальные города, а также райцентры, крупные села. Зона «натурального обмена» характерна для периферийных сельских районов и поселений, части малых аграрных городов. По результатам исследований З. И. Калугиной и О. П. Фадеевой, специфическими стратегиями этой зоны являются натуральный обмен результатами труда, высокая занятость в ЛПХ, миграция в «рублевую» зону [182, с. 426–446, 478–498].

* * *

Таким образом, социальная активность населения на рынке труда рассматривается нами, во-первых, как потенциальная и реальная характеристика социальной деятельности и социального поведения; во-вторых,

как совокупность социальных практик (моделей, стратегий); в-третьих, как социальный механизм формирования социальной структуры и социального положения акторов. Социологическое изучение активности населения на рынке труда концентрируется на двух основных формах ее проявления в зависимости от содержания осуществляемых людьми действий: социально-экономической и социально-политической. Структурными элементами активности являются ее социальные субъекты (акторы), виды и формы, сферы, модели и стратегии.

Основаниями (критериями) классификации видов и форм рассматриваемой активности могут выступать характеристики социального положения людей, их цели и мотивы, методы и средства, результаты реализации такой активности. В работе сделана попытка рассмотрения таких оснований классификации, как уровень активности людей, их адаптации к современной ситуации на рынке труда, степень свободы проявления активности, ее конструктивности и инновационности, риска, эффективность, легальность, латентность, состав акторов и характер их социального взаимодействия, их цели и способы формирования доходов, удовлетворения основных потребностей. В список критериев активности можно включить также рациональность, устойчивость и ряд других. Практически все перечисленные основания классификации могут быть использованы для анализа процессов трансформации активности населения на рынке труда и выявления ее основных тенденций в современной России.

В целом общая характеристика социальной активности на рынке труда как объекта социологического анализа, в т. ч. ее сущности и «устройства», позволяет нам перейти от номинации и конкретного рассмотрения отдельных элементов и свойств данного феномена к решению одной из поставленных задач: анализу процессов трансформации активности на рынке труда как объекта данного исследования.

1.3. Трансформационные процессы социальной активности населения на рынке труда как объект социологического исследования

Одной из основных задач нашего исследования является изучение *трансформационных процессов активности населения на рынке труда*. Рассмотрим, какова сущность трансформационного процесса, какие существуют подходы к пониманию его сути, каковы его наиболее общие характеристики. Далее, поскольку данные процессы рассматрива-

ются по отношению к российскому обществу, выделим специфические для России черты трансформации. На этой основе попытаемся дать общую характеристику трансформационных процессов социальной активности на рынке труда и выделить отдельные методологические положения их анализа.

Общая характеристика трансформации как социального процесса. Любой трансформационный процесс является прежде всего *социальным процессом*, под которым понимается «последовательное изменение состояний и элементов социальной системы и ее подсистем, любого социального объекта» [160, с. 426]. В социальных науках термин «Трансформация» используется с середины XX столетия для обозначения *радикальных структурных перемен в обществе, перехода к качественно новому состоянию общества, его социальной структуры, социальных институтов и организаций* (в отличие от эволюционных процессов, вызванных общественными потребностями и проявляющихся в количественных изменениях состояния общества, не приводящих к изменению его качественных характеристик). Но в последнее десятилетие данное понятие часто употребляется для обозначения процессов кардинального изменения социального, экономического, политического, культурного облика бывших социалистических стран с конца 1980-х — начала 1990-х гг. [19, 53, 56, 60, 67, 70, 88, 105, 115, 122, 127, 135, 156, 159, 161, 296, 186, 197, 198].

По мнению З. Т. Голенковой, этим термином, как и термином «Модернизация», стремятся как бы подчеркнуть «неидеологизированный характер», описательность и объективность данных категорий. Но в последнее время они становятся все более идеологизированными. Одни считают, что трансформация — это позитивный процесс, который следует всячески поддерживать, чтобы вчерашние «страны социализма» возвратились в число «нормальных», «модерных», эффективно развивающихся гражданских обществ. Другие же рассматривают ее как процесс негативный, разрушительный, навязанный извне (со стороны Запада), приведший к краху и катастрофе экономики, общественных и духовных основ этих обществ [198].

Анализ научной литературы, прежде всего работ Э. Беляева, З. Голенковой, А. Данилова, Т. Заславской, С. Кирдиной, М. Кодина, Д. Мартэна, Т. Пиирайнен, В. Ядова [19, 53, 56, 67, 70, 86, 88, 115, 127, 135, 156, 159, 161, 186, 197, 198, 337] позволяет нам выделить следующие **общие черты трансформационных процессов**, схожие для всех стран, претерпевающих такого рода социальные изменения.

1. *Масштабность, глубина и системность изменений.* Трансформационные процессы всеобъемлющи и системны, поскольку, по выражению В. А. Ядова, «охватывают решительно все стороны жизни — экономику, политику, систему ценностей, все социальные институты и повседневность бытия граждан» [159, с. 9].

2. *Внезапность и необратимость.* В. А. Ядов отмечает, что трансформации XIX–XX вв. отличались тем, что наступали неожиданно для подавляющей массы населения [159, с. 9]. По словам А. Н. Данилова, «трансформационный процесс зиждется на диалектическом преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения» [53, с. 10]. В результате именно как системный процесс трансформация приводит к *невозможности возврата старой системы*, обеспечивает гарантию ее реставрации. Причем речь идет не только о возвращении к прежней идеологии, но и в случае России, по мнению А. Н. Данилова, о воссоздании мощного государства, способного существенно влиять на геополитические процессы в их экономических, военных, научно-технических и прочих проекциях, о возврате к прежним масштабам, по О. Э. Бессоновой, распределительной, «раздаточной» экономики [20, 182], кардинальном уходе от сформированных на рынке правил игры.

3. *Неравномерность, стадийность развития.* Трансформационный процесс обычно проходит такие стадии, как: а) социальная диагностика существующего состояния общества, содержания и масштабов его кризиса, его корней в прошлом; б) оценка возможностей и путей выхода из кризисной ситуации; в) демонтаж отжившей системы, ликвидация ее очевидных несоответствий достигнутому уровню и тенденциям общественного развития; г) новое самоопределение общества, выдвижение и обоснование путей дальнейшего развития. Трансформационный процесс состоит из ряда последовательных трансформационных состояний, каждое из которых представляет собой реально достигнутые перемены в конкретный период [53, с. 10].

4. *Рост противоречий интересов различных социальных групп и слоев* (работодателей и наемных работников, работников различных отраслей, жителей регионов-доноров и регионов-реципиентов, горожан и селян и др.), что приводит к индивидуализации в сознании и социальном поведении людей [186, 221, 306], *социальной напряженности и конфликтности* [150, 159, 186].

5. *Высокая социальная мобильность и массовая маргинализация населения.* Вследствие структурных изменений в экономике и социаль-

ной сфере в период трансформации кардинально меняется социальная структура общества, наблюдается рост социального расслоения, закономерной чертой является маргинализация части населения. По словам В. А. Ядова, трансформационные процессы приводят к «резким изменениям общественного положения различных слоев населения, обращают их прежний опыт в бесполезный груз, препятствуют адаптации к переменам» [159, с. 9].

Из-за столь мощного воздействия трансформационных процессов на социальную сферу общества исследователи правомерно стали выделять понятие **социальной трансформации** как механизма кардинального изменения социальной структуры общества (масштабных изменений социального положения и перемещений людей), существенных институциональных перемен общественного устройства. Так, Л. П. Храпылина под социальной трансформацией понимает «изменение социальной сферы общества вследствие внешних и/или внутренних воздействий» как результата эволюционных или революционных процессов [177, с. 57]. Социальная трансформация происходит путем формирования новых и изменения состава и качества прежних социальных групп и слоев, отличных друг от друга по отношению к власти и формам собственности, положению в профессиональном занятии, отраслевой занятости социально-профессиональным группам (кто кем стал); принадлежности занятия к определенному сектору экономики (государственному, негосударственному), доходам (уровень и поляризация по доходам и их источникам), ценностным ориентирам и др.

б. Значительные, часто «непредвиденные», социальные последствия. К ним, например, относятся голод вследствие формирования рынка, крайних форм обнищания, рост дезорганизации, криминализация и теневизация общества.

В своей работе «Великая трансформация...» К Поланьи отмечает, что создание рынка труда разрушило традиционные институты дорыночного общества (различных его типов социальной организации), где действовала гарантированная свобода от нужды и люди были в основном защищены от голода, и заставило людей зарабатывать на жизнь продажей рабочей силы прежде всего перед угрозой остаться голодными [137, с. 183–198]. К. Поланьи подчеркивает, что по-прежнему время от времени практикуется «безжалостное расщепление социальных структур, чтобы получить в процессе их распада необходимый... элемент — человеческий труд». Так, «по общему признанию, существовал некий обычный уровень, некая норма, ниже которой заработная плата работника

упасть не может; при этом, однако, считалось, что работника поставят перед выбором: либо умереть с голоду, либо продавать свой труд на рынке за ту цену, которую за него дадут» [137, с. 184].

7. *Отсутствие единой технологии трансформационных перемен в различных социальных системах.* Большинство ученых согласны с тем, что трансформационный период в общественном развитии является особой исторической подсистемой, в которой обнаруживается своя структура, свое устройство, свои тенденции развития и методы регулирования. Сложность развития трансформационного процесса состоит в том, что единой технологии трансформационных перемен нет, и оптимальную политику преобразований каждой стране приходится вырабатывать самостоятельно. По выражению В. Ядова, «каждая страна, каждое общество включаются в общемировой социальный процесс своим неповторимым путем» [186, с. 17]. Неслучайно именно поэтому в последнее время наблюдается усиление внимания к выработке конвергентных решений, сочетающих преимущества всех существующих ныне подходов [53, с. 12]. Это связано также и с тем, что общей чертой всех трансформационных процессов является то, что они осуществляются *в условиях глобализации*, которая, с одной стороны, открывает широкие возможности для приобщения к новейшим достижениям научно-технического, институционального, культурного достижения мировой цивилизации, но с другой — усиливает социально-экономическое расслоение между странами и приводит к разрастанию во многих из них ареалов бедности [197].

Однако в любом случае необходимо учитывать национальные особенности трансформации. Они включают, по мнению Н. Симония, специфику экономической структуры, национальные традиции, психологические привычки и другие факторы самобытности [197]. Т. И. Заславская считает, что ключевыми при оценке особенностей трансформации социального пространства общества являются социальная структура, социальные институты и человеческий потенциал [67, 70, 156].

Особенности трансформации российского общества. В 2000-х гг. наблюдалась активизация внимания исследователей к проблемам социально-экономической и социокультурной российской трансформации, выявления ее особенностей и перспектив, оценки современного этапа. С этой целью в России и за рубежом регулярно организовывались «круглые столы» и конференции, в т. ч. на Всероссийских социологических конгрессах, на конференциях Европейской социологической ассоциации, конгрессах Международной социологической Ассоциа-

ции (к примеру, в 2010 г. на 17 Международном социологическом конференции Международной социологической ассоциации в Гетеборге работала секция по трансформационным процессам в посткоммунистических странах).

Процессы, происходящие в российском обществе в годы рыночных реформ, и соответствующий временной период называют по-разному: революцией, социальной катастрофой, модернизацией, трансформацией и др. Наиболее распространенными являются два варианта: модернизация и трансформация. Т. И. Заславская выделила три точки зрения исследователей на то, что произошло с Россией, какие процессы она переживает: 1) социальная революция¹; 2) антидемократический и антисоциальный переворот, начатый еще во времена Сталина; 3) **кризисная трансформация**, представляющая собой, по словам Т. И. Заславской, долгую череду неподготовленных, противоречивых, судорожных реформ. Последнюю точку зрения разделяют большинство российских исследователей: С. Кирдина, Ю. Левада, В. Федотова, М. Шабанова, В. Ядов и др.). В частности, В. Ядов отмечает, что особенностью российского общества является то, что оно находится в *«высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса»* (по И. Пригожину). Этим нынешнее российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессивной экономикой и устойчивой социально-политической системой» [186, с. 17]. Категории же модернизации и переходного периода (переходного общества) явно не выражают существа происходящих в России изменений, поскольку «исторический вектор этих преобразований объективно не задан, не предопределен» [186, с. 17]. Наиболее общее адекватное понятие, которое свободно от «векторной нагрузки», — понятие трансформации.

Экономисты называют российскую модель развития общества в годы рыночных реформ *«криминальным капитализмом»* или *«олигархически-бюрократическим строем»*. Эта модель, по мнению К. Миккульско-го, не является переходной к модели социально ориентированной ры-

¹ В частности, В. Мао выдвинул ряд аргументов в пользу этой точки зрения: системные, глубокие и радикальные изменения в обществе, слабость политической власти, неспособность элиты консолидировать общество, преобладание стихийных процессов. Однако, по мнению Т. И. Заславской и других противников такой оценки происходящих в России процессов, в 1990-х гг. Россия находилась на социальном переломе, но массовые социальные силы как субъекты социальных революций не получили должного развития, демократические силы оказались незрелыми и несплоченными. И, кроме того, факт революции должен был быть осознан обществом, чего не произошло.

ночной экономики (или социализируемого капитализма), необходимой для России, а представляет собой тупиковый вариант [197].

Исследователи отмечают неравномерный характер трансформации российского общества и выделяют три этапа ее проявления: от I этапа проведения радикальных реформ (имеющих лишь номинально либерально-демократический характер, но по сути характеризующихся перераспределением собственности «в верхах», формированием новых социальных практик взамен традиционных способов поведения по принципу «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих» на фоне усиления борьбы интересов разных групп) до III этапа (с 1999 г. до середины 2000-х гг.), когда процессы распределения и перераспределения богатства в основном завершились и экономическая и политическая элита ощутила необходимость реального либерального порядка. Несмотря на декларацию стабильности в развитии общества (устаи политиков), социологи и экономисты часто характеризовали третий период как временную, неустойчивую стабильность, квазистабильное состояние [161, 186]. Значительно различаются точки зрения ученых относительно оценки современного периода со второй половины 2000-х гг. в контексте трансформационных процессов: есть многочисленные мнения о завершении трансформационного периода, существуют и точки зрения о его продолжении в новой фазе модернизационного развития на основе политики стимулирования инноваций; есть и более пессимистические взгляды на трансформационные процессы, идущие вспять демократическим преобразованиям.

Отмечая характерные черты российских трансформаций, исследователи подчеркивают, что «российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской» [186, с. 17], является институционально иным типом общества (по С. Г. Кирдиной, обществом X-матрицы, образованной институтами редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и коммунитарной идеологии в отличие от обществ Y-матрицы с институтами рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидиарной идеологии) [86]. Своеобразие российских трансформаций (и в историческом прошлом, и в предстоящем будущем) заключается в следующих моментах.

Во-первых, в особенностях трансформации социальных и экономических институтов. В результате реформ произошли явные институциональные сдвиги, изменения институциональной структуры связаны с формированием либерально-демократических черт. Однако новая институциональная система страдает неполнотой и противоречиями,

устанавливаются новые правила игры, в основе которых часто лежит не закон, а власть денег и физическая сила, в результате чего невиданных масштабов достигла ненаказуемая преступность [67]. Это связано с тем, что в России в отличие от Европы и Северо-Американского континента (США, Канада), по утверждению В. Ядова, *«не сформировалось гражданское общество и роль государства остается решающей во всех социальных и экономических преобразованиях»*, государственные институты довлеют над гражданскими [186, с. 18]. Это подтверждает «мобилизационный характер всех российских модернизаций начиная реформами Петра I и заканчивая перестройкой, тогда как западноевропейские преобразования стимулировались из недр самого общества» [186, с. 18].

Устойчивость в развитии западных обществ обеспечивается гражданскими структурами, т. е. доминированием горизонтальных социальных взаимосвязей (по принципу «волчка»). Конфигурация же российского общества — пирамидальная, основанная на вертикальных взаимосвязях «Властные структуры — население». Именно властные структуры (государство, экономические и политические элиты и даже криминальные авторитеты) обеспечивают стабильность системы либо дестабилизируют общество. И, что касается перспектив, то, по словам В. Ядова, «Пирамидальность российской общественной системы — историко-культурное наследие, инерционное влияние которого, весьма вероятно, сохранится и в будущем» [186, с. 18].

Трансформации в российском обществе есть результат активности социальных субъектов, акторов исторической драмы, но этими субъектами выступили не «третье сословие», как это было во Франции, не «пионеры», осваивающие Северо-американский континент, но фигуры императора, вождя, руководящей партии (точнее ее правящей верхушки), президента и его окружения и, как мы наблюдали в 1990-х гг., теневых олигархов и авторитетов. В частности, в отличие от Запада федерализм в России имеет значительную специфику: несмотря на процессы регионализации и муниципализации, высока зависимость от центра, причем в первой половине 2000-х в государственном устройстве проявились тенденции унитаризма, что, как отмечалось, соответствует российскому обществу как обществу X-матрицы с институтами унитарного политического устройства [86].

Экономисты связывают трансформацию российского общества с трансформацией институтов экономики. Так, Ю. Овсиенко и Н. Пётраков отмечают, что трансформационный сдвиг в российском обществе связан с тем, что сформировалась национальная экономика «смешанного

типа» с опытом государственного регулирования переходной экономики [127, с. 62]. Оценивая трансформационные процессы 1990-х — начала 2000-х гг., они делают вывод об ошибочности политических форм реализации либерализации и приватизации, а следовательно, о неэффективности реформ и ее значительных негативных социальных последствиях. Во-первых, наблюдалась «деградация экономики и деформация ее структуры», и, во-вторых, «институциональная система, созданная в процессе трансформации, оказалась менее эффективной, чем дореформенная», а социально ориентированная рыночная экономика так и не была создана, поскольку необходимым ее свойством является наличие реальной конкурентной среды и стремление цен к равновесию. Именно поэтому властные структуры ищут выход в возврате к однопартийной системе, централизованному управлению экономикой, ставя целью достижение дореформенного уровня ВВП (разрекламированное его удвоение) [127, с. 71–72]. В результате процесса трансформации, начатого в России в 1991 г., на пути перехода к социально ориентированной рыночной экономике появился непреодолимый барьер, связанный с односторонним развитием страны, отсутствием внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции вследствие, во-первых, присвоения природной ренты руководством предприятий добывающей промышленности, что делает ее сверхдоходной по сравнению с перерабатывающей, и, во-вторых, создания фирм-монополистов в перерабатывающих отраслях, взвинчивающих цены на свою продукцию» [127, с. 71–72]. И, говоря об особенностях настоящего момента, экономисты подчеркивают, что «Двери для дальнейшей монополизации, взвинчивания цен, частного присвоения природной ренты в условиях общественной собственности на недра по-прежнему широко открыты» [127, с. 72].

Во-вторых, особенностью российских процессов трансформации в 1990-х гг. является крайняя дезинтеграция, ярко выраженный раскол российского общества, произошедшие в результате трансформации социальной структуры и человеческого потенциала. По убедительной аргументации А. Ахизера и В. Ядова, наше общество со времен первого рывка в сторону Запада остается «расколотым обществом», что проявляется в глубоких, подчас катастрофических различиях в образе жизни в крупных городах и повседневных практиках «глубинки», мощном слое российского крестьянства, в анклавизации, гибридизации, т. е. «развитии «форпостов» социального прогресса западно-европейского типа в мегаполисах и примыкающих к ним регионах при сохранении обширных относительно «застойных» регионов [186, с. 19].

Анализ результатов трансформации социальной структуры российского общества, проведенный Т. И. Заславской, показал крайнюю разнородность общественных сил, определяющих основные векторы изменения социальных институтов [197]. По оценкам Т. И. Заславской, социальная структура российского общества в начале 2000-х гг. представляет следующую картину: 5–7% семей владеют примерно половиной всего общественного богатства, в то же время 25–30% бедняков (среди них — квалифицированные люди, имеющие 1–2 детей) отчуждены не только от собственности, но и от результатов собственного труда. Тем не менее с начала периода общественных преобразований адаптация выросла с 6 до 80%, сократилась с 60 до 40% доля тех, кому «плохо» в нынешних условиях, но при этом адаптация носит вынужденный, а не добровольный характер. Примерно 20 млн россиян (не считая «социального дна») не смогли приспособиться к современным условиям [67, 70]. С начала 2000-х гг. Россия занимает лидирующе позиции по разрыву между богатыми и бедными, велик разрыв между крупными городами и селом, особенно между Москвой и провинцией, и наблюдаемый рост дифференциации в социальном положении не только не приостанавливается, а, напротив, усиливается. В 1990-х гг. процессам дифференциации активно сопутствовали процессы дезорганизации, криминализации и теневизации [161, 162]. Несмотря на сложившиеся в годы экономического роста тенденции сокращения социальных конфликтов, рост социального расслоения уже не вызывает нарастания социального напряжения в российском обществе в силу заметного увеличения реальных доходов россиян и сокращения бедности.

Экономисты также отмечают значительное снижение уровня жизни большинства россиян и рост социально-экономических различий как следствие произошедших общественных перемен. Так, по мнению Ю. Овсиенко и Н. Петракова, «произошло величайшее в истории перераспределение доходов»: либерализация, институциональные изменения, произошедшие в России, привели к двум основным последствиям»: во-первых, к снижению жизненного уровня населения, его обнищанию в результате неполной индексации доходов вследствие инфляции; во-вторых, к росту доходов российской номенклатуры, обогащению кучки власть имущих за счет присвоения ими нетрудовых доходов (рентных и монопольных видов дохода) [127, с. 60, 68–71]. По оценкам экономистов, более трети объема ВВП, направлявшейся в социалистическом СССР на трудовые доходы, перекочевало в карманы власть имущих. При чем столь быстрое перераспределение в течение короткого периода не вы-

звано какими-либо объективными причинами, поскольку за это время не произошло сколько-нибудь существенных технологических или структурных сдвигов, резко снижающих эффективность трудовой деятельности рядовых работников и повышающих ее у руководства.

Что касается оценки изменений человеческого капитала, то ученые отнесли ее к наименее дееспособной части общего трансформационного процесса: за годы общественных преобразований до середины 2000-х гг. рождаемость упала почти в 2 раза, продолжительность жизни была на 12–15 лет ниже показателей развитых стран. Наблюдалась резкая поляризация в сфере образования, нижний уровень образования упал уже с 11 до 9 лет, появились дети, которые не учатся, а только работают [67, 70]. Слом негативных тенденций, формирование позитивных изменений человеческого капитала в явном виде проявились с введением реформы в образовательном процессе с 2002 г. национальных проектов и соответствующих долгосрочных программ в области образования и здравоохранения, введением института материнского капитала [126, 178, 179].

В-третьих, трансформация интересов и ценностей россиян в сторону индивидуализации происходила на фоне сопротивления ей и в значительной степени *сохранения ценностей патернализма и коллективизма*. Согласно теории институциональных матриц С. Кирдиной, в период трансформаций в российской экономике должны вырасти так называемые комплементарные составляющие, характерные для обществ Y-матрицы, что выразится в ограниченной индивидуализации интересов и поведения людей на фоне сохранения коммунитарной идеологии как преобладающей [86]. В. Ядов, Ю. Левада и другие исследователи отмечают, что, согласно опросам общественного мнения, в российском обществе по-прежнему велико сопротивление расколу общества на богатых и бедных, но наблюдается принятие ценностей предпринимательства [106, 159, 186, 224]. Однако особенностью российской трансформации является особый вклад в нашу историю советского периода, инерционное влияние которого заключается в патернализме людей, силе коллективизма и неприятии выраженного индивидуализма, приоритетной ценности социальной справедливости [186, с. 19–20].

В связи с указанными особенностями изменения интересов и ценностей россиян, их колебаниями вокруг индивидуализма и коллективизма В. Ядов назвал *модель российской трансформации «маятниковой»* [186, с. 23]. Так, по его мнению, уже к середине первого десятилетия XXI в. был возможен новый сдвиг в направлении «включения в мировую цивилизацию», оживление «прозападных» настроений, поскольку к этому време-

ни ценности, разделяемые нынешней молодежью (опора на собственные силы, конкурентоспособность, инновативность, демократизм), будут доминировать в массовом сознании.

В целом оценивая перспективы российской трансформации, многие исследователи (Т. Заславская, С. Кирдина, О. Лацис, Ю. Левада, В. Ядов и др.) отмечают, что трансформация завершается, Россия вступила в завершение переходного периода от индустриального к постиндустриальному обществу. Однако перспективы российской трансформации, по мнению В. Г. Федотовой, должны быть связаны с *уходом от кризисной ее формы к позитивной, с переходом от догоняющей модели модернизации к новой модели — «множественной модернизации»* [206]. В частности, в качестве перспективы развития экономики Е. Ясиным рассматривается всесторонняя ее модернизация, т. е. структурная *перестройка* экономики, коренное обновление производственного потенциала и повсеместное внедрение новейших технологий [197]. Курс на модернизацию проявился с середины 2000-х гг. не только в стратегических и программных документах страны и регионов, но и в повседневных практиках россиян [75, 78].

Трансформационные процессы социальной активности на рынке труда: суть и методологические положения анализа. Проблемы активности населения на рынке труда приобретают особую актуальность в трансформирующихся обществах. Сама по себе социальная активность (в социально допустимых видах и формах) необходима для эффективного развития экономики и обеспечения социального прогресса. Но бесспорно также и то, что положительные результаты социальной активности отдельных групп и индивидов не приводят автоматически к улучшению благосостояния других, а иногда ставят значительную часть населения на грань бедности, нищеты, политической и социальной бесперспективности [198].

В изменяющихся обществах процессам трансформации закономерно подвергается социальная активность людей, в т. ч. активность на рынке труда. Под *трансформационными процессами активности населения на рынке труда* понимаются социальные процессы трансформации сфер, форм и видов, моделей и стратегий такой активности, результатов их реализации различными социальными группами (актерами), а также факторов и механизмов ее формирования и регулирования. Следовательно, *в качестве критериев трансформации* рассматриваемой активности выделены кардинальные *изменения ее структурных компонентов* (структуры акторов рынка труда, а также сфер, видов и форм, моделей

и стратегий активности), состава и характера воздействия факторов, их определяющих.

Трансформацию активности населения на рынке труда можно определить как *системную*, включающую в себя значительные изменения всех проявлений ее структурных компонентов, факторов и механизмов. При этом сама активность людей на рынке труда является элементом системной трансформации общества, в которую вовлечено множество компонентов (по словам А. Н. Данилова, «от машинного парка до состояния духа и общественной психологии» [53, с. 19]).

Значительная часть членов общества быстро, добровольно или вынужденно меняет свои социальные роли на рынке труда, исчезают, возникают или меняют свой статус профессиональные и другие социальные группы, причем вследствие этих процессов часть индивидов (маргиналы) перестает идентифицировать себя с определенными социальными группами и общностями. Как показано в п. 1.2, социальная мобильность на рынке труда, связанная с формированием новых акторов, изменением социальных позиций прежних, зависит от большого числа количественных и качественных характеристик их положения (статуса занятости, уровня образования и квалификации, личностных качеств индивида и др.) и активности.

Акцентируя внимание на **деятельностно-активистском и социоструктурном подходах к анализу трансформации активности**, мы исходим из того, что проведенные преобразования в обществе по-разному сказались на уровне и характере проявления активности разных социальных групп, прежде всего потому, что *каждая социальная группа, занимая определенные позиции в социальной структуре общества, обладает определенным, ограниченным потенциалом социальной активности*. Так, в периоды общественных преобразований разные группы имеют неодинаковые возможности проявления социально-экономической и социально-политической активности, в т. ч. возможности повлиять на формирование и реализацию новых социальных прав и отношений на рынке труда. Из множества стратегий, сфер, видов и форм активности, определяющих характер социальных отношений на рынке труда, *разные группы акторов имеют возможность использовать прежде всего те, к которым они имеют доступ, учитывая занимаемые ими социальные позиции*. Сравнительно высокий статус позволяет его владельцам беспрепятственно реализовывать новые выгодные стратегии (виды, формы) активности, остальные же не могут воспользоваться ими как по причине отсутствия возможностей (достаточных денежных накоплений, де-

ловых связей, возможности получить кредит, информации, знаний, образования, опыта и др.), так и вследствие противодействия со стороны более сильных общественных групп.

В период кардинальных общественных перемен появляются новые возможности для вертикальной социальной мобильности, распределения новых возможностей (прав и свобод) в реализации социальной активности. Однако для того, чтобы реализовать выгодные стратегии, воспользоваться одним и теми же возможностями, имеющимся потенциалом (например, в создании бизнеса, повышении квалификации и должностного статуса), индивиды и группы, занимающие более низкие социальные позиции, вынуждены затрачивать больше усилий, преодолевать больше ограничений и барьеров, чем лица с более высоким социальным статусом. Таким образом, новые общественные условия, в т. ч. условия рынка труда, не только создают разную доступность для разных социальных групп, но и имеют неодинаковый «социоструктурный эффект» как соотношение необходимых затрат и получаемых результатов в изменении социального статуса.

Объективные различия в позициях социальных групп усиливаются различиями субъективными: разные люди обладают различными способностями, потенциалом активности; они неодинаково подвержены ошибкам в выборе и реализации стратегий и способны оценить результаты их реализации из-за различного доступа к информации, разного уровня образования и квалификации и др. Субъективные различия характеризуют прежде всего индивидуальные особенности социальных субъектов, а не групповые, тем не менее в условиях меняющегося общества они способны ощутимо «размывать» и дифференцировать (в т. ч. через выбираемые модели поведения) прежние социальные группы.

Обе тенденции воспроизводят дистанции между разными социальными группами по выделенным объективным и субъективным признакам, так что доля лиц с высоким уровнем активности будет выше в одних группах и ниже — в других.

Наконец, особо подчеркнем положение о том, что разные акторы в каждый момент «рисуют» свой образ идеальной деятельности, имеют свои жизненно важные цели и ценности, свои представления о допустимых способах их достижения и благоприятных условиях для этого. И действующую в определенный момент институциональную среду, создаваемую социальной и экономической политикой (административно-командную или рыночную демократическую), индивиды оценивают прежде всего как средство реализации своей активности. Одна и та же

институциональная среда одними группами, индивидами оценивается как возможность развития активности, а другими — как ее ограничитель. По-разному отвечая потребностям и ценностям различных акторов, такая среда имеет неодинаковые шансы на интернализацию с их стороны.

* * *

Теоретический анализ трансформации как социологической категории позволил выделить множество ракурсов ее рассмотрения: как социального процесса, как механизма изменения социальной структуры и социальных институтов общественного развития и результата сложившихся ранее социальных отношений, их динамики и как объективного феномена современного этапа системных изменений в развитии многих государств, в т. ч. бывших социалистических стран.

Общими чертами трансформационных процессов учеными признаются внезапность, масштабность, глубина и системность изменений, необратимость, неравномерность и стадийность развития, рост противоречий интересов различных социальных групп, социальной напряженности и конфликтогенности, высокая социальная мобильность и массовая маргинализация населения, значительные непредвиденные социальные последствия; своеобразие, отсутствие единой технологии трансформационных перемен в различных социальных системах, современный глобализационный характер трансформации. К российским особенностям трансформации относятся: высокоактивный и нестабильный, хаотичный характер социальных преобразований; неполнота и противоречивость изменений институциональной структуры, связанные с несформированностью гражданского общества, сохранением решающей роли государства; крайняя социальная дезинтеграция и раскол российского общества; сопротивление индивидуализации, сохранение ценностей патернализма и коллективизма.

В социальных науках пока не выработано единого представления об общих тенденциях и закономерностях трансформационных процессов общества, не систематизированы критерии и характеристики выделения национальных (страновых) особенностей трансформации. В частности, мы обнаружили отдельные характеристики, отражающие использование элементов социально-структурного и институционального подходов, теории человеческого капитала, пространственно-временного аспекта анализа. Наиболее системное и полное представление о трансформации российского общества представлено главным образом в теории трансформационного пространства Т. И. Заславской [67, 70, 156].

Кардинальные общественные изменения, нарастание их динамики и дифференцированного проявления требуют дальнейшего, более глубокого изучения категории трансформации, ее общих закономерностей, механизмов и частных проявлений. Неслучайно уже в середине 2000-х гг. прошли дискуссии и конференции с названием «трансформация понятия „трансформация“».

На основе представлений о сущности, общих чертах общественного трансформационного процесса и его российских особенностях в годы реформ, а также на основе разработанных нами методологических положений анализа объекта исследования в дальнейшем предполагается выявить специфические черты современного этапа трансформации активности россиян на рынке труда.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

2.1. Общая характеристика факторов и механизмов формирования активности населения на рынке труда

Задача изучения тенденций социальной активности россиян на рынке труда, выявления нежелательных ее проявлений и позитивных точек роста требует глубокого теоретического и эмпирического исследования состава, динамики, силы и характера воздействия факторов и механизмов формирования рассматриваемой активности.

При изучении активности различных социальных групп населения на рынке труда необходимо рассматривать широкий круг социально-экономических, социально-политических, социально-демографических, социокультурных, социально-психологических и других факторов, ее определяющих. При этом важно выделять макро- и микроуровень анализа процессов, факторов и последствий рассматриваемой активности.

Среди макрофакторов выделяются как общие (глобальные) факторы, действующие везде, во всех странах независимо от их общественного устройства, так и специфические факторы, действующие в России и отдельных регионах в годы реформ. Так, к **социально-экономическим макрофакторам** активности населения относятся социально-экономический потенциал, положение территории (страны, региона) и ее возможности в реализации социально-экономической активности населения,

а также социально-экономическая политика. Первые (потенциал и положение) включают в себя уровень и динамику социально-экономического развития условий жизнедеятельности населения в территориальной общности, в т. ч. развития рынка труда (структура экономики и рабочих мест — отраслевая, по секторам и формам собственности, размерам предприятия), институциональных составляющих (степень и динамика развитости производственной и социальной, рыночной инфраструктур). Например, развитость рыночной инфраструктуры, в т. ч. сети негосударственных институтов, формирует более высокий уровень и разнообразие стратегий социально-экономической активности на рынке труда.

В последние два десятилетия важнейшим *фактором трансформации активности на рынке труда* является экономическая глобализация мирового сообщества. Результаты активности населения на рынке труда все в большей мере являются итогом не внутренних (внутригосударственных, внутрирегиональных) социально-экономических и социально-политических процессов, а разделения богатства и прибыли в рамках капитала всей планеты, мирового разделения власти. В явном виде это проявляется в кардинальном росте масштабов международной трудовой миграции. С конца 2000-х гг. все мировое сообщество ощущает на себе влияние глобального экономического кризиса.

Факторами микроуровня являются характеристики социального состава (*структуры*), положения субъектов социальной активности, их условий жизнедеятельности на микроуровне (микросреды обитания), а также их *цели, интересы и мотивация*. Первые два характеризуются субъектностью, социальным статусом человека, группы на рынке труда и в обществе в целом включая *социально-трудовой статус и статус занятости* (условия и содержание труда, позиции на рынке труда); *профессионально-квалификационный статус* (уровень образования, квалификации, должностные позиции); *организационно-управленческий и властный статус* (положение во властных структурах, влияние, авторитет); *статус по доходам и собственности* (полное или частичное владение предприятием; размер и источники поступления доходов, в т. ч. уровень оплаты труда, доходов от предпринимательской деятельности, ЛПХ и др., масштабы капитала и накопленной собственности: имущества, денежных сбережений, натуральных запасов) и другие статусные характеристики.

Большую роль при выборе стратегии активности на рынке труда играют условия жизнедеятельности человека, социальной группы, проживающих в определенной социально-территориальной общности (сооб-

ществе), характеризующиеся *статусом* такого *сообщества*, особенностями взаимоотношений, взаимодействий с отдельными индивидами, социальными группами, организациями, развитостью социальных сетей.

Сообщество, по мнению ряда исследователей (Е. Горяченко, М. Пейн и др.), — некая идеальная конструкция, понятная людям, легко вызывающая позитивную идентификацию, принятие коллективных идеалов и ценностей, а потому способна быть мощным мотиватором их действий. Следовательно, идентификация с сообществом, микросоциальный климат, микросреда обитания (в сообществе, семье) относятся к группе социальных факторов, формирующих определенные типы активности на рынке труда, характерные для данного сообщества и места, занимаемого человеком в этом сообществе. В частности, при изучении активности населения на рынке труда важнейшей характеристикой условий их жизнедеятельности в территориальной общности является ситуация на локальном рынке труда.

В качестве основных факторов, механизмов регулирования активности людей особо выделяются факторы саморегуляции, самоорганизации (потребности, интересы, мотивация) и различные внешние факторы, к которым, в частности, относится социальная политика (наряду с другими видами политик и другими элементами внешней среды).

Потребности, интересы и мотивация являются важнейшими движущими силами активности людей, в т. ч. активности на рынке труда. Посредством такой активности они в конечном счете воздействуют на социально-экономическое положение и условия жизнедеятельности индивида, социальной группы в территориальной общности, а последнее в свою очередь создают стимулы либо ограничивают мотивацию социально-экономической активности.

В исследовании активности населения на рынке труда необходимо учитывать, наряду с физиологическими потребностями (в пище, одежде, жилище, отдыхе и др.), потребности более высокого уровня. К последним, согласно теории трудовой мотивации А. Маслоу, относятся экзистенциальные (гарантии занятости, страхование от несчастных случаев, регулярность окружающего человека социума и т. д.), социальные (принадлежность к коллективу, участие в совместной трудовой деятельности), престижные (трудовая карьера, престиж профессии, должностной статус и т. п.) и духовные потребности (самовыражение посредством творчества).

В основе экономического подхода к анализу интересов и мотивов экономической активности человека лежит индивидуальный экономический

интерес. Экономисты полагают, что такая активность соответствует его «естественному состоянию», его врожденным склонностям и инстинктам («человеческой природе») [146, с. 34]. В частности, экономисты, по словам В.В. Радаева, используют, как правило, модель «экономического человека», основанную на четырех основных предпосылках (основанных на его базовых интересах и потребностях), где человек выступает как: 1) автономный; 2) эгоистичный; 3) рациональный и 4) компетентный [146, с. 16].

Основываясь на этих предпосылках, ученые выявляют основные закономерности экономической активности людей. Так, они делают вывод о том, что рост активности населения на рынке труда ограничивают такие экономические факторы интереса и мотивации, как «*эффект замещения*» и «*эффект дохода*». Сущность эффекта замещения заключается в том, что высокий уровень заработной платы способен повысить предложение труда, но до тех пор, пока работник будет заинтересован работать некоторое дополнительное время, поскольку существующий добавочный час лучше оплачивается. Час досуга становится все более дорогим, следовательно, работник склонен заместить досуг работой.

Против «эффекта замещения» действует противоположный ему «эффект дохода». Если заработная плата становится выше, растет благосостояние работника, он покупает больше одежды, лучшую еду и другие потребительские товары и услуги, и, наконец, появляется желание купить больше досуга. По достижении высокого материального положения и благосостояния работник приостановит дальнейшее предложение своего труда и откажется от дополнительной занятости даже при продолжении повышения заработной платы. Для данного работника «эффект замещения» не является больше приоритетным, и альтернативная работа приносится в жертву ради времяпрепровождения и досуга, т.е. «эффект замещения» заменяется «эффектом дохода».

Социологи (в отличие от экономистов) описывают модель *человека активного* намного шире. Человек (с позиции представителей «старого» институционализма Т. Веблена, У. Митчела, Дж. Коммонса) следует не только экономическим интересам, но и традициям, привычкам. В частности, именно так можно объяснить то, что российские горожане — бывшие сельские жители — часто заводят личное подсобное хозяйство, садовые и огородные участки, дачи. В этом случае горожанин действует в большинстве случаев не как «человек эгоистичный» (в модели «экономического человека» — «следующий собственному интересу, максимизирующий собственное благо, полезность»), поскольку ведение ЛПХ далеко не всегда является эффективной формой занятости. Горожанин по при-

вычке занимается сельскохозяйственным трудом, и в этом происходит реализация заложенного в нем предыдущими поколениями потенциала сельскохозяйственного труженика. Он действует скорее как *«человек компетентный»*, поскольку обладает «достаточными знаниями и информацией» для ведения сельскохозяйственных работ. Согласно концепции социального выбора, представителями которой являются А. Сен, Ю. Эльстер, Дж. Ремер, здесь также проявляется влияние фактора «приверженности» социальным общностям, в данном случае — сельской общности.

Горожанин действует так же, как и *«человек рациональный»*, т. е. целенаправленно и последовательно выбирающий средства достижения целей, а в данном случае такими целями являются выживание либо полноценный уровень материального потребления. Кроме того, поскольку обычно ведение ЛПХ является сферой его личного выбора, то он часто действует и как *«человек автономный»*, «принимающий независимые индивидуальные решения». Таким образом, горожанин действует в этом случае автономно, рационально и часто компетентно, но не как эгоистичный человек, т. е. выполняются три из четырех предпосылок исходной модели «экономического человека».

Признание социальных корней экономического действия означает, во-первых, что его мотивы выходят за пределы экономических целей, а во-вторых, что эти мотивы — продукт функционирования социальных общностей, а не предпочтений изолированного индивида. Так, согласно функционализму Т. Парсонса, человек как социальный субъект, актор социального действия, в отличие от утрированного представления его как «человека экономического», «человека автономного», объединяется в группы и предстает как элемент более общих структур, среди которых решающая роль отводится нормативным [146, с. 43].

Цели активности людей на рынке труда значительно различаются. Традиционным является представление о том, что основной целью социально-экономической активности является рост доходов, стремление к прибыли. Однако даже если рассматривать цели социально-экономической активности в рамках рыночного обмена и товарного хозяйства, то можно упомянуть высказывание автора социальной антропологии К. Поланьи, что «рыночный обмен и товарное хозяйство... в целом регулируется многими средствами: отношениями взаимности (*reciprocity*); способами насильственного и административного перераспределения; патерналистскими отношениями; и лишь в последнюю очередь — эгоистичным интересом и стремлением к извлечению прибыли» [146, с. 42–43; 153].

Можно выделить различные классификации цели в зависимости от используемых критериев. Например, формулировки целей с учетом произведенных затрат включают в себя следующие четыре варианта: 1) «максимум дохода при минимуме затрат»; 2) «максимум дохода при максимизации затрат»; 3) «гарантированный доход ценой минимума затрат»; 4) «минимум дохода при минимуме затрат» [194].

Среди распространенных целей социально-экономической (да и социально-политической) активности выделяется *экономия* или минимизация затрат: материальных расходов; времени, не приносящего доход; пространства, требующего расходов. Так, экономя время на отдых и потребление и увеличивая его на те виды деятельности, которые приносят дополнительные доходы, люди усиливают интенсификацию своего труда и сокращают возможности качественного социального воспроизводства жизни. Человек стремится приобретать те виды продукции, которые требуют сравнительно немного свободного времени, пусть даже это и связано с несколько большими расходами (противоречия здесь нет, высвободившееся время человек надеется потратить на зарабатывание доходов, перекрывающих возникшие дополнительные расходы).

По Д. Беллу, в целях экономии человек «будет покупать товары, которые можно использовать, а потом выбросить. Он будет заключать контракты на различные услуги или технические службы (подобно тому, как он отдает свою одежду в химчистку). А для приобретения товаров и услуг, которые обеспечивают большую отдачу от его свободного времени, ему, возможно, придется дольше работать. Но издержки могут оказаться слишком большими: результатом этого станет расчет сравнительных эффектов. Он должен оценить сравнительные цены и доходы от различных форм распределения времени и денег. Может обнаружиться, что вследствие высокой стоимости услуг лучше самому стирать или чистить свою одежду в химчистке самообслуживания, расходуя, таким образом, часть своего времени ради экономии денег. При сравнении этих альтернатив человек начинает выводить (не подозревая, что занимается решением прикладной экономической задачи) кривую безразличия в рамках дифференцированной шкалы взаимозаменяемости (времени и денег) и определять предельную полезность каждой единицы в различных потоках своих доходов. Потоки с низкой отдачей должны быть преобразованы в высокоэффективные таким образом, чтобы в конце концов его ресурсы стали распределяться столь равномерно, чтобы обеспечить равную отдачу по всем направлениям» [18, с. 643]. Таким образом, социально-экономическая активность в условиях «экономическо-

го изобилия», образно подмечает Д. Белл, вводит категорию полезности через «заднюю дверь» — через фактор времени.

Одним из основных теоретических положений о минимизации/максимизации затрат является концепция «Х»-эффективности Х. Лейбенштайна. В ее основу положены следующие предпосылки: «с одной стороны, любой реальный экономический субъект действует по принципу экономии энергии, который ориентирует на минимизацию затрат и сохранение статус-кво, с другой — перманентное возникновение экстремальных ситуаций, давление конкурентов, неблагоприятная конъюнктура, наоборот, стимулируют максимизацию затрат» [35, с. 44]. Таким образом, обычно индивиды, фирмы и другие экономические субъекты не оперируют на максимуме производственных возможностей, согласующихся с их ресурсами. Чаще всего максимум не используется до соответствующей, часто экстремальной ситуации, что является доказательством постоянного недоиспользования общественных социальных сил, энергии, ресурсов.

Проявлением экономии является экономия жизненных сил для сохранения уровня и характера активности населения. В период трансформаций в России такая экономия во многом связана с *кризисом трудовой мотивации*, вызванным не только несправедливо низким уровнем заработной платы (не отражающим затраты труда, его интенсивность и производительность, не обеспечивающим нормальное социальное воспроизводство), но и утратой ими чувства общественной значимости их труда.

Другой распространенной целью социально-экономической и социально-политической, в т. ч. самосохранительной активности, является *защита* социального положения на рынке труда от риска потери работы, получаемых доходов. Защита реализуется через *экономические* (страхование, сберегательное и инвестиционное поведение) и *политические, управленческие действия* (координация действий экономических субъектов, установление процедур деятельности (правил игры) на рынке труда и контроль над проведением их в жизнь, требования повышения заработной платы и ее своевременной выплаты, сопротивление рэкету, социальное партнерство).

Используя выводы Б. В. Ракитского (о способах социальной защиты населения) [149, с. 24], можно выделить четыре основных способа самозащиты от социальных рисков: 1) *недопущение рисков*, в т. ч. снижения доходов и уровня жизни (путем обучения, повышения квалификации, дополнительного трудоустройства, резервирования значительной части доходов); 2) *сдерживание социальных рисков* (экономия расходов, резер-

вирование части доходов); 3) *предупреждение* (страхование доходов, инвестиционное поведение; политические меры давления — митинги, забастовки, демонстрации; методы нравственного воздействия — через СМИ, партии и другие общественные организации); 4) *компенсирование рисков* (индексация доходов).

По вероятности возникновения социальные риски можно разделить на случайные и неизбежные (например, недостаточность средств в период воспитания детей, понижение доходов в старости). Как отмечает Б. В. Ракитский, «неизбежные риски легко предвидеть, к их наступлению можно загодя подготовиться. Подготовка состоит в *резервировании части доходов*. За счет этого резерва и происходит (или продолжается) в определенные периоды необходимое потребление» [149, с. 24]. Другой вид защиты осуществляется, когда риски случайны для отдельного человека, но закономерны для массы (сообщества). В ожидании опасности могут возникать различные объединения усилий индивидов, социальных групп, государства, в том числе таких, как солидарная самозащита (трудящихся, наемных работников), страхование [149, с. 24]. Резервирование и страхование являются основными типами формирования ресурсов для защиты доходов, социального положения в сфере доходов и занятости.

В зависимости от мотивации можно выделить по крайней мере две модели активности людей на рынке труда. Первая модель основывается на материальной мотивации людей, на стремлении увеличивать свою активность ради получения доходов «во что бы то ни стало», даже путем получения выгоды за счет убытков другого. Эта стратегия активности характерна как для предприятий, так и для отдельных наемных работников, предпринимателей в условиях жесткой конкурентной борьбы, выживания.

Другая модель базируется на иной системе социальной мотивации и ценностей, в основе которой лежит духовно-моральное начало. Примером реализации второй модели являются успехи Советского Союза, особенно в 20–30-е гг. XX в. и послевоенный период, когда по существу вся страна, промышленность, экономика в целом были построены, восстановлены на людском энтузиазме и вере в будущее, сформированных на сильной идеологической основе.

Часто именно потому, что извлечение дохода не является для многих людей единственным мерилом ценностей, главной потребностью в трудовой сфере, сфере занятости, в экономической сфере в целом, социально-экономическая и социально-политическая активность социальных групп в рыночных условиях также значительно различается. Так, среди низ-

кодоходных групп населения можно выделить как группы, ориентированные на получение максимально возможных доходов при данных условиях (путем интенсификации труда на основном месте работы, в ЛПХ, дополнительной занятости, получения пособий), так и группы, ориентированные в большей степени на другие ценности, чем доход. Например, устойчивость занятости высокообразованных, интеллигентных людей в таких низкодоходных отраслях экономики, как образование, культура и искусство, здравоохранение, связана с тем, что главным мерилom ценностей этих людей во многом является стремление удовлетворить высшие социальные потребности человека: например, согласно «пирамиде» мотивации А. Маслоу — быть «признанными другими людьми».

В борьбе за выгодные сферы занятости и дополнительные доходы формируются противостоящие друг другу интересы, одни группы (предприниматели, чиновники, политические партии) пытаются подчинить себе другие и добиться господства над ними. В этом случае, по словам В. В. Радаева, возникают отношения власти (экономической, политической) как возможности субъекта (индивида, группы) реализовать свои (экономические, политические) интересы часто независимо от интересов других субъектов [147, с. 20].

К **социально-политическим факторам** регулирования активности населения на рынке труда относятся *социальная и экономическая политика государства, а также социально-политические интересы и мотивация населения, отдельных социально-экономических групп российского общества и особенности их социально-политического взаимодействия в отстаивании своих социально-экономических и социально-политических интересов на рынке труда, формирование социальных институтов и организаций по лоббированию, контролю и защите таких интересов (профсоюзов нового типа, союзов работодателей, предпринимателей и др.)*.

Социально-политическим фактором является также *политико-идеологическое давление СМИ*. Так, по мнению Т. И. Заславской, навязчивая реклама западных образцов потребления и образа жизни «новых русских» способствует росту притязаний к доходам, особенно у молодых поколений и преуспевающих групп, повышению их экономической активности [68, с. 88].

К **социально-демографическим факторам** относятся пол, возраст, состояние здоровья, состав семьи, брачное положение, этнические характеристики. В частности, с возрастом наблюдается физиологическое ослабление системы мотивационных установок активного потребления, что влияет на снижение социально-экономической и социально-полити-

ческой активности. В частности, молодежь в целом оптимистичнее и активнее, поскольку имеет более высокие потребности и обладает высокой мобильностью.

Состояние здоровья в свою очередь зависит от возраста, наличия производственных травм, инвалидности и др. Как только индивид попадает на рынок труда с целью получить работу, приносящую ему необходимый уровень доходов, он погружается в систему отношений по найму рабочей силы, где фактор наличия здоровья играет первостепенную роль для включения в определенный кластер рабочих мест с определенным уровнем оплаты.

Известным фактором, влияющим на активность людей на рынке труда, являются структура и размер семьи, домохозяйства. В частности, наличие и число иждивенцев (детей, пенсионеров, инвалидов трудоспособного возраста) в семье является как стимулирующим, так и ограничивающим фактором активности.

Важнейшую роль играют **социокультурные факторы**, образовательный и общекультурный уровни населения. Из множества трактовок культуры целям нашего исследования более всего соответствует понимание культуры как «совокупности ценностей и норм, с одной стороны, являющихся регуляторами поведения личностей и социальных групп, а с другой — выполняющих функцию социальной памяти общества» [71, с. 104], т.е. «особого социального механизма, воспроизводящего эталоны поведения, проверенные опытом истории и соответствующие потребностям дальнейшего развития общества» [71, с. 97–98]. Активность на рынке труда, ее модели и стратегии формируются под воздействием фактора экономической и политической культуры, носителем которой является индивид, социальная группа, общество. Под *экономической и политической культурой* при этом понимается совокупность профессиональных знаний и навыков, хозяйственных и политических норм, ценностей и символов, традиций, являющихся регуляторами поведения и необходимых для самоидентификации и выполнения социальных ролей в экономике и политике [71, 146, 161].

Социально-психологические, личностные факторы значительно определяют социально-экономические и социально-политические ценности и интересы, адаптационные ориентации, социальные настроения и склонность к труду, мобильность в реализации отдельных стратегий активности на рынке труда. Социально-психологические особенности активности на рынке труда во многом зависят от личностных качеств людей, таких, как трудолюбие, деловитость, готовность к риску и т.д.,

но также в существенной мере определяются физиологическими возможностями и потребностями и социальной средой.

П. А. Сорокин выделил инстинкты индивидуального и группового самосохранения как факторы социально-экономической и социально-политической активности. «Роль инстинкта индивидуального самосохранения в более узком смысле состоит в том, чтобы побуждать человека на такие действия, которые предотвращают опасность, непосредственно грозящую жизни организма» [174, с. 105]. К основным биологическим опасностям такого рода относятся голод и жажда. По словам П. А. Сорокина, «сильный голод и жажда могут преодолеть и социально-психический раздражитель поведения... преодолевают влияние правовых и нравственных факторов. Под их давлением честные люди становятся преступниками, совершают кражи, разгромы, грабежи... В годы, когда цена пуда хлеба высока, — краж много; когда хлеб дешев, — кражи уменьшаются. Голод толкает мирных людей на разгромы... Исав в «Библии» продал право своего первородства за чечевичную похлебку... В наше время не видим ли мы, как из-за добавочного полфунта хлеба недовольные властью становятся «тихими», забастовщики успокаиваются, граждане продают свои неотъемлемые права...» [174, с. 92]. В период рыночных реформ, экономического кризиса 1990-х гг., значительного снижения уровня жизни населения отечественные исследователи (М. К. Горшков, Н. И. Лапин, Н. Ф. Наумова, Р. В. Рывкина, В. А. Ядов и др.) также отмечают возникновение ценностного вакуума и утрату людьми моральных критериев и ограничений [47, 159, 161, 162, 224].

Среди социально-психических раздражителей, характеризующих инстинкт группового самосохранения, П. А. Сорокин выделяет простые (идеи, чувства-эмоции: боли-страдания/удовольствия-наслаждения, знания, верования) и сложные (власть, характер организаций, деньги, разделение труда, нравы и обычаи, экономику и др.) [174, с. 171]. Как индивидуальный, так и групповой инстинкты самосохранения формируют *запросы* к месту работы и доходам, *степень неудовлетворенности запросов* по отношению к характеру труда. По мнению Т. И. Заславской, «опережающее развитие запросов людей к уровню доходов по сравнению с достигнутым уровнем представляет вполне естественное явление, как правило, мотивирующее людей к повышению квалификации, а также трудовой и деловой активности. Вопрос, однако, заключается в мере: если разница между фактическим заработком и доходом, обеспечивающим «нормальную жизнь», переходит определенный предел, то стимул к активизации достигательной деятельности сменяется безразличием,

отчуждением от труда, а затем нарастанием недовольства, в том числе в разрушительных формах» [68, с. 90]. Далее Т. И. Заславская рассматривает этот тезис по отношению к разнодоходным слоям российского общества: «Неудовлетворенность запросов верхнего слоя к своим доходам имеет вполне здоровый характер, его фактические доходы отстают от желаемых всего на 20–25% (по данным 1997 г. — А. С.), что создает хорошую мотивацию для их дальнейшего повышения. Доходы среднего слоя ниже субъективно достаточных уже в 2,4 раза, базового — в 3,3, а нижнего — в 4 раза» [68, с. 91]. Такая дистанция между стимулом и реальностью, по мнению Т. И. Заславской, «вряд ли может играть конструктивную роль, побуждать к более активной и эффективной деятельности. Чаще она ведет либо к фаталистичному опусканию рук и смирению с неизбежным, либо к формам адаптивного поведения, нацеленным прежде всего на выживание (уход из «большой экономики» в эксплоярную, растаскивание общественной собственности, криминальное поведение и т. п.)» [68, с. 91].

Социально-экономическая и социально-политическая активность людей на рынке труда зависит от *самооценки жизненных условий*, которая формируется как объективными обстоятельствами, так и уровнем запросов. По материалам ВЦИОМ, в сентябре 1997 г. 43% опрошенных россиян считали свой уровень материального достатка средним, 50% — плохим или очень плохим, и только 5% — хорошим («живем без особых материальных хлопот»). После кризиса 1998 г. эти показатели заметно снизились, но за последующие пять-шесть лет доля удовлетворенных своим материальным положением, по данным различных исследователей (Ю. Левады, Л. Овчаровой, М. Михайлюк, В. Ядова и др.) и исследовательских центров, несколько возросла, но осталась по-прежнему довольно низкой.

Действие инстинктов самосохранения проявляется в виде боязни, опасения наступления *социальных рисков* разного рода, в т. ч. связанных со снижением личных доходов (болезнь, производственные травмы, инвалидность, старость, безработица). В «докризисный» 1997 г. 72,2% населения причину своих основных жизненных трудностей видели в низких доходах и нехватке денег, у 18,7% россиян осложнения в жизни больше были связаны с опасением потерять работу, а значит, лишиться заработка.

Важнейшим социально-психологическим фактором являются *социальные настроения*. В период социальных трансформаций в России различные исследователи отмечают противоречивость социальных настроений россиян: с одной стороны, социальный пессимизм, в том числе

в силу профессиональной невостребованности, недоверие к экономической политике правительства (результатом чего в 1990-х гг. являлся рост сбережений в виде валюты как гаранта от инфляционных рисков) и ожидание подъема промышленного производства, оздоровления денежно-финансовой сферы — с другой.

Кроме вышеназванных факторов, активность населения на рынке труда в значительной степени зависит от **социоструктурных факторов**: *социального статуса, положения в социальной структуре и ее социально-экономических проекциях (профессионально-квалификационной, социально-доходной, территориальной, организационно-управленческой, семейно-хозяйственной структурах и др.)* [71]. В частности, одним из наиболее значимых социальных факторов социально-экономической и социально-политической активности и при этом неоднозначно воздействующих на его рост или снижение исследователями рассматривается *социальная поляризация и рост бедности*.

По словам Т. И. Заславской, «распространение и углубление бедности вынуждает значительную часть населения ограничивать свое потребление: отказываться от покупки дорогих продуктов питания, модной одежды и обуви, от пользования бытовыми услугами, от далеких поездок, лечения в санаториях, от подписки на «толстые» журналы, междугородних телефонных разговоров, иными словами, от множества элементов своего прежнего образа жизни. Происходит постепенное привыкание, адаптация людей к ухудшающимся условиям, в результате чего их притязания к «достаточному» доходу снижаются» [68, с. 88]. Наиболее же «сильная» категория бедных пытается изменить сложившуюся ситуацию, интенсифицируя свой труд, меняя сферу занятости и даже место жительства, требуя своевременности выплаты заработной платы путем переговоров с работодателями, забастовок и других политических действий. В частности, миграционная стратегия исторически характерна была в первую очередь для сельских жителей: убегая от деревенской бедности, они переезжали в города в стремлении заработать себе на жизнь.

* * *

Анализ совокупности факторов и механизмов социально-экономической и социально-политической активности населения на рынке труда позволил выделить три группы основных, анализу которых будет уделено особое внимание при изучении активности населения на рынке труда. К ним относятся: 1) социально-экономическое положение, интересы и мотивация населения; 2) характеристики благополучия условий

жизнедеятельности, возможности территории в реализации рассматриваемой активности включая в первую очередь ситуацию на рынке труда; 3) социальная политика по регулированию активности населения на рынке труда.

2.2. Социальная политика как объект анализа трансформационных процессов

В российской и мировой науке разработаны различные подходы к изучению социальной политики социологами, экономистами, политологами и философами. Наиболее известны и шире представлены исследования социальной политики и процессов социальной сферы, выполняемые обычно в рамках традиций социологии и экономики. В зарубежных и отечественных исследованиях доминируют две традиции: 1) экономико-социологическая — преимущественно социологические и в небольшой части экономические теории (социоэкономики, институциональной экономики и др.), уделяющие особое внимание изучению социальных механизмов и институтов социальной политики, а именно: социальным характеристикам, интересам, деятельности и поведению субъектов (акторов) политики, институциональному воздействию культуры общества и других факторов и выявлению результатов этого воздействия на социальную структуру, социальную мобильность, человеческий потенциал; 2) социологические и экономические управленческие теории, рассматривающие социальную политику как «черный ящик», учитывающие его устройство как нечто заданное, устойчивое и оценивающие воздействие внешних факторов (сигналов) на «черный ящик» через изменение рассматриваемых социальных процессов, динамику социальной сферы.

В мировой научной литературе теоретические проблемы социальной политики отражены в работах таких ученых, как М. Baranzini, Е. Е. Bergel, R. Colin, В. Hindess, М. О’Higgins, Р. Lee, R. Titmuss and др. В исследованиях Р. Alcock, Е. Bergel, J. Blau, Н. Bolderson, D. Bouget, М. Burda, F. Check-Teck, С. Chelf, С. George, G. Graig, S. Commander, T. Colbjernsen, F. Coricelli, L. Dunbar, A. Etzioni, Н. Flakierski, W. Hanesch, С. Jencks, М. О’Higgins, D. Mabbett, S. Miller, K. Kammeyer, Н. Kerbo, S. Kuznets, В. Silverman, K. Stachr, В. Taylor, М. Yanowitch и др. проанализированы процессы формирования и реализации государственной социальной политики, проведены межстрановые сравнительные исследования, анализ возможностей и роли социальной политики в условиях трансформации общества и его устойчивом развитии, проблемы реализации различных моделей

социального государства, или государства благосостояния, социально-политических прав и свобод в условиях рынка.

Проблемами формирования и реализации социальной политики в реформируемой России и ее регионах занимаются такие отечественные ученые, как Ф. Бурджалов, Н. Волгин, З. Голенкова, Е. Гонтмахер, И. Григорьева, Л. Гусякова, В. Жуков, Т. Заславская, В. Иванов, Т. Малева, Г. Осадчая, Б. Ракитский, Н. Римашевская, Р. Рывкина, С. Смирнов, О. Шкаратан и др. Внимание ученых привлекают проблемы институтов социальной политики, роли ее различных акторов, личности во властных структурах, влияния социальной политики на формирование социального пространства и социальных практик в современном российском обществе.

Проблемам социальной политики работодателей и общественных организаций посвящены работы С. Барсуковой, Е. Виноградской, Н. Колесникова, В. Колмогорова, Е. Макарова, Г. Мира, А. Мишина, Б. Ракитского, П. Чукреева, Р. Яковлева и др. Анализ региональной социальной политики представлен в работах Г. Горбунова, З. Калугиной, С. Смирнова, Ф. Шаркова, В. Желтова, Л. Шпак, Л. Юрганова, В. Волкова, Б. Зумакулова и др.

Отдельные направления российской государственной социальной политики, воздействующие на активность населения на рынке труда (политики занятости, оплаты труда, социальной защиты населения и т. д.) рассматриваются Н. Абакумовой, Р. Подоваловой, Л. Гусяковой, В. Жуковым, Л. Зубовой, Н. Ковалевой, Л. Кузьминой, В. Роиком, Г. Семигиным, Г. Симоненко, В. Сычевой и многими другими.

Как показали исследования отечественных и зарубежных ученых в мировом сообществе, 90-е гг. XX в. охарактеризовались расширением методологической базы исследований, использованием ряда нетрадиционных подходов, переходом от применения преимущественно классических теорий к разработке новых концепций, теорий, парадигм в исследовании социальной политики. При анализе социальной политики обычно успешно применяются, во-первых, *общеметодологические подходы*, в т. ч. системный и структурно-функциональный, гуманистический и др., а также отдельные *концепции и теории, разработанные для анализа социальной политики*, в т. ч. теория социальной справедливости, теория социальных рисков и др. Однако большинство отечественных и зарубежных исследований носят, как правило, эмпирический характер и часто ограничиваются изучением отдельных составляющих, механизмов формирования и реализации социальной политики, их воздействия на социальную сферу общества, отдельных территориальных общностей, на положение

социальных групп, часто без опоры на теоретические разработки. Между тем потребность в изучении социальной политики заключается в развитии теории и в более широком и глубоком ее использовании в эмпирических исследованиях. Особенностью современного этапа познания является сравнительно низкий уровень качественного приращения знаний: эмпирические исследования упираются в ограниченные возможности оценки реально протекающих процессов и их прогнозирования. Возникает правомерный вопрос о необходимости разработанности теоретико-методологического основания в исследовании социальной политики. Кроме того, в отечественной литературе описаны главным образом результаты воздействия социальной политики на отдельные социальные процессы, институты, уровень жизни и условия жизнедеятельности населения. И сравнительно бедно проработан и представлен в опубликованных научных исследованиях анализ социальной политики по регулированию активности людей на рынке труда.

Раскрыть сущность социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда достаточно сложно — с одной стороны, в силу неразработанности данного представления, а с другой стороны, по причине многообразия ее проявлений. Прежде всего для этого требуется проанализировать сущность социальной политики в целом и выделить ее структурные компоненты.

Социальная политика как социологическая категория. В отечественной и зарубежной литературе существует множество различных подходов к определению понятия «социальная политика», анализа ее структуры и проблем развития. Среди них можно выделить два общих методологических подхода к пониманию данной категории: общесоциологический и деятельностный. Рассмотрим подробнее эти подходы, чтобы в дальнейшем показать возможности их использования для анализа социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда.

Общесоциологический подход представляет собой, как правило, социологические трактовки социальной политики как *совокупности/системы (взаимо) отношений социальных групп*. В этом случае социальная политика рассматривается прежде всего в качестве одной из сфер, составляющих политики в целом. В основе социологического понимания политики лежит предположение о том, что основные социальные блага (материальные и духовные) дефицитны и их не хватает для удовлетворения потребностей всех, хотя и сама дефицитность может быть искусственной, следствием преследования определенными группами своих

интересов. Причем сама политика рассматривается как совокупность взаимоотношений социальных групп (классов, слоев, общностей), направлений и способов их деятельности, связанных с отстаиванием своих интересов и удовлетворением своих потребностей с помощью разнообразных средств [148, 177].

Мы согласны с Т. Заславской, Б. Ракитским, Н. Римашевской и другими учеными в том, что *социальное положение* — ключевое понятие социальной политики [69, 148, 177]. Сохранение и изменение *социального положения* социальных групп (классов, слоев, общностей) является поводом их *взаимоотношений*, взаимодействия в социальной политике [148, 177].

Разделение политики на сферы, как отмечают многие исследователи, является весьма условным, поскольку в реальности выделить в «чистом» виде какую-либо из ее составляющих невозможно, да и нецелесообразно. Наиболее тесное взаимодействие наблюдается в процессе формирования и реализации социальной и экономической политики. Неслучайно широко распространенным является понятие «социально-экономическая политика», соединяющее оба вида политики как сферы взаимоотношений. Так, любое экономическое решение, связанное с макроэкономической ситуацией, изменением бюджетных статей доходов и расходов, кредитно-денежного, таможенно-тарифного или других видов экономического регулирования является одновременно и социальным решением по своим последствиям, поскольку его реализация неизбежно отражается на уровне жизни, социальной защищенности населения, его отдельных групп. К таким примерам в российской экономике относят, в частности, либерализация цен 1992 г., приватизация государственной собственности, дефолт рубля 1998 г. В свою очередь любое социальное мероприятие, решение из области социальной политики является одновременно и экономическим, поскольку реализация первого возможна лишь при использовании методов и средств второго. К примеру, индексация заработной платы работников бюджетной сферы, пенсий в условиях инфляции как один из механизмов социальной политики должна быть обеспечена соответствующими источниками финансирования, статьями доходов и расходов государственного бюджета. Это неизбежно отражается на экономической политике и влияет на экономическую ситуацию в целом.

В отличие от устаревших представлений о социальной политике как составной части или направлении внутренней политики государства, распространенных в исследованиях 1990-х гг., мы считаем, что социаль-

ная политика, как и политика в целом, является внутренней и внешней по отношению к территориальному объекту ее осуществления. Проявлениями внешней государственной социальной политики являются помощь жителям других государств, попавших в неблагоприятные ситуации (войны, катастрофы), внешние займы на решение внутренних социальных проблем государства, координация и интеграция модели социального управления в рамках более широкой межгосударственной системы социального управления (например, в границах Европейского Союза). В рамках рассматриваемой проблематики в дальнейшем мы будем рассматривать главным образом внутреннюю социальную политику.

Другим методологическим подходом к определению сути социальной политики является **деятельностный подход**, определяющий социальную политику как социальную деятельность. Такой подход является наиболее популярным не только среди социологов, но и среди политологов, экономистов и представителей других социальных наук. В рамках деятельностного подхода в свою очередь можно выделить различные варианты его реализации. В частности, **субъектно-объектный подход** отличается тем, что в определении социальной политики указывается, *кто* (государство и другие акторы) и в отношении *чего/кого* (социальная сфера, социальное положение, различные социальные группы общества) осуществляет социальную деятельность (управленческую и др.).

При анализе особенностей социальной политики особое внимание социологами по праву уделяется **субъектам (или акторам)** социальной политики, т. е. тем, кто ее формирует и реализует, поскольку именно от них в значительной степени зависит качество социального управления, его конечный эффект. Нам представляется целесообразным выделение Б. Ракитским как «первородных», или *первичных, субъектов* (социальные группы, слои, классы, общество в целом), так и представляющих их интересы организационных структур (или *вторичных субъектов*), созданных для удобства практических действий в социальной политике [148, 177]. Группа вторичных субъектов достаточно велика, к ней относятся: 1) государство в лице законодательных и исполнительных органов федерального, регионального и местного уровней (Государственная Дума и законодательные органы в регионах, Правительство РФ и администрации регионов, городов и сельских административных районов); 2) государственные и негосударственные учреждения, организации и предприятия социальной сферы; 3) работодатели — социальные группы, занимающие командные места в хозяйственном управлении предприятиями, создающие рабочие места и проводящие социальную политику.

ку по отношению к своим работникам и к территории, где расположено предприятие; 4) профессиональные организации (профсоюзы) и другие объединения наемных работников, политические партии и движения и другие общественные организации (общество по защите прав потребителей, женские, молодежные, благотворительные организации и др.); 5) религиозные организации; 6) международные организации и фонды (ООН, МОТ, МВФ и др.); 7) посреднические организации (Сбербанк РФ, различные коммерческие банки и др.); 8) временно организуемые граждане (различные гражданские инициативы, например, группы самопомощи) и т. д. Таким образом, к субъектам социальной политики относятся все социальные группы и их организации, активно взаимодействующие в социальной сфере, т. е. формирующие, предъявляющие и отстаивающие интересы общества, отдельных социальных групп, индивидов в рассматриваемой сфере, а также формируемые на этой основе социальные институты.

Выбор модели социальной политики, ее целей, методов и средств и результаты их реализации во многом зависят от того, какие общественные силы управляют социальной жизнью. В стране с традиционно жестким управлением из центра субъекты социальной политики имеют сравнительно простую структуру, фактически состоящую из органов государственной власти. Однако общеизвестно, что эффективная и справедливая социальная политика более вероятна при активном участии большого числа людей, групп, организаций и движений в делах устройства социальной сферы.

Одним из вариантов применения общесоциологического подхода в анализе понимания социальной политики является *институциональный подход*, активно развивающийся и используемый в последние полтора десятилетия и в отечественных исследованиях. Социальная политика является глубинной сферой взаимоотношений, взаимодействий социально-политических субъектов и их взаимоотношений, результат чего — выработка определенных «правил игры», которые и составляют ее институциональную основу [67, 70, 86, 156]. Социальная политика формирует определенного рода институциональную среду, которая регулирует состояние социальной сферы, при этом одновременно являясь частью этой сферы (отношений, регулирующих общество изнутри) и частью внешних сигналов (отношений, навязанных обществом как бы извне и регулирующих социальную сферу). Например, к внутренним регуляторам (отношениям) социальной сферы региона относятся местное самоуправление и различные виды социального контроля общест-

венных организаций. Внешним регулятором является федеральная социальная политика, реализуемая на региональном и межрегиональном уровнях. Социальная политика, формируемая и реализуемая непосредственно на уровне региона — субъекта Федерации, — базируется на федеральной политике, преобразуя ее к региональным условиям. В целом анализ элементов и связей социальной сферы и социальной политики позволяет более глубоко рассмотреть и объяснить трансформационные процессы общества.

По объекту воздействия социальную политику принято рассматривать *в узком и широком смыслах*. Первое понятие (чаще всего встречающееся у экономистов, управленцев, политиков) — **социальная политика в узком смысле** — представляет собой целенаправленную деятельность государства и других акторов (социальной политики) по поддержанию общественных групп и слоев, которые в силу тех или иных причин оказались в более трудном положении, чем другие, страдают от специфических обстоятельств и не могут своими силами улучшить собственное положение. В этом случае содержание социальной политики сводится в большинстве своем к социальным решениям и мероприятиям, связанным с поддержкой слоев общества, которые в силу своего специфического положения не в состоянии играть активную роль в условиях рыночных отношений. *В социально-демографическом плане* такими группами, к примеру, являются неработающие пенсионеры, дети, инвалиды, работающие матери, студенты; *в территориальном* — жители малых сел или особо удаленных районов; *в социально-профессиональном* — низкооплачиваемые работники, чаще всего работники бюджетных организаций, многие массовые слои интеллигенции (инженеры, учителя, врачи); *в социально-экономическом* — семьи, не имеющие жилья, и т. д.

Под **социальной политикой в широком смысле** понимается деятельность государства и других акторов по развитию социальной сферы, по организации прогрессивных изменений в социальном положении различных классов, слоев, групп. В этом случае социальная политика охватывает социальные и экономические решения и мероприятия, затрагивающие все стороны жизни членов общества, включая, по словам С. Смирнова, «обеспечение последних товарами, жильем и услугами социальной инфраструктуры, рабочими местами, приемлемыми денежными доходами, благоприятными экологическими условиями и т. п.» [171, с. 15]. Следовательно, другими словами, любая деятельность, приводящая к *позитивным изменениям социальной сферы, социального положения людей* и есть социальная политика. Причем положительный эффект

необязательно проявится в краткосрочной перспективе, часто необходимо оценивать долгосрочные проекты общественного развития. Так, эффективная рыночная экономика трактуется как социальное благо, однако сам переход к ней обычно сопряжен с социальными издержками, прежде всего с падением уровня жизни населения. В этом случае значение имеет социальная цена такого рода реформ: масштабы, глубина и продолжительность негативных социальных последствий. Социально-экономический анализ результатов рыночных реформ в России показал, что россияне заплатили чрезвычайно высокую социальную цену за проведенные реформы. Либерализация цен и массовая приватизация в первой половине 1990-х гг. привели почти к двукратному падению реальных располагаемых денежных доходов населения, «погашенному» лишь во второй половине 2000-х гг., многократному социальному расслоению общества по доходам и собственности. Все это свидетельствует о низкой социальной направленности проведенных рыночных реформ.

Существует множество подходов к выделению объекта социальной политики, подробный анализ которых представлен, например, в работе Г. П. Осадчей [129, с. 54–71]). В данном случае мы поддерживаем позицию В. Н. Иванова, В. З. Роговина и других ученых и считаем, что *объектом социальной политики в широком смысле* является социальная сфера, рассматриваемая как совокупность социальных отношений и условий (труда, быта, досуга и др.), определяющих интересы классов, слоев, групп и влияющих на характер и содержание их деятельности и поведения [129, с. 66–67]. При этом подходе социальная сфера по своему предметному содержанию включает в себя как социальную структуру, так и социальную инфраструктуру, взаимосвязь которых обеспечивается, с одной стороны, системой общественных потребностей, а другой — степенью их удовлетворенности и возможностями доступа к ценностям, благам и услугам. Кроме того, в поле социальной политики как развивающегося объекта попадают различные социальные процессы развития социальной сферы.

В отношении социальной сферы социальная политика проявляет свои уникальные свойства. Г. И. Осадчая отмечает, что социальная политика «обеспечивает взаимодействие всех сфер жизнедеятельности общества в решении социальных проблем», проявляя при этом свойства *универсальности* (всеохватывающий характер воздействия социальной политики на все стороны социального воспроизводства людей), *включенности* (возможность проникать во все сферы жизнедеятельности) и *атрибутивности* (способность сочетаться с любыми общественными отношениями, общественными феноменами и сферами) [129, с. 143].

При рассмотрении же социальной политики в узком смысле ее объектами становятся, как отмечалось, социальные группы, отдельные индивиды, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации (социально уязвимые, малообеспеченные слои, пострадавшие от природных и других катастроф и т. д.).

В качестве *предмета социальной политики* можно выделить конкретные проблемы жизнедеятельности классов, слоев, групп, социальных общностей, а также проблемы, возникающие вследствие изменения их положения в обществе. В этом отношении одним из традиционных предметов социальной политики является *уровень жизни* населения. В последнее десятилетие в поле социальной политики включено также *качество жизни*, дополнительно учитывающее характеристики развития культурного и природного потенциалов общества.

Кроме субъектно-объектного варианта анализа сущности социальной политики, выделяются и другие не противоречащие друг другу, а скорее взаимодополняющие варианты, акцентирующие внимание на структурных компонентах социальной политики, в т. ч. *функционально-целевой (или нормативно-целевой) и инструментально-технологический подходы*, суть которых будет изложена после общего анализа «устройства» социальной политики.

Структурные компоненты социальной политики. Системно-функциональный анализ социальной политики включает в себя изучение ее компонентов и их взаимосвязей. Как сферу деятельности, взаимоотношений, социальную политику необходимо рассматривать во взаимосвязи со сферой *социального управления*. Как известно, необходимыми условиями и важнейшими признаками управления являются: 1) цель либо некий комплекс целей (отвечающие на вопрос *что делать?*); 2) способы достижения поставленных целей (*как?*); 3) средства достижения поставленной цели, правила и процедуры их использования (*с помощью чего?*). Социальная политика может иметь общие цели с социальным управлением (поддержание социальной стабильности, порядка и законности, рост благополучия, социальной справедливости, демократии и др.), общие институциональные средства реализации (государство, политическая система общества). Однако неверно отождествлять социальную политику и социальное управление. Социальная политика включает в себя, наряду с управлением социальными отношениями макро- и микроуровней, их регулирование в условиях, когда для осуществления реального управления нет либо ясных целей и согласия о них, либо необходимых знаний и тех-

нологий, либо практических возможностей, либо всего перечисленного, вместе взятого.

Таким образом, основными структурными компонентами социальной политики являются компоненты целеполагания (цели и функции) и компоненты целеосуществления (методы и средства). Особенности социальной политики в конкретный исторический период развития страны, государства определяются, как уже отмечалось, уровнем и характером развития социальной сферы, целями преобразования общества, составом, ролями и особенностями взаимодействия субъектов социальной политики, а также спецификой формирования и реализации ее основных направлений, институциональными и инструментальными возможностями развития социальной сферы.

Среди *целей социальной политики* различаются базовые и современные, среди последних — стратегические и тактические. *Современные цели* социальной политики учитывают комплекс сложившихся к определенному периоду времени условий развития общества, их формулировки могут различаться по характеру и по форме в различных регионах, государствах, однако всегда в их основе лежат *базовые цели*. К последним относится достижение равновесия, стабильности, целостности и динамики социальной сферы при наличии материальных ресурсов, соответствующих политических сил и социальной системы. Это выражается в реализации двух базовых задач: 1) условно говоря, «испечь пирог побольше и повкуснее», т. е. создать условия для лучшего удовлетворения всей системы потребностей (от простых, физиологических, до более сложных — социальных и духовных) человека, социальной группы и всего общества и 2) «разделить пирог по справедливости» — реализовать принцип социальной справедливости в экономических, политических и других общественных отношениях.

Процесс разработки и реализации *стратегических и тактических целей* социальной политики сопряжен с проблемой выбора *социальных приоритетов*, т. е. социальных задач, которые признаются обществом на данном этапе его развития в качестве наиболее настоятельных и неотложных, требующих первоочередного решения. Приоритеты социальной политики призваны разрешать противоречия: 1) между текущими и перспективными интересами общества (примером может являться расстановка приоритетов в социальной защите пенсионеров и детей); 2) между несовпадающими или расходящимися интересами классов, социальных групп и слоев (между наемными работниками и работодателями, например, в вопросах условий и оплаты труда, распределения «налогового бре-

мени» между предприятиями как юридическими лицами и физическими лицами); 3) связанные с неизбежностью «платы» (экономической, экологической, технологической и др.) за социальный прогресс. Такой экономической «платой» является, например, неизбежность установления сравнительно высоких налогов, взимаемых с предприятий и граждан, для организации развитой системы социальной защиты населения или снижения относительной величины оплаты за неквалифицированный, физически сложный труд в условиях научно-технического прогресса.

При реализации социальной политики могут наблюдаться значительные отклонения *реализуемых целей* от *декларируемых*. Социальная политика, по определению гуманна, призвана реализовывать цели улучшения положения всего общества, его отдельных групп и индивидов, но поскольку она реализуется отдельными лицами, социальными группами и организациями, которым свойственно ошибаться, преследовать свои интересы, реальность зачастую противоречит политическим декларациям. С точки зрения отдельных лиц, групп, организаций реализация тех или иных социальных мер может иметь гуманный характер, с точки зрения других — противоречить социальному развитию страны, поскольку улучшение положения отдельных социальных групп в таких случаях может происходить за счет не только относительного, но и абсолютно-го ухудшения положения остальных. Так, повышение таможенных тарифов на ввоз различных потребительских товаров в страну приводит к улучшению положения отечественных производителей при одновременном снижении покупательной способности населения на импортируемые виды продукции.

Декларируемые цели социальной политики довольно часто не реализуются из-за их «оторванности» от экономических и технологических возможностей развития общества. Классическим примером этого является декларация советских политиков 1960-х гг. о построении коммунистического общества в 1980-х гг. К примерам 1990-х гг. можно отнести значительное недофинансирование (в среднем на 80%) большинства федеральных и региональных социальных программ, секвестр государственного бюджета в конце десятилетия, приведший к сокращению государственных расходов на социальные нужды, соотношение экономических результатов приватизации и социальной цены реформ.

В общественных науках не выработано единое представление о системе **функций социальной политики**. Так, при анализе социальной политики, а также строения и функционирования общественных институтов Т. И. Заславская выделяет адаптационную, стабилизирующую (воспро-

изводственную), инновационную и интегративную функции [69; 156, с. 55–59]. Г. И. Осадчая отмечает, что «социальная политика наряду с защитительной функцией выполняет конструктивную, связанную с профилактикой и позитивным совершенствованием как отдельных элементов, так и всей общественной системы в целом» [129, с. 173].

По нашему мнению, все функции по характеру воздействия на объект условно можно разделить на две взаимосвязанные группы: 1) *функции по воспроизводству социальной сферы, сохранению существующих социальных отношений и норм в обществе* и 2) *функции по развитию, преобразованию социальной сферы*. К первой группе относятся такие функции, как: а) *интеграционная* — обеспечение единства интересов различных социальных групп и организаций; б) *распределительная* — обеспечение согласованного функционирования различных сфер общества (например, сбалансированность социально-профессионального, отраслевого и квалификационного состава рабочей силы через механизм подготовки и переподготовки кадров); в) *защитная* — по отношению ко всему обществу и отдельным группам, в т. ч. *компенсаторная* (компенсирующая воздействие социальных рисков в процессе социального развития); г) *социализирующая, адаптационная*, в т. ч. *воспитательная*. Вторую группу образуют следующие функции: а) *стабилизирующая* как поддержка стабильности и устойчивости в развитии социальной сферы общества; б) *стимулирующая*, направленная на формирование, поддержание и усиление стимулов к повышению социального статуса различных групп в системе социальных неравенств, их социального положения в обществе; в) *инновационная* как обеспечение социального прогресса общества, внедрение современных социальных технологий. При реализации всех указанных функций по характеру своей деятельности социальная политика выполняет *регуляторно-управленческую функцию*, связанную с разработкой и реализацией социальных программ и мероприятий, оценкой их эффективности.

Более глубокий анализ социальной политики приводит нас к необходимости рассмотрения ее отдельных направлений. Под **направлением социальной политики** понимается линия, курс, установка, ориентация государства или других акторов социальной политики в определенной ее области, по отношению к регулированию социального положения отдельных групп. В социальной политике наблюдается большое разнообразие ее отдельных направлений, составляющих, и достаточно сложной задачей является их систематизация. Мы предлагаем выделить два основания такой систематизации: 1) по влиянию социальной политики на из-

менение положения отдельных социальных групп, динамику социальных подструктур общества; 2) по отдельным областям, сферам социальной политики. Первое основание позволяет анализировать ее в отношении:

- *социально-демографических групп* (конкретными направлениями являются национальная, миграционная, молодежная, женская, пенсионная политики, охрана материнства и детства и др.);
- *социально-доходных групп* (политика доходов и уровня жизни населения, поддержка низкодоходных групп населения, в т. ч. путем установления минимального размера оплаты труда, пенсий и социальных пособий, индексации доходов и сбережений, с помощью налоговой политики, ценовой политики в отношении товаров потребительской корзины);
- *семей и домохозяйств, семейно-хозяйственной подструктуры* (семейная политика, политика поддержки личного подсобного хозяйства);
- *организационно-управленческой подструктуры* (регулирование заработной платы с использованием тарифной системы оплаты труда; политика по закреплению статуса чиновников, депутатов Государственной Думы РФ);
- *персонала, трудовых коллективов, социально-трудовой подструктуры* (регулирование социально-трудовых отношений, протестного поведения, политика охраны и оплаты труда работников предприятий и др.);
- *профессионально-квалификационных групп, соответствующей структуры* (использование ЕТС на предприятиях, политика индексации оплаты труда «бюджетников»);
- *территориальных групп населения, социально-территориальной структуры* (региональная политика по отношению к районам Крайнего севера, депрессивным территориям, поддержка малых городов и сел);
- *классов и слоев общества, социально-классовой структуры* (политика формирования среднего класса, борьба с бедностью, поддержка предпринимательства, политика по отношению к отдельным маргинальным группам — беженцам, бомжам, беспризорным и др.) и т. д.

Второе основание систематизации направлений социальной политики (по ее областям, регулированию отдельных сфер социальной жизни) позволяет выделять такие направления, как политика обеспечения занятости населения и регулирования рынка труда, демографическая

политика, политика развития отраслей социальной сферы (образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и туризма, кинематографии, бытового обслуживания, жилищного и коммунального хозяйства).

Все выделяемые направления социальной политики взаимосвязаны, взаимозависимы. Например, очевидны сильные связи между политикой регулирования рынка труда, обеспечения занятости населения и пенсионной, молодежной политиками, поддержкой предпринимателей. При этом существуют также общие, или «сквозные» (по отношению к различным группам, сферам), направления социальной политики, влияющие на социальную сферу и социальную структуру общества в целом. К ним относятся социальная защита общества, социальная безопасность, социальное благополучие, социальная экология и др. В конечном счете все выделенные направления являются факторами, определяющими уровень и качество жизни населения, степень его удовлетворенности существующими (социальной, экономической, политической) системами, что определяет их стабильность, устойчивое развитие и прогресс.

К структурно-функциональным особенностям социальной политики относится также многоуровневость ее формирования и реализации. Исследователи обычно используют территориальный и социально-структурный подходы в выделении **уровней формирования и реализации социальной политики**. В территориальном разрезе общепринятым является выделение: 1) федерального уровня (уровня центра); 2) регионального (как правило, уровня субъекта Федерации); 3) муниципального уровня, или уровня местного самоуправления (городского, сельского районного, сельского поселкового) [50, 171]. При микроанализе выделяют уровень предприятий, корпоративную политику. Кроме того, в социальной политике необходимо также учитывать и наднациональный, межгосударственный уровень (что актуально, например, для таких территориальных образований, как Европейский Союз), а также глобальный уровень, уровень всего человечества, что особенно важно при анализе процессов глобализации и трансформации общества, регулирования его устойчивого развития.

В данной работе особое внимание уделяется региональному уровню социальной политики. Понятие *региональной политики* многозначно. Выделяют по крайней мере три ее основные трактовки при характеристике: 1) различного рода отношений между властными и исполнительными федеральными органами и органами субъектов Федерации, при оценке государственного вмешательства в развитие последних с целью преодоления существенных различий в условиях жизни и экономической дея-

тельности (в этом случае имеют в виду региональную политику, формируемую и реализуемую на федеральном уровне); 2) собственно политики субъектов Российской Федерации; 3) политики различных территориальных образований либо выше (межрегиональная политика), либо ниже уровня субъекта Федерации (политика муниципального уровня). [50, 171].

В правительственных документах «под региональной политикой в Российской Федерации понимается система целей и задач органов власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также и механизм их реализации... Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов РФ. В тех случаях, когда регион выступает как субъект права, под ним понимается только субъект Российской Федерации» (*Основные положения региональной политики в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 1996 г. № 327 // Российская газета. — 1996. — 9 апр.*).

В рамках региональной политики разработан дифференцированный подход к решению социальных проблем различных территорий. Так, в Англии территории, получающие особую государственную поддержку, принято называть *ареалами помощи*. В документах ЕС по региональной политике используется термин «*избранные*» *регионы* и указываются критерии отбора, подпадающие под конкретные цели: содействие структурной перестройке и развитию отдельно отсталых и депрессивных ареалов включая ареалы рынков труда и города-агломерации с высокой безработицей и снижающимся уровнем промышленного развития, содействие развитию сельских ареалов, социальные цели борьбы с долговременной и молодежной безработицей по отношению к отдельным странам.

Российские территории, требующие особой государственной политики, относят к *проблемным*. Особым инструментом российской региональной социально-экономической политики федерального уровня является целевая государственная поддержка регионов-реципиентов (отчасти за счет налоговых поступлений в федеральный бюджет относительно благополучных территорий-доноров), которая оказывается в первую очередь отсталым и депрессивным регионам [50, 152].

В категорию проблемных, неблагополучных регионов, как отмечает А. Г. Гранберг [50, с. 317–343], в годы реформ, как правило, попадали: 1) *ациональные окраины, национальная периферия России*, т. е. изначально отсталые, и в 1990-х гг. социально-экономическая ситуация в таких

регионах еще более усугубилась в связи с падением финансовых поступлений из центра; 2) *аграрные и агропромышленные регионы*, имеющие сельскохозяйственную специализацию; 3) *сырьевые регионы*; 4) *регионы быстрого хозяйственного освоения в советский период* (например, Дальний Восток), но слабо развитые в социальном отношении. Среди регионов Сибирского федерального округа в число проблемных регионов в период активных трансформационных процессов, рыночного реформирования были включены Алтайский край, Омская, Новосибирская, Читинская области, Республики Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия и автономные округа Восточной Сибири.

В рамках *социоструктурного подхода* выделяются четыре уровня реализации социальной политики: 1) уровень общества в целом (социальная политика призвана решать проблемы воспроизводства и развития социальной сферы, социальной структуры, в т. ч. расширения среднего класса и устойчивости его развития, социального здоровья и безопасности нации и др.); 2) уровень социальных групп и их организаций: поддержка инновационных процессов экономической активности персонала предприятий, трудоспособной части населения в целом; 3) уровень семьи как малой социальной группы: обеспечение достойной жизни ближайшего окружения человека: семьи, близких людей; 4) уровень отдельного человека: обеспечение условий и средств обустройства жизни каждого человека [129, 177].

При изучении социальной политики необходимо рассматривать такую его составляющую, как *социально-политическая культура*, куда входят не только совокупность идей, традиционных представлений, используемых в социально-политическом обороте, но и набор методов и средств социальной политики — как официальных, так и неформальных.

Цели социальной политики достигаются использованием субъектами политики определенных методов и средств. Под *методами* реализации социальной политики понимается совокупность принципов (основных идей и правил ее проведения) и способов достижения ее целей, направленных на все общество, социальную группу, организацию, конкретного человека. *Средствами осуществления социальной политики* являются рычаги и инструменты управления, с помощью которых государство и другие субъекты проводят социальную политику.

Все принципы социальной политики условно можно разделить на две группы: 1) общеполитические или общеправительственные, действующие в сфере политики или управления в целом и их различных составляющих (комплексность, системность, приоритетность, дифференцированный под-

ход к решению проблем, субсидиарность и др.); 2) социально-политические, относящиеся преимущественно к социальной политике. Основным ее принципом является *принцип социальной справедливости*. Кроме того, ко второй группе относятся социальная солидарность, социальная стандартизация, социальное страхование, адресность и др.

Главным *способом реализации государственной социальной политики* является государственное регулирование, включающее в себя общеполитическое, общее экономико-правовое регулирование, государственную поддержку регионов, поселений, предприятий, социальных групп. В свою очередь к способам государственного регулирования относятся директивное планирование и индикативное регулирование. Особое значение в период социальных трансформаций, рыночных реформ в России приобрело *индикативное регулирование* — воздействие государства на социальную и экономическую сферу при помощи организации (при участии государства) определенных видов деятельности (производства, создания объектов социальной инфраструктуры), инвестиционной, налоговой политик, регулирования через рынок ссудного капитала (кредитно-денежная политика), государственного заказа (государственного потребления продукции частного сектора), программирования и прогнозирования. В условиях рынка важную роль играет также *рыночное саморегулирование*, под которым понимается саморегуляция, самонастройка основных социально-экономических процессов в условиях действия экономических законов (закона цен, закона спроса и предложения). Кроме того, особое место в социальной политике занимают различные способы, технологии социального взаимодействия — такие, например, как лоббирование, социальный контроль, социальное партнерство.

В социальной политике используются средства политики в целом, в т. ч. средства, порожденные обществом, но внешние по отношению к политике (культурные нормы, традиции, общественное настроение (например, энтузиазм), идеологические течения, вера и т. д.), и средства, возникающие непосредственно в сфере политики. К последним относятся, во-первых, средства социального происхождения: знания и язык политики, политическая символика (здания, ритуалы собраний, заседаний, встреч и т. д.), средства массовой информации, искусства, пропаганда (предвыборная агитация), общественные движения (митинги, манифестации, забастовки как массовые акции). И, во вторых, таковыми являются средства, порожденные властью или политикой (приказ, распоряжение, все виды принуждения, законы и другие нормативно-правовые документы).

Главным средством осуществления социальной политики является *социальное управление* (в узком смысле), или управление социальной сферой [160, с. 585]. В рамках социального управления к числу *специальных средств социальной политики* относятся государственные нормативно-правовые документы (законы, постановления, распоряжения и др.); административные решения; учреждения и предприятия социальной сферы; государственные социальные нормативы, а также экономические индикаторы, регулирующие социальную сферу (налоговые рычаги и стимулы, тарифы и др.); финансово-кредитные средства.

Законодательной и исполнительной ветвями государственной власти разрабатывается финансово-кредитный механизм социальной политики, т. е. порядок образования и использования финансовых ресурсов, предназначенных для обеспечения мероприятий социального характера, а также деятельность структур, осуществляющих эти функции. Финансово-кредитный механизм условно можно разделить на два блока, один из которых регулирует финансовое обеспечение части собственно социальной политики (нормативы обязательных страховых платежей социального характера, расходные статьи утверждаемых законодателями бюджетов различных уровней и т. п.). В рамках второго блока создаются финансово-кредитные ресурсы, предназначенные для государственного социально-экономического регулирования рынка, в т. ч. рынка труда [171, 177].

Путем определения размеров доходных или расходных статей государственного бюджета или внебюджетных социальных фондов (пенсионного фонда, фондов социальной защиты населения, обязательного медицинского страхования и др.) законодатели формально создают основу финансового обеспечения принятых ими документов по социальной политике. Это происходит, например, при принятии документов, связанных с установлением минимального размера заработной платы и ЕТС занятых в бюджетной сфере, минимальных размеров трудовой пенсии и социальных пособий, при определении размеров финансирования учреждений некоммерческой части социальной сферы и т. п.

Кроме средств государственного бюджета и средств государственных внебюджетных фондов, социальная политика финансируется за счет средств населения, а также средств предприятий и учреждений. К последним относятся обязательные взносы в государственные внебюджетные фонды, добровольные взносы, направляемые на социальную поддержку работников предприятий и членов их семей, средства благотворительности и спонсорства на оказание помощи отдельным неблагополучным

социальным группам и учреждениям, а также средства на благоустройство территории.

Как известно, на формирование и реализацию социальной политики государства и других субъектов (работодателей, политических партий, профсоюзов и других общественных организаций) в трансформационный период оказывали значимое влияние также средства различных международных организаций, таких, как Международный валютный фонд, международные банки (Международный банк реконструкции и развития и др.), Международная организация труда, ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др.

Для того, чтобы подчеркнуть значимость целей и функций, методов и средств осуществления социальной политики, исследователи подчеркивают их значимость в определении этой категории. В качестве примеров выше мы уже выделили *функционально-целевой (или нормативно-целевой) и инструментально-технологический подходы*. В первом случае подчеркивается значимость целеполагания социальной политики и указываются либо общая цель (обеспечение достойного уровня и качества жизни), либо ряд конкретных задач (повышение доходов населения, сокращение социальных различий, бедности и безработицы и др.) и функций (защитная, компенсационная и др.), либо направленность на решение определенных социальных проблем и достижение социальных нормативов. При инструментально-технологическом подходе акцентируется внимание на важности целеосуществления социальной политики и указывается на использование конкретных технологий, рычагов и инструментов. Например, социальная политика определяется как деятельность, основанная на использовании социального партнерства и других социальных технологий.

*Разнообразные сочетания структурных компонентов социальной политики и элементов ее «внешней среды» (ее факторов и результатов, а также составляющих политики в целом) образуют множество ее форм. Под **формой социальной политики** понимается способ ее существования и выражения содержания. На основе структурных компонентов социальной политики можно выделить основные подходы к классификации ее форм, позволяющие исследовать: 1) целевые, политико-идеологические модели социальной политики; 2) субъектно-технологические формы; 3) вышеинструментально-управленческие; 4) конечные материальные; 5) вышетерриториальные и другие формы. Рассмотрим кратко каждый из выделенных подходов и начнем с характеристики ее *целевых, политико-идеологических моделей*.*

По мнению многих исследователей, изучающих особенности социальной политики России «дотрансформационного» периода (Ф. Бородкина, Т. Заславской, Г. Осипова, О. Пчелинцева, Н. Римашевской, М. Руткевича и др.), ее основными концептуальными характеристиками являлись:

1. *Иждивенческий подход*. Забота общества и государства о материальных и духовных потребностях человека, в целом потребительская направленность социальной политики советского периода без стимулирования экономической инициативы воспитывали иждивенчество, пассивность граждан. Такой подход (в ожидании «манны небесной») в значительной степени снимал с человека ответственность за обеспечение своего благополучия.

2. *Этатический подход*, заключающийся, в частности, в уравнительном распределении заработной платы и других доходов.

3. Замалчивание происходящих изменений в социальной структуре, социальной сфере общества (изменений состава и численности тех или иных социальных групп, причин и факторов этих изменений) либо их частичную, идеологически выгодную *пассивную регистрацию*.

Все три характеристики социальной политики имели место в дореформенный период и характеризовали социальную политику как патерналистскую в своей основе.

Если использовать в качестве основы анализа *моделей социальной политики* классификации, разработанные Г. Эспринг-Андерсоном при выделении критериев построения государства социального благополучия [39, 49], то в современных условиях в России можно обнаружить все основные прототипы традиционных социально-политических моделей, а именно: *буржуазный либерализм, неопатернализм и неоконсерватизм*. При этом *либерализм* ориентирован на минимальное вмешательство государства, на создание для всех классов, групп, слоев номинально равных стартовых условий. Доминантой данной модели является опора на собственные силы, самоорганизация своей жизни, а, следовательно, социальная база либерализма — адаптированные средне- и высокодоходные слои общества. *Неоконсерватизм* отличается ориентацией на адаптирующиеся слои и группы, социальную динамику, сохранение значимых для населения ценностей, социальных институтов в отличие от сохранения отмирающих институтов, не поддерживаемых реальной жизнью. *Неопатернализм* (одна из форм социал-демократической модели) можно определить как политику государственного покровительства, сжатого до адресной системы решения проблем социально уязвимых групп (в отличие от бывшего всеобщего покровительства). Социальной базой та-

кой модели являются слои и группы, которые по объективным причинам не способны адаптироваться к новым условиям («аутсайдеры») [39, 49].

Все три существующие модели социальной политики развивались в XX в. и к началу 2000-х гг. были представлены в экономически развитых странах, реализующих так называемую государственную политику благополучия граждан (Welfare state policy). В частности, в последнее десятилетие особое внимание исследователей уделялось оценке преимуществ и недостатков реализуемых моделей социальной политики, выбору наиболее оптимальной модели в государствах Европейского Союза [39, 49, 129, 226, 227, 233, 234].

Другим подходом является анализ различных *субъектно-технологических форм*, т. е. *технологических форм взаимодействия в «поле» социальной политики*, роли субъектов социальной политики в регулировании социальной сферы, участия социальных акторов экономической сферы в социальной политике.

Третий подход заключается в выделении конкретных *инструментально-управленческих форм* социальной политики, а именно: нормативно-правовых документов (законов, постановлений, инструкций), социальных программ и мероприятий. Например, к международным нормативно-правовым формам социальной политики, регулирующим активность населения на рынке труда, относятся Всеобщая Декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция МОТ № 102 «О минимальной норме социального обеспечения» (1952 г.), Декларация международной конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992 г.). Инструментально-управленческими формами российской социальной политики федерального уровня являются Конституция РФ, Законы «О занятости населения в Российской Федерации» (1991 г.), «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (1995 г.), «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (1996 г.), «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (1998 г.), «Об основах охраны труда в Российской Федерации» (1999 г.), Трудовой кодекс РФ и др.

Четвертый подход связан с выделением *конечных материальных форм социальной политики*. Так, социальная поддержка населению оказывается в форме денежных выплат (заработная плата, пенсия, стипендия, социальное пособие) и натуральных благ и услуг (транспорт, семена, одежда, бесплатный проезд на общественном транспорте и др.).

Пятый подход заключается в выявлении *территориальных форм* социальной политики — по отношению к определенной территориаль-

ной общности, региону. Так, эксперты в области региональной политики OECD различают две *формы регионального (территориального) развития в зависимости от воздействия внешних импульсов*: 1) *экзогенное развитие* — при сильном внешнем вмешательстве со стороны государственных органов власти, в виде значительных государственных инвестиций (субсидий, кредитов и др.); 2) *эндогенное развитие* — при слабом государственном вмешательстве в виде налоговых льгот, устранении административного контроля, сокращении доли государственной собственности в регионе и др. Основная цель государственного вмешательства в этом случае — дать импульс внутренним факторам развития, правильно оценив потенциал региона и возможные точки роста, вызвать кумулятивный процесс. Естественно, что вторая форма требует меньших затрат со стороны государства. Ее классическими примерами являются зоны свободной торговли и зоны предпринимательства, опыт развития которых в последнее десятилетие появился и в российских регионах.

Кроме того, необходимо отметить, что социальная политика проявляется *через другие составляющие политики, сферы политической деятельности*. В частности, социальная политика может реализовываться в форме экономической (кредитование населения, налогообложение физических лиц и др.), экологической (восстановление природной среды, мероприятия по ликвидации последствий воздействия техногенных факторов на здоровье населения), внешней, международной (займы МВФ, погашение государственных долгов), идеологической (формирование положительного образа предпринимателя в СМИ) политики и др.

Комплексный анализ социальной политики не должен ограничиваться исследованием ее «внутреннего устройства», важное значение имеют внешние связи, т. е. воздействующие на нее факторы и результаты ее реализации. Не останавливаясь подробно на анализе факторов социальной политики, определяющих ее содержание, устройство и формы, выделим лишь их обобщенные группы: а) *общественно-политические факторы*, воздействующие на выбор модели социальной политики, в частности, ее направленность на защиту социально уязвимых слоев населения, на формирование пропорций в соотношении платных и бесплатных услуг социальной сферы и др.; б) *макроэкономические факторы* определяющие конфигурацию выбранной модели, влияющие на возможность ее реализации; в) *социокультурные факторы*, воздействующие на уровень и характер адаптации населения к социально-экономическим и социально-политическим преобразованиям, ценностям рыночной экономики; г) *социально-экологические факторы*,

определяющих состояние естественной среды обитания как важнейшей составляющей условий жизнедеятельности людей, влияющие на формирование качества жизни и социальной сферы в целом.

* * *

Таким образом, анализ различных определений категории «Социальная политика», представленных в отечественной и зарубежной литературе, позволил нам выделить на два основных методологических подхода. Во-первых, это *общесоциологический подход*, трактующий социальную политику как *совокупность/систему (взаимо)отношений социальных групп*, и, во-вторых, *деятельностный подход*, определяющий социальную политику как *социальную деятельность*. В рамках деятельностного подхода мы выделили три варианта его реализации, не противоречащих друг другу, а скорее взаимодополняющих:

- 1) *субъектно-объектный подход*, подчеркивающий значимость субъектов (акторов) социальной политики и объектов их социальной (управленческой и др.) деятельности (социальная сфера, социальное положение, различные социальные группы общества);
- 2) *функционально-целевой (или нормативно-целевой) подход* (подчеркивается значимость целеполагания социальной политики и указывается либо общая цель, либо ряд конкретных задач и функций, либо направленность на решение определенных социальных проблем и достижение социальных нормативов);
- 3) *инструментально-технологический подход* (подчеркивается значимость целеосуществления в социальной политике и указывается на использование конкретных технологий, рычагов и инструментов).

Важнейшим направлением анализа социальной политики является также *институциональный подход*, позволяющий выделить ее институциональную основу, охарактеризовать институты социальной политики.

Использование представленных подходов и отдельных вариантов их реализации зависит от целей и задач исследования социальной политики. В нашем случае общетеоретический анализ социальной политики как объекта социологического исследования позволил нам обосновать понимание социальной политики как регулятора активности на рынке труда. В его исследовании мы опираемся на оба выделенных подхода (*деятельностный и общесоциологический*). Причем для реализации цели диссертационного исследования в трактовке социальной политики мы воспользуемся всеми рассмотренными вариантами деятельностного

подхода. Субъектно-объектный подход позволяет нам выделить два понимания социальной политики (в широком и узком смысле) и сконцентрировать внимание на ее широкой трактовке. Функционально-целевой и нормативно-целевой подходы дают основания для анализа проблем и оценки эффективности современной социальной политики в области регулирования активности населения на рынке труда. И, наконец, инструментально-технологический подход аккумулирует внимание на понимании социальной политики как механизма регулирования рассматриваемой активности.

Кроме того, теоретический анализ и использование названных методологических подходов к пониманию социальной политики позволяют наиболее полно и точно описать особенности ее трансформации в России в период реформ. В качестве критериев данной трансформации выделим кардинальные, качественные изменения в структурных компонентах социальной политики (целях и приоритетах, функциях, направлениях и уровнях реализации, методах и средствах, составе, значимости и характере взаимодействия ее акторов друг с другом и с объектом воздействия) и формах ее проявления (рис. 2.1–2.2).

2.3. Теоретические основы изучения социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда

Особенностью данного исследования является анализ социальной политики как механизма регулирования (регулятора) социальной активности населения на рынке труда или, другими словами, как активизационной политики.

Подходы к пониманию активизационной политики. В 1990-х гг. концепция активизационной политики (activation policy) «государства благосостояния» играла ключевую роль в дискуссиях по проблемам социальной политики среди стран-членов Европейского Союза [229, с. 6]. Под влиянием рекомендаций Европейской Комиссии и OECD требование перехода от пассивных к активным мерам в системе социальной защиты становилось все более и более популярным. Суть такого перехода заключается в переводе безработных в сферу оплачиваемой занятости с помощью различных мер вместо предоставления реципиентам денежных трансфертов. На актуальность активизационной политики указывает не только сдвиг от активных к пассивным

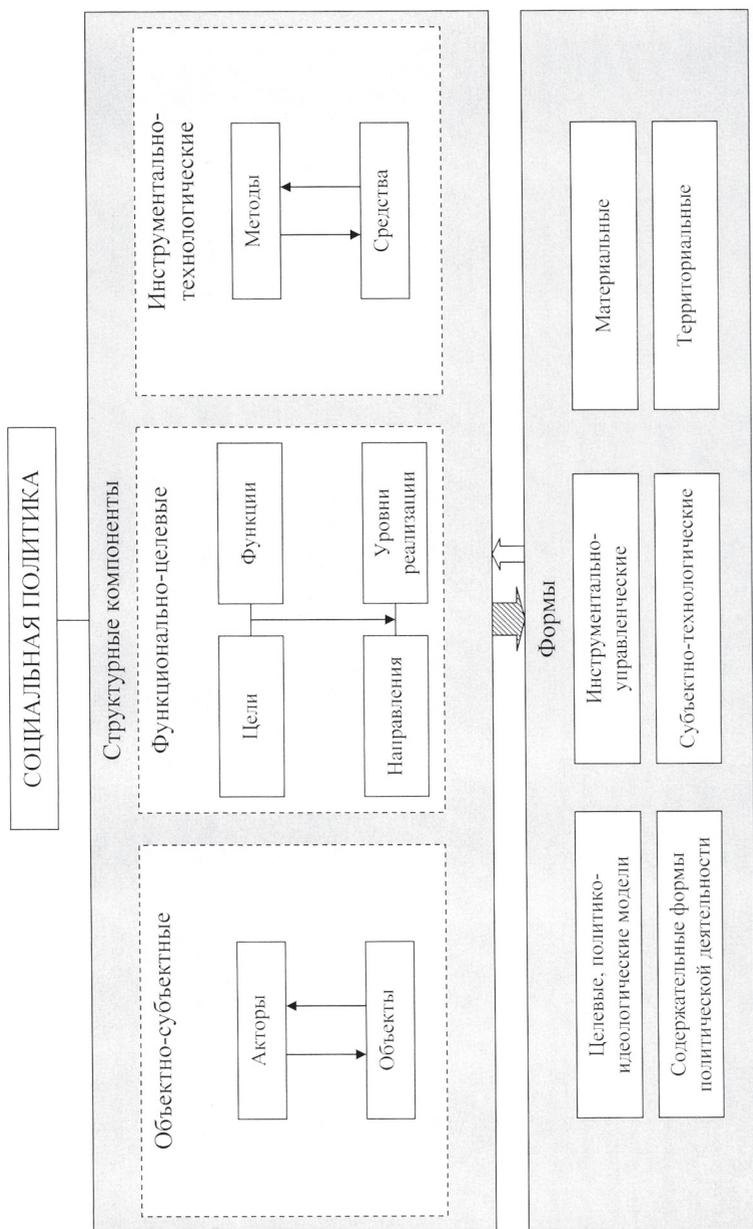

Рис. 2.1. Схема анализа трансформационных процессов социальной политики

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

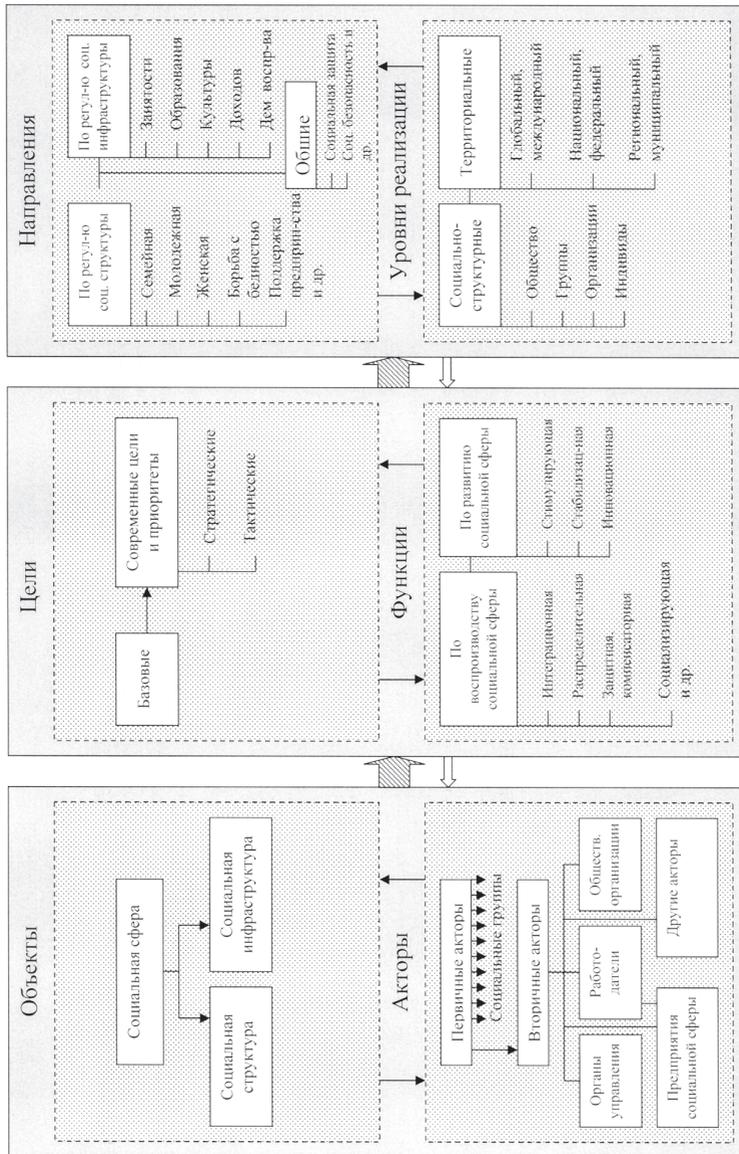

Рис. 3. Субъектно-объектные и функционально-целевые компоненты социальной политики

политикам в Европе в 2000-х гг., особенно явно в годы глобального экономического кризиса, но и изменения в балансе прав и обязанностей зарегистрированных безработных, с одной стороны, и государства и общества — с другой.

Благоприятным полем формирования практического опыта реализации активизационных политик в Европе стала социальная защита безработных. В частности, в 2000-х гг. активизационные политики стали предметом значительного политического и научного интереса к оказанию социальной помощи безработным по схеме «минимального дохода». Большинство исследователей пришли к заключению, что активизационные политики в схемах социальной помощи характеризуются определенной амбивалентностью. Однако несмотря на значительный интерес к активизационной политике, до настоящего времени не сформировалось ее единое понимание. В некоторых странах ЕС активизация сфокусирована на интеграции усилий в рамках узкой трактовки рынка труда, в других — рассматриваемое понятие используется в более широком смысле: как интеграционная политика, включающая в себя экономическую и социальную составляющие. В частности, в рамках широкого контекста некоторыми зарубежными исследователями (В. Ханеш, Н. Балстер и др.) активизационная политика (политики) понимается как «ряд политик/мер/инструментов, направленных на интегрированную социальную помощь безработным на рынке труда и улучшающих их экономическую и социальную инклюзию» [229, с. 6].

Мы также придерживаемся широкой трактовки **активизационной политики** как политики, направленной на развитие эффективных видов и форм, моделей и стратегий, сфер проявления активности социальных субъектов (акторов) рынка труда, оказывающих позитивное влияние на их социальное положение и развитие рынка труда как компоненты условий жизнедеятельности населения в территориальной общности. При таком понимании объектами активизационных политик становятся не только безработные, но и занятые, находящиеся в ситуации и/или состоянии социальной и экономической эксклюзии.

Системно-структурный анализ социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда предполагает исследование прежде всего ее структурных компонентов (субъектов и объектов, целей и функций, методов и средств и др.), а также их структурно-функциональных связей и пропорций в регулировании активности и их динамики.

Структурные компоненты активизационной политики. Как описано в п. 2.2, основными структурными компонентами социальной по-

литики как регулятора активности населения на рынке труда являются субъектно-объектная, функционально-целевая и инструментально-технологическая составляющие. Содержательная наполненность первых двух компонент отчасти отражена в понятии активизационной политики. Остановимся подробнее на анализе ее видов (направлений), отражающих ее цели и функции, а также на характеристике инструментально-технологической составляющей. На рисунке 2.3 показан один из вариантов представления активизационной политики на примере ее отдельных направлений, целей и технологий.

Можно выделить по крайней мере три основания классификации видов (направлений) активизационных политик.

Во-первых, *по воздействию на состояние и развитие рынка труда* активизационные политики могут быть направлены на формирование (регулирование) как предложения (ищущие работу, безработные), так и спроса на рынке труда (работодатели государственного и частного секторов экономики).

Во-вторых, *по воздействию на акторов рынка труда* социальная политика как регулятор активности населения на рынке труда включает в себя два основных направления: регулирование социального положения акторов (например, защита их социально-трудовых прав) и регулирование процессов их активности (поощрение инновационных стратегий, борьба с нелегальными формами активности). Учитывая высокую динамику таких процессов, эффективная социальная политика формируется прежде всего на основе управления процессами, а не их результатами (например, социально-экономическими неравенствами). Модель регулирования таких процессов можно описать следующим образом: 1) в качестве заданных переменных (на «входе») используются характеристики социально-экономического положения акторов рынка труда и их активности (набор видов и форм, сфер деятельности, стратегий различных групп); 2) *условиями и ограничениями* управления процессами выступают динамическое равновесие рынка труда как социально-экономической системы; имеющиеся ресурсы социальной политики, сферы социального управления, возможный объем выделяемых средств социального назначения; 3) конечным результатом управления (на «выходе») является положительная динамика использования эффективных стратегий, видов и форм активности на рынке труда, приводящие к улучшению социальных позиций акторов (в т. ч. максимальная вероятность их эффективной занятости). При достаточном уровне формализации можно построить математическую мо-

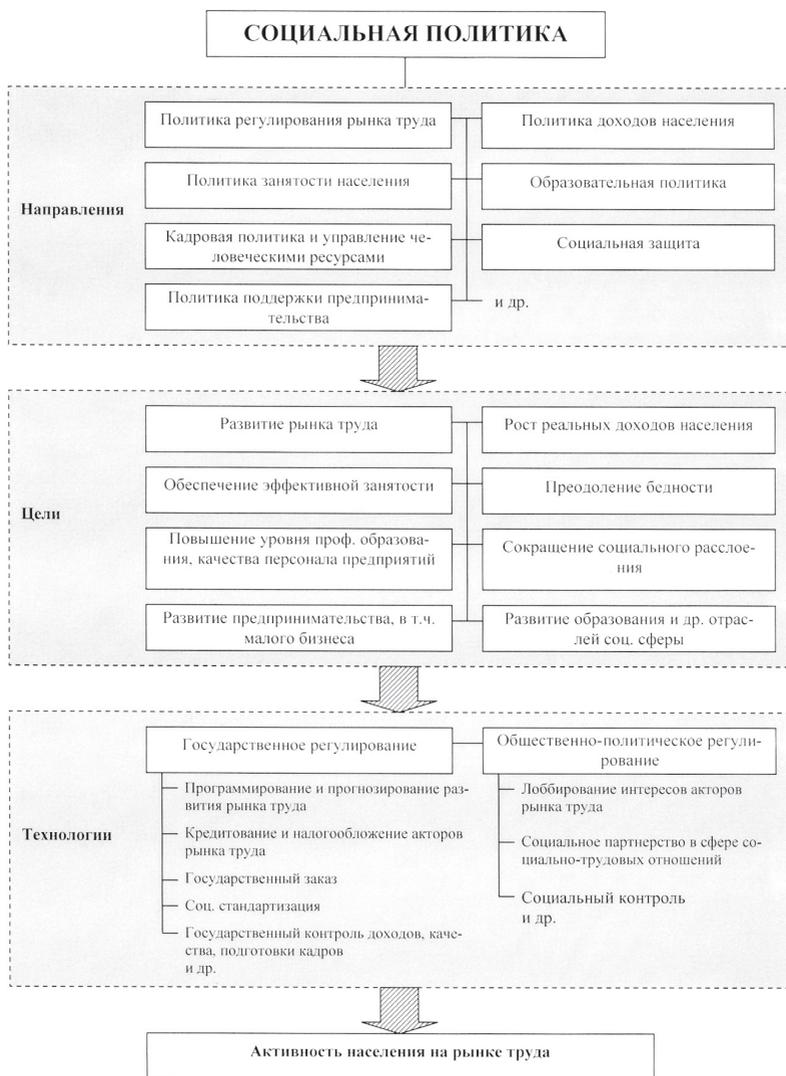

Рис. 2.3. Схема социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда

дель управления процессами социальной активности на рынке труда, позволяющую получать эффективные решения и поэтапно контролировать их реализацию.

В-третьих, *по вектору направленности ресурсов, их получателю* все мероприятия социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда можно разделить на три группы, способствующие: 1) улучшению социально-экономического положения отдельных индивидов и групп на рынке труда и процессов их активности (*прямые инвестиции*); 2) формированию институциональной и инфраструктурной составляющей рынка труда (*«косвенные» инвестиции первого уровня*, направленные на создание рабочих мест, развитие малого и среднего бизнеса, рыночной инфраструктуры и др.); 3) развитию институционально-структурных основ социальной политики (*«косвенные» инвестиции второго уровня*, связанные с совершенствованием законодательства и других «правил игры» в области регулирования рынком труда, законодательных и исполнительных органов власти, развитием общественных организаций и других негосударственных структур, воздействующих на ситуацию на рынке труда, и др.).

Инструментально-технологическая компонента социальной политики включает в себя комплекс принципов, технологий и средств ее реализации (см. п. 2.2). В социальной политике по регулированию активности на рынке труда используются как общеполитические (общеправленческие), так и собственно социально-политические *принципы*. К первым относятся сочетание стратегического и тактического управления процессами активности, координация в разработке и реализации социальных технологий различными субъектами социальной политики, комплексный, системный и дифференцированный подходы в решении проблем, возникающих на рынке труда, и др. Социально-политическими принципами являются информационная обеспеченность и учет интересов различных акторов рынка труда; социальная справедливость, заключающаяся в создании равноценных условий для различных социальных групп на рынке труда, в реализации их социально-трудовых прав, гуманизм в отношении неконкурентоспособных групп на рынке труда, и др.

Кроме общеполитических и общеправленческих технологий (в т. ч. мониторинг и прогнозирование процессов активности населения на рынке труда, их результатов и последствий), способами реализации активизационной политики являются социально-политические

технологии. Под *социально-политическими технологиями регулирования активности населения на рынке труда* понимается весь комплекс инновационных технологий социальной политики, позитивно воздействующих на социальную активность населения, его отдельных групп, процессы ее формирования и реализации. Социально-политические технологии регулирования активности как любые социальные технологии способствуют выявлению и использованию ее скрытых потенциалов в соответствии с целями социальной политики и социальными нормативами [76, 187], в нашем случае — в соответствии с целями и нормативами регулирования активности населения на рынке труда. При этом нам наиболее близко понимание социальной технологии, предложенной В. И. Патрушевым, который рассматривает ее как основу социального управления, систему инновационных способов и средств оптимизации социального управления и как явление социальной практики, как комплекс приемов, обеспечивающих достижение благоприятных условий жизни людей, их организованности, эффективного взаимодействия удовлетворения общественного интереса в той или иной степени соответствующего требованиям социального времени [187, с. 281, 285].

Система технологий регулирования активности населения на рынке труда включает в себя технологии, внедряемые и используемые в различных направлениях социальной политики различными ее субъектами и дифференцированные *по характеру воздействия на активность людей, взаимодействия акторов социальной политики и акторов рынка труда*, а также *по области применения и содержанию выполняемых задач*. Примерами технологий взаимодействия акторов рынка труда и акторов социальной политики являются такие известные формы социально-политической активности, как социальное партнерство, социальное страхование и социальный контроль.

По области применения и содержанию выполняемых функций и задач можно выделить три группы социальных технологий:

- 1) *технологии концептуального характера*, связанные с разработкой концептуальных оснований, в т. ч. стратегических целей и задач, приоритетов, принципов, программных положений социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда;
- 2) *диагностико-прогностические технологии*:
 - методы сбора, обработки и хранения информации о процессах социальной активности населения на рынке труда, форми-

- ровании и использовании социально-экономических и социально-политических сил человека, группы, общества¹;
- технологии диагностики ситуации на рынке труда, в т. ч. активности населения²;
 - методы трансформации результатов анализа в практические решения, т. е. социальной инженерии в сфере регулирования рассматриваемой активности;
 - технологии прогнозирования, моделирования и проектирования основных характеристик, отражающих состояние и динамику рассматриваемых процессов;
- 3) *оперативно-управленческие и информационные технологии:*
- технологии тактического и оперативного управления рассматриваемыми социальными процессами включая технологии организации, контроля и оценки эффективности системы управления и ее основных механизмов;
 - технологии информирования населения и субъектов управления о ситуации и перспективах изменений в процессах активности населения на рынке труда и механизмах их регулирования.

Возможны и другие варианты выделения технологий. Так, в 1997 г. Европейским Агентством Занятости было определено два технологических подхода к реализации активизационных политик: первый — основанный на стимулировании, второй — на санкциях. На этой основе в исследовании «Борьба против эксклюзии» 1998–1999 гг. выявлено три

¹ Примером таких технологий является мониторинг процессов активности населения на рынке труда. Эффективная организация такого мониторинга требует использования не только данных статистики, но и специальных социологических исследований. С 1990-х гг. мониторинг оценки экономической активности населения на рынке труда организован Росстатом на федеральном и региональном уровнях, однако число показателей весьма ограничено, более полная оценка получена по данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 г.

² Одна из наиболее значительных проблем в области диагностики процессов активности населения на рынке труда связана со значительными ограничениями возможностей имеющейся государственной и ведомственной статистической информации в изучении данных процессов. Доступные ученым и практикам технологии сбора и анализа информации не позволяют раскрыть подавляющего большинства механизмов социальной активности, в т. ч. в неформальной экономике, что ослабляет возможности полноценного диагностирования рассматриваемых процессов. Например, не учитываемая статистикой скрытая занятость составляла к началу 2000-х гг., по мнению экспертов, около 20–30%, на теневые доходы населения приходилось 40–60%. И хотя теневая составляющая кардинально сократилась за последнее десятилетие, она остается существенной и в настоящее время, о чем свидетельствуют масштабы нелегальной трудовой миграции.

различных стратегии взаимосвязи активных и пассивных политик: «Активизационная стратегия», «Бриджинг-стратегия» и стратегия «Пособие плюс ранняя реинтеграция» [348, с. 8]. Первые две стратегии тесно соприкасаются друг с другом:

- в *«активизационной стратегии»* программы разрабатываются для повышения активности безработных реципиентов (получающих пособие по безработице) в поиске работы и усиления их интеграции на рынке труда;
- в *«бриджинг-стратегии»* активизационные программы нацелены на погашение шока от возникающих на рынке труда ситуаций. В этом случае программы создают «мост» («бридж») временного пробела в занятости и условия для улучшения возможностей трудоустройства.

В отличие от первых двух стратегия «Пособие плюс ранняя реинтеграция» нацелена на как можно более быструю реинтеграцию (включение) безработных в сферу занятости, на деятельность, связанную со стимулированием и санкциями в еще большей степени, чем посредством активизационных программ регулирования рынка труда [229, с. 8].

Специфика реализации технологий связана с инструментальными возможностями развития отдельных направлений социальной политики. Средства активизационных политик многообразны (см. п. 2.2), последние могут формироваться на основе законодательных интервенций, финансовых стимуляторов, деятельности служб занятости и социальных служб (служб социальной помощи) и др.

Понятие социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда включает в себя не только ее воздействие на положение акторов рынка труда и процессов их активности, на развитие рынка труда, но и, что не менее важно, обратное воздействие процессов активности на социальную политику. Другими словами, **социальная политика является как механизмом формирования процессов активности населения на рынке труда, так и их производной, результирующей**, т. е. ее содержание, структурные компоненты меняются под воздействием таких процессов. Следовательно, анализ социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда предполагает рассмотрение отдельных форм ее взаимовлияния и взаимодействия с процессами активности населения.

Формы взаимодействия социальной политики и активности населения на рынке труда можно условно разделить на две группы: во-первых, те, что возникают в результате воздействия социальной политики

на социальную активность; во-вторых, напротив, — рассматриваемой активности на социальную политику. К первой группе относится *социальная адаптация* акторов рынка труда (см. п. 1.2) как реакция на преобразования в социально-экономической политике (изменения в законодательстве, реализация новых программ и др.). При этом адаптация может проявиться в изменении социально-экономических видов и стратегий активности (открытие либо закрытие собственного дела, смена места работы и др.) либо как социально-политическая реакция акторов рынка труда (например, лоббирование новых социально-экономических интересов, повышение социального контроля политических действий чиновников со стороны экономических акторов рынка труда).

Ко второй группе относится *реакция социальной политики* на происходящие изменения в характере социально-экономической и социально-политической активности населения на рынке труда (на увеличение скрытой занятости и теневых доходов, рост криминальных видов предпринимательства, протестного поведения и др.). Такая реакция проявляется в изменениях структурных и институциональных компонентов, их внутренних и внешних связей, прежде всего в приоритетах социальной политики, ее инструментально-технологической составляющей.

К интересующим нас формам взаимосвязи как первой, так и второй групп можно отнести социальное партнерство акторов рынка труда и субъектов социальной политики, иногда выполняющими обе функции одновременно (например, государство как работодатель, директор частного предприятия как актор социальной политики на данном предприятии и др.).

Результатами социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда являются характеристики социального положения людей на рынке труда (в т. ч. в реализации социально-трудовых прав), а также процессов активности. *Общая оценка социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда* включает в себя две составляющие: 1) оценку эффективности процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда, а также их результатов и последствий; 2) оценку эффективности формирования и реализации структурных и институциональных компонент социальной политики, их внутренних и внешних связей и динамики.

Для понимания характера, направленности трансформационных процессов ученые используют различные критерии *прогрессивности (или регрессивности) трансформации*. В качестве критериев прогрессивности

социальной трансформации ученые выделяют дифференциацию общества, масштабность социальных перемещений (Т. Парсонс), развитие общественных отношений (К. Маркс). В частности, Т. Парсонс предполагал, что критерии изменения прогрессивного характера, увеличивающие способности общества воплотить в жизнь те или иные ценности, воплощаются в дифференциации, т. е. в образовании новых классов, социальных групп [132; 134; 177, с. 57].

Эффективность процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда можно оценить по критерию социальной прогрессивности, перспективности изменения:

- во-первых, самой активности и ее структурных компонентов (состава акторов, видов и форм, сфер, моделей и стратегий активности), в т. ч. по степени их инновационности, конструктивности, свободы проявления, реализации принципа социальной справедливости в изменениях и т. д. Так, конструктивность и инновационность рассматриваемых процессов трансформации связаны с позитивной динамикой конструктивных и инновационных видов и форм, стратегий активности и, напротив, сокращением деструктивных аналогов и негативных последствий активности;
- во-вторых, социального положения акторов рынка труда и социальной структуры общества в целом. О прогрессивности изменений в социальном положении акторов рынка труда и социальной структуры общества свидетельствуют прежде всего объективные характеристики: сокращение глубины и масштабов (ситуаций) социальных эксклюзий в сфере социально-трудовых отношений, сокращение уровня бедности, неоправданных социальных различий в российском обществе, рост численности среднего класса и др. Кроме того, необходимо учитывать также оценки экспертов и субъективные оценки удовлетворенности населения своим социальным положением и своих перспектив.

Эффективность социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда можно оценить по объективным структурно-институциональным характеристикам *деятельности акторов социальной политики* (государственных и негосударственных структур), в т. ч. по прогрессивности и перспективности изменения: 1) *структурных компонентов социальной политики* (субъектов и объектов, целей и функций, принципов, направлений и уровней реализации, технологий и средств) и ее форм по созданию социально-экономических и социально-политических условий развития инновационных и других эффек-

тивных процессов и технологий активности населения на рынке труда; 2) *институциональных компонентов социальной политики*, в т. ч. по развитию законодательства, институтов гражданского общества и др.; 3) *внутренних и внешних связей социальной политики*. Важно также учитывать субъективные оценки населения, в т. ч. степени их удовлетворенности деятельностью органов государственного социального управления, авторитетность государственных структур, оценку барьеров со стороны органов государственного управления.

Социальная политика как производная процессов активности на рынке труда предполагает выполнение следующих условий: 1) *функционально-целевая компонента*, а также формы ее проявления (политико-идеологические модели) отражают реальные проблемы, связанные с положением акторов на рынке труда, их интересами, особенностями активности (видами и формами, моделями и стратегиями) и взаимодействия; 2) *инструментально-технологическая компонента* содержит механизмы решения указанных выше проблем, причем объем и направления выделения финансовых ресурсов для решения конкретной проблемы соответствуют степени остроты проблемы; 3) *субъектно-объектная и институциональная компоненты* (организационно-функциональная структура акторов социальной политики, их положение, интересы и деятельность, выработанные «правила игры» на рынке труда и др.) отражают интересы акторов рынка труда, процессы их активности, учитывают ответную реакцию последних на социально-политические воздействия.

Кроме того, одной из задач социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда является *регулирование структурных и функциональных взаимосвязей, минимизация деформаций сложившихся пропорций*. Результаты структурных и функциональных взаимосвязей компонентов социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда могут проявляться в пропорциях между: расходами на различные социальные программы и мероприятия (например, расходами на активные и пассивные политики занятости); различными источниками формирования государственных бюджетных и внебюджетных статей доходов, направляемых на регулирование рынка труда, в т. ч. между объемами налогообложения физических и юридических лиц; доходами различных акторов рынка труда (наемных работников, работодателей, самозанятых, безработных), различными видами доходов, в т. ч. между трудовыми и предпринимательскими доходами, с одной стороны, и социальными трансфертами безработным и неконкурентоспособным группам — с другой; объемами государственных минимальных со-

циальных гарантий в социально-трудовой сфере и сфере занятости, в т. ч. между минимальными размерами оплаты труда и социальных пособий безработным и бюджетом прожиточного минимума соответствующих категорий населения; объемами затрат государства и других субъектов социальной политики на развитие рынка труда, улучшение положения его акторов, и минимально необходимыми потребностями в них, а также ряд других пропорций.

В результате учета множества характеристик однозначную оценку направленности трансформационных процессов получить практически невозможно. В целом эффективность социальной политики означает превалирование позитивных результатов регулирования рассматриваемых социальных процессов над негативными.

Подходы, критерии и показатели эффективности социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда.

Можно выделить, по крайней мере, *три подхода к оценке результативности, эффективности социальной политики* на основе: 1) *экономической эффективности* реализуемых программ и мероприятий, рассматриваемой как соотношение затрат (финансовых, кадровых, материальных, информационных и других ресурсов) и результатов; 2) *социальной эффективности*, а именно *реализации принципа социальной справедливости* как: соотношения социальной роли и социального положения индивида, группы, их прав и обязанностей, деятельности и оценки ее результатов; создания равных возможностей в реализации человеческого потенциала; 3) *социально-политической эффективности* как возможности реализации интересов различных социально-политических групп, как соотношения целей, осуществляемых в государственном управлении, с целями, которые объективно определены общественными запросами.

Результаты социальной политики можно оценить по следующим *критериям и показателям*: а) *по степени выполнения функций, достижения поставленных целей* путем их многоуровневой операционализации (построения «дерева целей») до конкретных эмпирических индикаторов и сравнения фактических значений последних с нормативными (или плановыми показателями); б) *на основе субъективных оценок* социальной политики населением, предпринимателями, руководителями федеральных, региональных и местных органов управления (полученных путем проведения опросов населения, клиентов государственных и негосударственных центров занятости, экспертов); в) *по частным статистическим показателям* эффективности. К частным показателям оценки экономической эффективности социальной политики как регулятора активности населения

на рынке труда можно отнести соотношение расходов на создание и развитие рабочих мест, повышение качества рабочей силы и результатов этих мероприятий, например, в виде прироста вновь созданной части валового продукта (за вычетом материальных затрат), налоговых поступлений в государственный и местный бюджеты, внебюджетные фонды. На уровне предприятия эффективность использования рабочей силы можно оценить как соотношение затрат на рабочую силу и чистого продукта.

При комплексной оценке эффективности социальной политики на основе экономического подхода существуют значительные объективные ограничения его использования в период общественных трансформаций.

Во-первых, важно учитывать временной лаг между осуществлением затрат на проведение социальной политики и получением результата. В период социализации население является в основном потребителем (не производителем) ресурсов. По мере перехода в категорию экономически активного населения нетто-затраты на проведение социальной политики снижаются. С этого момента общество получает нарастающий экономический эффект от реализуемой политики (связанный с участием населения в экономике, поступлениями подоходного и других налогов в государственный и местный бюджеты, внебюджетные фонды). Но затем по мере выхода из категории экономически активного возраста (в предпенсионный и пенсионный периоды) затраты социальной политики опять возрастают вследствие болезней, производственного травматизма работников, их выхода на пенсию.

Во-вторых, ряд направлений социальной политики является заведомо неэффективным с позиции экономических затрат и результатов. К таким направлениям относится организация занятости тех слоев общества, результаты экономической деятельности которых (в силу возрастных или медицинских параметров) не превышают совокупные затраты на реализацию рабочих мест. Однако уровнем социальной защищенности именно таких членов общества оценивается справедливость его устройства. Следовательно, в качестве подходов к оценке результативности регулирования социально-экономической активности на рынке труда необходимо рассматривать не только экономическую эффективность, но и социальную справедливость.

Социальный эффект регулирования активности россиян на рынке труда связан с реализацией социальной справедливости общественного устройства как основного принципа социальной политики. В последние два десятилетия в российском обществе под социальной справедливостью понимается создание равных возможностей всех людей в обеспече-

нии достойных условий их жизни, в реализации человеческого потенциала. По Дж. Ролзу, «честное равенство возможностей» в экономике представляет собой реализацию двух принципов справедливости: 1) *принципа возмещения* (как компенсации незаслуженного неравенства происхождения и природного дарования), принципа наибольшей равной свободы и 2) *принципа различия*, позволяющего пользоваться незаслуженными неравенствами «только на тех условиях, что улучшат ситуацию тех, кому не сопутствовала удача» [155, с. 97–98]. Социальная политика призвана создавать, с одной стороны, предпосылки для равенства возможностей всех групп населения в реализации стратегий их активности на рынке труда, с другой — условия для развития инновационных, эффективных стратегий активности. Принцип различия делает усилия социальной политики экономически эффективными, а принцип возмещения способствует росту социального благосостояния всех индивидов и общественных групп.

На основе социальных критериев все мероприятия, направленные на реализацию конструктивных, инновационных стратегий активности населения на рынке труда, являются эффективными, поскольку создают условия для повышения качества рабочей силы, способствуют ее вступлению или возвращению в сферу занятости, поддерживают доходы безработных и др. О социальной эффективности политики регулирования активности населения на рынке труда можно судить на основании следующих характеристик и частных показателей уровня и динамики:

- *занятости населения и безработицы, качества персонала и рабочих мест предприятий*, в т. ч. показателей отношения работников к труду, текучести кадров, роста производительности труда, скрытой занятости и безработицы и др.;
- *реализации прав населения в социально-трудовой сфере*, в т. ч. права на труд (в соответствии со здоровьем, полученной специальностью), на получение равных возможностей в реализации образовательного и трудового потенциала;
- *соотношения средств, затраченных непосредственно на трудоустройство безработных, повышение уровня их конкурентоспособности на рынке труда, создание, улучшение качества и эффективности рабочих мест* (мероприятия активной политики занятости, поддержки малого бизнеса и др.), *и общей совокупности затрат на формирование и реализацию мероприятий политики по регулированию рынка труда и активности населения* (включающих в себя административные затраты, в т. ч. на содержание службы

занятости); соотношения затрат на пассивные и активные политики занятости;

- *использования эффективных социальных технологий регулирования активности на рынке труда* (социального партнерства, лоббирования, социального страхования, социального контроля и др.) и *результатов их реализации*, снижения противоречий во взаимоотношениях основных субъектов социальной политики — государства, работодателей и профсоюзов. В условиях дефицита ресурсов важно определить те направления и технологии социальной политики, которые позволяют оказать содействие с наименьшими затратами максимально возможному числу нуждающихся в трудоустройстве или в других формах поддержки активности на рынке труда. Важным показателем в этом случае является, например, доля безработных, снятых службой занятости с учета (по всем основаниям), в общей численности безработных.

К показателям социальной эффективности политики регулирования активности населения на рынке труда относятся также показатели динамики реальной заработной платы и реальных доходов, дифференциации доходов руководителей и рядовых работников предприятий, работников различных отраслей и регионов; удельного веса доходов от заработной платы в структуре совокупных доходов населения, затрат на рабочую силу в общей совокупности затрат предприятия на производство продукции; доступности высшего образования, уровня и динамики занятых в малом бизнесе, заключения и выполнения коллективных договоров на предприятиях, забастовок и других форм протестного поведения и т. д.

В социально-политическом отношении эффективная социальная политика должна быть прежде всего непротиворечивой относительно: во-первых, декларирования и реализации содержания функционально-целевой составляющей; во-вторых, содержания функционально-целевой и инструментально-технологической компонент (целеполагания и целеосуществления); в-третьих, реальной потребности и фактического состояния инструментально-технологической составляющей. В результате возможны следующие диссонансы, диспропорции в социальной политике как регуляторе активности населения на рынке труда: а) цель и мероприятия социальной политики не отражают процессы активности и их трансформации; б) реализуемая модель социальной политики не соответствует интересам акторов рынка труда, процессам их активности и в целом объективной ситуации на рынке труда; в) дисфункции в целях, приоритетах, с одной стороны, и технологиях и средствах

их реализации — с другой (например, цели и приоритеты перекладываются на региональный и муниципальный уровень, а соответствующие средства не выделяются).

На уровне региона для оценки эффективности социальной политики целесообразно также учитывать изменение социально-экономического, социально-политического и социокультурного потенциалов региона, в т. ч. уровня жизни и условий жизнедеятельности населения региона, его наименее защищенных социальных групп, динамики развития малого и среднего предпринимательства, рыночной инфраструктуры, конфликтности региона; социально-экономические, социально-политические и социально-психологические аспекты регулирования активности населения на рынке труда, изменение социального настроения его акторов и социальной напряженности на рынке труда региона; особенности воздействия внешней среды (Центра) на регион как социально-территориальную общность. Так, экономический эффект социальной политики в регионах во многом зависит от ценовой, налоговой и инвестиционной политик федерального уровня. Например, вследствие налоговой политики, а точнее — неизъятия ренты с предприятий, добывающих уникальные природные ресурсы, социальная политика в агропромышленных регионах оказалась менее эффективной в сравнении с сырьевыми регионами.

Результативность решения проблем активности населения на рынке труда, проживающего в проблемных территориальных общностях (регионах, поселениях), будет означать не столько приближение отсталых территорий к лидерам, сколько рост числа территорий с позитивной динамикой процессов активности населения и его социально-экономического положения на рынке труда.

В целом *совокупный социальный, экономический и политический эффект социальной политики как механизма регулирования активности на рынке труда* определяется *результатами* двоякого рода — *процессами рассматриваемой активности* (эффективность используемых видов и форм, моделей и стратегий и др.) и *социальным положением населения на рынке труда* (степень удовлетворенности акторов своим положением, уровень их социальной защищенности, качество рабочих мест и т. д.). Развитие цивилизованных рыночных отношений способствует росту эффективности процессов социально-экономической и социально-политической активности. Однако необходимо учитывать, что чрезмерное повышение такой активности может привести к росту негативных социально-экономических и социально-психологических последствий.

* * *

Подводя итог проведенного выше анализа теоретических основ изучения социальной политики как регулятора социальной активности населения на рынке труда, отметим, во-первых, что такая политика представляет собой активизационную политику, связанную с развитием эффективных структурных компонентов рассматриваемой активности. Во-вторых, проведенный системно-структурный и институциональный анализ социальной политики позволил нам выделить ее структурно-функциональные компоненты, связи и пропорции по отношению к регулированию социальной активности на рынке труда и рассмотреть ее с двух позиций: как формирующую процессы активности и как их производную. Выделены: а) три группы направлений такой политики: по воздействию на состояние и развитие рынка труда, по характеру влияния на акторов рынка труда и по направленности ресурсов и их получателю; б) социальные технологии концептуального характера, диагностико-прогностические, организационно-управленческие и информационные; в) формы и структурно-функциональные результаты взаимодействий социальной политики и активности населения на рынке труда. В-третьих, особое внимание в работе уделено общей оценке результативности социальной политики в отношении изменения процессов социальной активности на рынке труда, а также структурных и институциональных компонент самой политики. Выделены подходы, критерии и показатели эффективности социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда.

Полученная на основе системно-структурного и институционального анализа теоретическая модель социальной политики как регулятора социальной активности населения на рынке труда позволяет, на наш взгляд, комплексно и системно раскрыть современные тенденции и особенности регулирования активности населения на рынке труда, выделить основные направления и технологии активизационной политики, выявить ее структурно-институциональные проблемы и оценить эффективность. В конечном счете это дает возможность разработки концептуальных положений социальной политики и прогнозных оценок. Результаты апробации теоретической модели социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда на примере России и ее проблемных территориальных общностей (села и регионов Сибири) описаны в пунктах. 5.2–5.3 монографии.

Таким образом, в социологической науке отсутствует достаточно полное и системное представление о процессах, механизмах и социальных

последствиях трансформации социальной активности россиян на рынке труда, в т. ч. об особенностях активности и процессах ее трансформации в условиях проблемных территориальных общностей, о современных проблемах и возможностях, технологиях и направлениях социальной политики по эффективному регулированию процессов активности. Отсутствие таких знаний делает невозможным достоверное прогнозирование динамики социальной структуры, перспектив решения важнейших социальных проблем и проведение эффективной социально-экономической политики.

В целом для решения поставленных задач выделим следующие **теоретико-методологические подходы к анализу трансформации социальной активности населения на рынке труда**. Мы опираемся на два основных методологических подхода, на основании которых определены положения, критерии и характеристики анализа трансформации рассматриваемой активности:

1 — *деятельностно-активистский* (или деятельностно-субъектный), акцентирующий внимание на анализе структурных компонентов активности (структуре акторов, видов и форм, сфер, моделей и стратегий), ее факторов и механизмов формирования;

2 — *трансформационный*. При реализации данного подхода предполагается использовать следующие важнейшие его аспекты или варианты: а) *социальный пространственно-временной*; б) *социоструктурный*; в) *институциональный*. Последний позволяет, в частности, анализировать институты формирования и реализации активности социальных субъектов на рынке труда и институты социальной политики, их взаимовлияние.

На этой основе можно разработать специфические подходы, критерии и характеристики выделения тенденций и механизмов трансформации социальной активности россиян на рынке труда в годы реформ. Совместное применение указанных методологических подходов дает возможность, во-первых, комплексно и системно анализировать социальную активность населения на рынке труда, процессы и механизмы ее трансформации и, во-вторых, более точно прогнозировать ситуацию на рынке труда и тенденции в изменении активности.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ И МЕХАНИЗМОВ ТРАНСФОРМАЦИИ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

3.1. Логика, этапы и методические особенности исследования процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда

Общая логика изучения трансформационных процессов и механизмов активности населения на рынке труда достаточно проста (рис. 3.1). Суть ее сводится к изучению характера динамики стратегий, видов и форм рассматриваемой активности населения и его социальных групп в период социальной трансформации российского общества, а также факторов и механизмов, их определяющих. Среди последних — главным образом характеристики социально-экономического положения различных групп населения, условий их жизнедеятельности в территориальной общности, в первую очередь ситуации на рынке труда, и социальной политики.

Логика изучения процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда включает в себя *пять основных этапов*: 1) изучение трансформационных процессов рассматриваемой активности, определение тенденций трансформации; 2) общий анализ макро- и микрофакторов активности; 3) оценка характеристик социально-экономического положения населения на рынке труда (доходов, социальных эксклюзий и других), особенностей его воздействия на активность; 4) оценка социально-экономических сил российского общества, его групп,

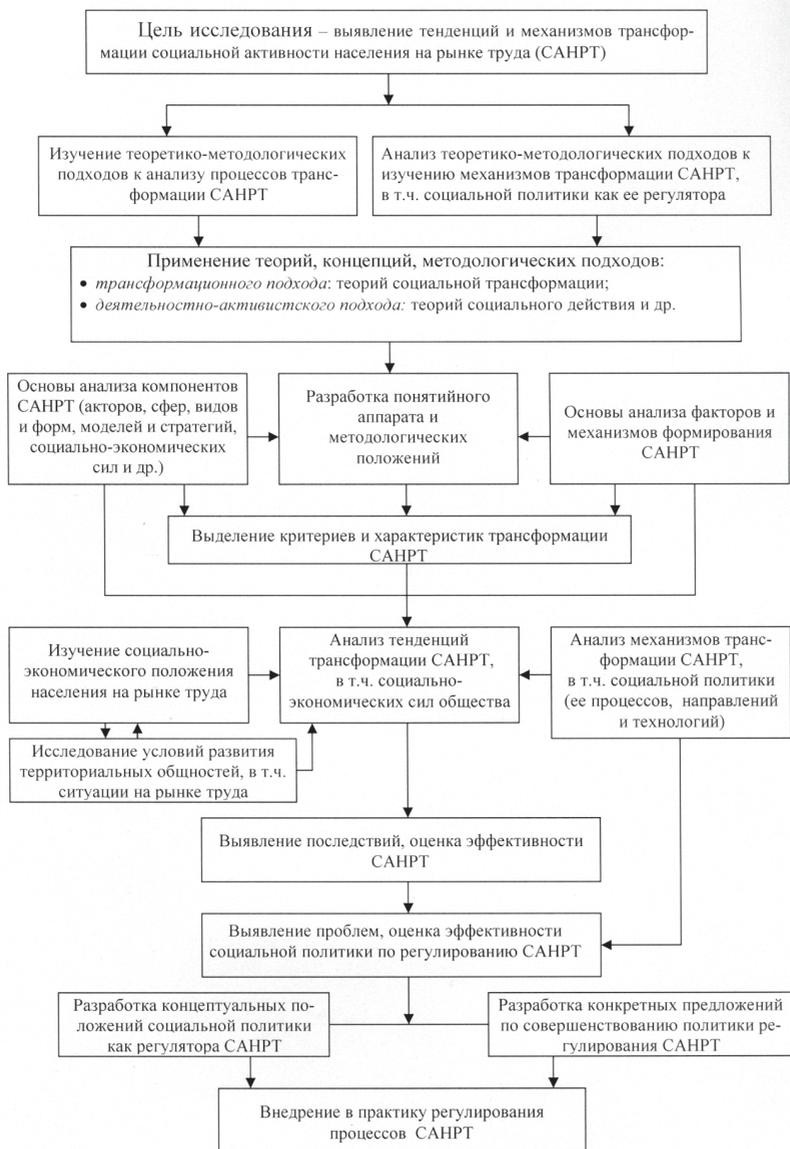

Рис. 3.1. Логическая схема исследования процессов и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда

организаций и индивидов как потенциала социально-экономической активности; 5) анализ процессов трансформации, особенностей, проблем и перспектив социальной политики как регулятора активности россиян на рынке труда, изучение социально-политической активности работодателей одновременно как акторов рынка труда и социальной политики. В результате первых трех этапов предполагается выделить социальные группы, требующие реализации дифференцированного подхода к решению проблемы повышения активности. По результатам всех пяти этапов будет сделана попытка выявить особенности и направления регулирования активности населения на рынке труда. В качестве практического приложения результатов исследования предполагается разработать рекомендации в области социальной политики по повышению активности населения на рынке труда.

Методическую основу исследования трансформационных процессов активности населения на рынке труда в годы рыночных реформ составляет ряд частных методик. К ним относятся, во-первых, разработанные автором методики: дифференцированного анализа локальных рынков труда, выявления локальных очагов низкой социально-экономической активности, безработицы (1995 г.); диагностики жизненного пространства в регионе социального и экологического неблагополучия (1993 г.); оценки трансформации социально-экономического положения работников предприятий в период реформирования, в частности, в период массовой приватизации и постприватизационный период (1996, 2001 гг.); анализа факторов и механизмов формирования активности населения на рынке труда (2001–2003 гг.); выявления эксклюзивов на рынке труда (2003 г.); оценки взаимосвязи социально-экономической активности населения и социальных эксклюзий на рынке труда (2003 г.). Другую группу образуют методики, разработанные творческим коллективом под руководством автора, в т. ч. методики изучения социального положения, интересов и стратегий поведения населения проблемного региона в сфере доходов и занятости в трансформирующемся обществе (2001 г.), поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда (2002–2003 гг.).

Поскольку данные методики подробно представлены в указанных работах, не будем останавливаться подробно на их описании и рассмотрим лишь наиболее важные, на наш взгляд, методические императивы исследования, позволяющие целостно оценить происходящие трансформационные процессы активности россиян на рынке труда.

Теоретическую схему исследования можно представить в виде четырех блоков и возникающих между ними связей (рис. 3.2). Центральным

блоком является «Активность населения на рынке труда». Развернутая структура изучения активности представлена на рисунке 3.3. Она образована четырьмя взаимосвязанными между собой блоками: 1 — «Акторы рынка труда» (в данном случае выделены акторы, различающиеся статусом занятости); 2 — «Виды и формы активности» (акцент в схеме сделан, о чем будет дополнительно сказано ниже, во-первых, на степени активности и, во-вторых, на ее инновационности и конструктивности); 3 — «Сферы активности» (имеются в виду прежде всего секторы и отрасли экономики); 4 — «Стратегии активности» (в схеме выделены отдельные, наиболее распространенные стратегии двух основных форм активности — социально-экономической и социально-политической).

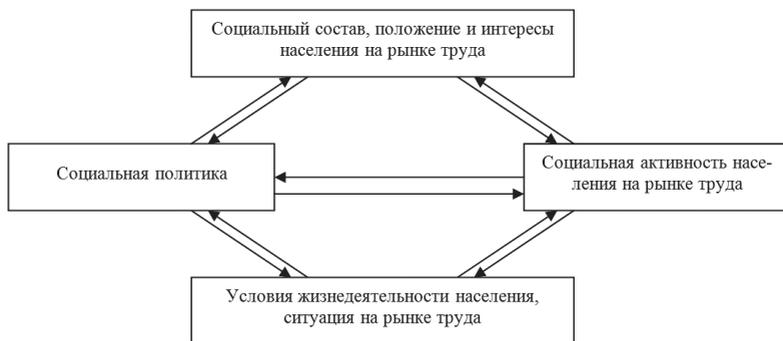

Рис. 3.2. Общая схема исследования процессов и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда

Остальные три блока теоретической схемы (рис. 3.2): «Социальный состав, положение и интересы населения на рынке труда», «Условия жизнедеятельности населения, ситуация на рынке труда» и «Социальная политика» — рассматриваются прежде всего как факторы активности населения на рынке труда (см. п. 2.1), но и с некоторыми ограничениями — как результаты. В частности, на наш взгляд, активность населения на рынке труда оказывает чуть более слабое влияние на положение людей и условия их жизнедеятельности в территориальной общности (обратные связи) и заметно меньшее влияние на социальную политику в сравнении с их воздействием на активность (прямые связи). В работе рассмотрены преимущественно прямые связи.

Методические особенности исследования трансформационных процессов активности населения на рынке труда и выделения их ос-

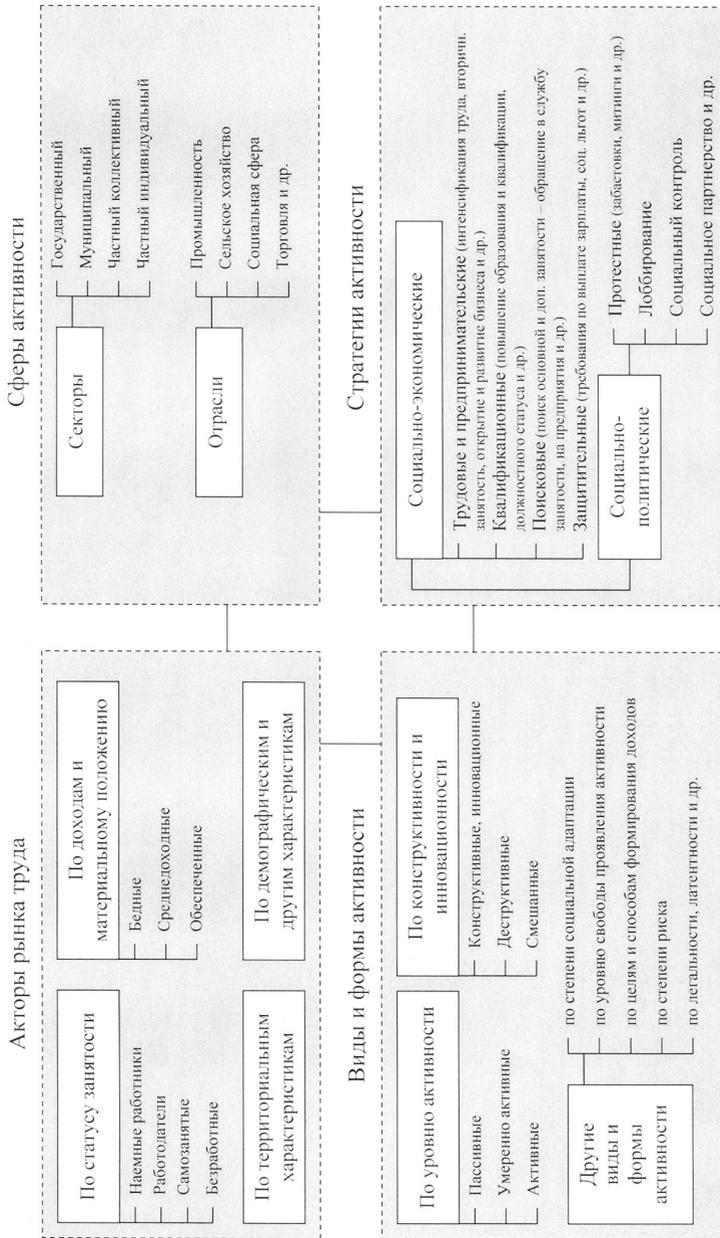

Рис. 3.3. Схема исследования структуры и процессов социальной активности населения на рынке труда

новых тенденций определяются выбранными нами методологическими подходами (деятельностно-активистским, социоструктурным и трансформационным).

Во-первых, в рамках *деятельностно-активистского (деятельностно-субъектного) подхода* для исследования указанных процессов использованы **количественные и качественные характеристики структурных компонентов** рассматриваемой **социальной активности**, т. е. характеристики ее видов и форм, сфер приложения, моделей и стратегий (см. п. 1.2). Среди количественных характеристик использованы масштаб и уровень активности, степень и период распространенности и популярности ее видов и форм, стратегий; среди качественных — ее конструктивность, инновационность, легальность, свобода проявления; субъективная оценка удовлетворенности потребностей людей в активности и ее результатах.

Кроме того, в исследовании используются также такие качественные характеристики активности, как: 1) статус территориальной общности как места реализации активности (поселенческая общность (город, село) и разные типы регионов), благополучие условий жизнедеятельности населения в такой общности. *Критериями неблагополучия* условий жизнедеятельности населения являются негативные оценки набора характеристик качества (благополучия) жизненной среды, отражающих по сути неспособность территориальных групп населения, проживающих в этих условиях, самостоятельно решать сложившиеся социальные проблемы (в нашем случае, например, реализовывать модель инновационных, конструктивных стратегий активности на рынке труда) без внешней поддержки, соответствующей социальной политики.

В работе прежде всего рассматриваются два типа территориальных общностей, отличающихся неблагополучными условиями жизнедеятельности населениями. К первому типу отнесены проблемные регионы, характеризующиеся набором показателей неблагополучия. К таким регионам в годы рыночных реформ относилась Сибирь как уникальное социально-территориальное образование, богатое природными ресурсами, обладающее высоким качеством человеческого потенциала, инновационностью, но при этом характеризующееся низкими уровнем и качеством жизни и, как следствие, большей концентрацией угроз социальной безопасности и риска их возникновения. Это свидетельствует об актуальности такого исследования в Сибири, поскольку невнимание к концентрации угроз в отдельных регионах может привести к эффекту их распространения на страну и мировое сообщество.

Проблемные, неблагополучные в социально-экономическом отношении регионы представляют особый интерес для исследователей. Они в значительной степени определяют негативные проявления в развитии социальной сферы страны в целом, появление очагов социальной напряженности. Кроме того, в проблемных регионах наиболее контрастно проявляются противоречия, яснее видны источники и причины противоречий и способы их разрешения. По отношению к регионам такого типа проводится особая государственная политика с выделением значительного объема социальных трансфертов на поддержку социально-экономического развития. Причем в условиях социальной трансформации общества особое внимание привлекают агропромышленные регионы Сибири, оказавшиеся в неблагополучной ситуации в годы реформ (Алтайский край, Республика Алтай и др.)

Ко второму типу территориальных общностей, отличающихся неблагополучием условий жизнедеятельности населения в годы реформ, концентрацией проблем бедности и безработицы, отнесено село (сельская местность), рассматриваемое как особая территориальная общность (как региональная, так и поселенческая) с исторически сложившимися и особенно усиленными в период трансформации российского общества характеристиками неблагополучия жизненного пространства.

Во-вторых, спецификой реализации деятельностно-субъектного и социоструктурного подхода в данной работе является также **многоуровневый и дифференцированный социологический анализ** социальной активности. Активность населения на рынке труда рассматривается на *трех уровнях*: индивидуальном, групповом и социетальном (на уровне общества), причем основное внимание уделяется анализу активности социальных групп. В рамках *социоструктурного варианта трансформационного подхода* характерной чертой исследования процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда является *дифференцированный анализ*. Такой подход позволяет оценить масштабы и характер различий в социальном положении, интересах, мотивации и активности разных социальных групп населения как акторов рынка труда, процессы их адаптации к новым условиям, выделить лидеров и аутсайдеров (наиболее депривированные группы) в процессах трансформации активности.

Для дифференцированного анализа особенностей активности населения на рынке труда в работе использованы *три подхода*.

- 1) *все стратегии активности разделены по степени ее проявления на наиболее активные, умеренной активности и пассивные;*

- 2) в зависимости от характера воздействия на рынок труда выделено три модели (типа) активности населения: а) модель конструктивных, инновационных стратегий поведения, приводящих к прогрессивным изменениям на рынке труда; б) модель деструктивных, разрушительных стратегий, формирующих негативные изменения на рынке труда; в) модель смешанных стратегий, оказывающих неоднозначное влияние на рынок труда¹;
- 3) проведен дифференцированный анализ активности различных социальных групп, различающихся своим положением на рынке труда. С этой целью в работе выделены группы населения (в экономически активном возрасте), различающиеся статусом занятости (наемные работники, самозанятые, работодатели и безработные), профессионально-квалификационными, демографическими и территориальными характеристиками, доходами и материальным положением.

Кроме того, в отдельных группах населения проведен дифференцированный анализ их социально-экономического состава и положения по другим основаниям. Так, особенностью исследования является анализ **социальной эксклюзии** на российском рынке труда как фактора и результата социально-экономической и социально-политической активности населения. Изучение социальной эксклюзии является методологически важной компонентой анализа процессов социальной трансформации общества, поскольку, по словам Н. Лумана, **«преобладающими являются не отношения иерархии, а отношения включения и исключения (выделено — А. С.), ...это относится не к стратификации, а к функциональной дифференциации»** [187, с. 132].

Мы разделяем точку зрения Ф.М. Бородкина, З.И. Калугиной и других авторов на понимание сути данного феномена [23, 142, 167, 182]. При анализе социальной эксклюзии различают понятия процесса, ситуации и состояния. Под *ситуацией социальной эксклюзии на рынке труда* понимается трудная жизненная ситуация индивида или группы, связанная с нарушением социальных прав личности, соблюдение которых гарантировано нормативно-правовыми (международными, национальными и местными) актами, регулирующими отношения, возникающие

¹ Заметим, что характер, результативность реализации отдельных стратегий экономической активности в отношении их влияния на развитие рынка труда и на положение его акторов могут кардинально различаться. Так, вполне конструктивными с позиции отдельных акторов могут являться трудоустройство на рабочие места более низкой квалификации, переход на различные формы неполной занятости.

на рынке труда. *Состояние социальной эксклюзии* — результат рефлексии, осознания ситуации, оно всегда субъективно и в значительной степени определяется психологическим состоянием индивида. *Процесс социальной эксклюзии* рассматривается как последовательность состояний, стадий, уровней, глубины, интенсивности относительной социальной депривированности, или как последовательность обстоятельств, переводящих индивида или группу индивидов из нормального состояния в состояние социальной эксклюзии².

Несмотря на близость с более широко применяемыми и хорошо разработанными категориями депривации и лишения, мы намеренно применили в работе понятие социальной эксклюзии, активно используемое прежде всего западными исследователями. Во-первых, оно шире, поскольку учитывает не только абсолютные и относительные проявления депривации, но и неохватываемые (либо частично охватываемые) последней культурно-этнические, экономические и иные аспекты положения и жизнедеятельности людей. В частности, в процессе анализа социальная эксклюзия сильнее связывает понятия бедности и занятости. Во-вторых, особое значение имеет практический аспект концепции социальной эксклюзии, заключающийся в большем внимании проблемам социальной справедливости (в исследовании выделяются вопросы конкретного содержания и объема социальных неравенств, сложившихся между различными группами) и в формировании механизмов обнаружения нарушения социальных прав, их восстановления и защиты.

Анализ социальной эксклюзии позволяет выделить особую социальную группу *жертв эксклюзии или*, другими словами, *эксключантов*, оказавшихся одновременно в ситуации и состоянии эксклюзии. К последним, на наш взгляд, относятся лица, находящиеся в состоянии либо напряжения («напряженные» эксключанты), либо апатии, равнодушия ко всему («равнодушные» эксключанты).

Для характеристики эксключантов (безработных, бедных и других социально уязвимых, слабозащищенных, неконкурентоспособных слоев общества, чьи права на рынке труда нарушаются, ущемляются) в их составе выделено три группы: постоянные эксключанты (постоянно находящиеся в рассматриваемый период в ситуации социальной эксклюзии), новые и бывшие эксключанты. Это позволило выявить факторы и меха-

² Данные понятия разработаны автором совместно с Л.В. Родионовой, З.И. Калугиной и О.П. Фадеевой в ходе реализации коллективного проекта «Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда» по Программе НИСП «Социальная политика: реалии XXI века» [167, с. 160–196; 180].

низмы формирования и преодоления социальной эксклюзии на рынке труда, выигрышные и проигрышные стратегии активности.

Для комплексной оценки масштабов и глубины бедности как одной из форм социальной эксклюзии в работе использовано несколько различных подходов на основе: 1) самооценки материального положения семьи по качественным признакам (к категориям бедных относятся сельские жители, которые считают, что им «средств хватает только на питание» или что они «еле сводят концы с концами, практически голодают», причем последняя — наиболее неблагоприятная группа — отражает крайнюю бедность); 2) шкально-балльной (от 1 до 5 баллов) самооценки материального положения семьи (выделяются категории бедных, чье материальное положение ниже среднего уровня, имеет оценку 1–2 балла); 3) самооценки совокупных доходов семьи (к бедным относятся те, чьи среднедушевые доходы ниже бюджета прожиточного минимума по региону); 4) экспертной оценки уровня бедности. Кроме того, для оценки бедности населения в регионах применяются и статистические показатели, такие, например, как уровень бедности, т. е. доля тех групп, чьи доходы ниже прожиточного минимума. При проведении дифференцированного анализа положения, мотивации и поведения бедных на сельском рынке труда за основу взят первый подход (остальные использовались в качестве контрольных).

Таким образом, в основу изучения социального положения населения как фактора его активности на рынке труда положен главным образом **позиционный подход**.

В-третьих, деятельностно-активистский подход обращает наше внимание на **субъектно-субъектный** (на индивидуальном и групповом уровнях) и **субъектно-объектный анализ социальных взаимодействий**, точнее — на изучение масштабов социальных связей, их взаимопересечения и динамики процессов взаимодействия индивидов и групп акторов рынка труда друг с другом и с социальной средой (государством и его институтами, социальной политикой и др.). В нашем случае социальная политика является такой средой, взаимодействие с которой меняет характер активности участников рынка труда, а результатом такого изменения является трансформация самой социальной политики (подробнее см. в *гл.* 2.3, 3.2).

Динамический анализ социальных взаимодействий на индивидуальном или групповом уровне позволяет изучать процессы трансформации активности на рынке труда, связанные с усилением или ослаблением социальных связей и сил как потенциалов активности. На основе данно-

го анализа выявляются такие тенденции, как интеграция или дезинтеграция изучаемого социального пространства, в т. ч. коллективизация или индивидуализация в социальных интересах и социальном поведении, смягчение или обострение противоречий в интересах социально-экономических и социально-политических групп, усиление или ослабление прямых и обратных связей между акторами рынка труда и акторами социальной политики снижение или рост социального напряжения и конфликтогенности.

Субъектно-объектный анализ социальных взаимодействий на рынке труда дает возможность исследовать процессы трансформации активности, направленные на усиление или ослабление социальных связей акторов с объектными элементами рынка труда как части социального пространства, социальной среды (предприятиями и их основными фондами, организационными структурами и институтами государственной социальной политики по регулированию рынка труда, негосударственными организациями и др.). Такой анализ позволяет выявить тенденции, связанные с изменением структуры основных компонентов активности и выражающиеся, например, в изменении трудовых стратегий (в росте производительности и интенсификации труда или, напротив, их снижении), поисковых стратегий (обращение за помощью в трудоустройстве в государственную службу занятости либо самостоятельный поиск места работы) и др.

В целом именно анализ социальных взаимодействий позволяет оценить масштабы состояния и динамики социальных взаимосвязей процессов активности населения на рынке труда, их взаимопересечения, а также процессы социальной адаптации населения как результата взаимовлияния его активности на рынке труда и социальной политики (см. п. 3.2).

В-четвертых, трансформационный подход к изучению процессов активности населения на рынке труда вызывает необходимость выделения **пространственно-временного аспекта анализа** и предполагает исследование ее социально-пространственных характеристик в *современном состоянии и в ретроспективе*, а также определение дальнейших *перспектив* ее формирования и развития. В частности, мы согласны с неофункционалистской трактовкой Дж. С. Александера действия как «движения человека через время и пространство», а деятельности — как того, что «позволяет производителям действия (по Дж. Александеру, акторам — А. С.) двигаться через время и пространство» [187, с. 191–192].

Социальное пространство — широкое понятие и рассматривается исследователями как форма существования и развития общества в про-

цессе социального воспроизводства [129, 167, 187]. В нашей работе мы опираемся на одну из популярных исследовательских позиций в изучении социального пространства, которая описывает его как совокупность общественных отношений. В этом случае социальное пространство позволяет анализировать процессы трансформации в особом ракурсе, позволяющем оценить масштабы того или иного общественного явления или процесса, их разнообразных социальных связей, выявить динамику их плотности и концентрации, взаимопересечения, усложнения, распространения. В отдельных исследованиях понятие социального пространства обозначает особые проекции таких социальных реалий, как социальные, экономические, политические, международные отношения и фиксирует результаты осознания субъектом своей включенности в определенную социальную группу и т. п. Следовательно, социально-пространственный аспект употребляется в нашем исследовании, чтобы специально зафиксировать не только территориально пространственные (географические, экономические, политические и другие) изменения трансформационных процессов социальной активности, но и социально-структурные и институциональные.

Как известно, социальная активность реализуется не только в пространстве, но и во времени, а потому является конкретно-исторической [90, с. 117–127]. Социальное пространство всегда выступает в виде трех необходимых временных модусов: прошлого, настоящего и будущего [83, с. 73; 121, с. 214]. И, как утверждает известный немецкий философ Э. Кассирер, «Мы не в силах описать моментальное состояние организма, не рассмотрев его истории, а также не обратившись к его будущему состоянию, по отношению к которому нынешний момент является лишь переходным звеном» [83, с. 73]. В. А. Артемов, Г. И. Осадчая, Б. С. Сивринов и ряд других исследователей справедливо обращают наше внимание на то, что социальный пространственно-временной аспект анализа является важнейшим атрибутом исследования системы социального воспроизводства общества, воспроизводства жизни человека, социальных групп [129, 187].

По П. Сорокину и Р. Мертону, «социальное время отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки» [176, с. 114]. В нашем случае такой референтной точкой в изучении феномена социальной активности на рынке труда является трансформационный период в развитии российского общества в период рыночных реформ, когда процессы трансформации проявились наиболее ярко. Кроме того, П. Сорокин

подчеркивает, что «обозначения времени, в смысле продолжительности и выражения, связаны с социальными действиями или достижениями» и «каждая группа с собственными связями общего, понятного им ритма деятельности отсчитывает свое время соответственно своему поведению» [176, с. 114].

Социальный пространственно-временной аспект анализа процессов активности населения на рынке труда и их тенденций позволяет охарактеризовать их изменения в социальном времени и пространстве в отношении их *масштабов, равномерности и социальной дифференцированности*. Так, пространственно-временной аспект анализа динамики процессов активности дает возможность получить представление:

- *о масштабах такой динамики*, что позволяет судить о рассматриваемых процессах как об эволюционных, характеризующихся количественными изменениями, либо о трансформационных процессах, отличающихся качественными сдвигами;
- *о равномерности* (неравномерности), *усилении* (ослаблении) *динамики*, нарастании (уменьшении) плотности и сгущенности процессов трансформации (их дисперсности либо концентрации, очаговости). Результатами такого анализа может быть определение этапов, очагов трансформации;
- *о масштабах и динамике социальной дифференцированности процессов*, их разнообразия, усложнения и обогащения, т. е. о различной динамике масштабов и характера проявления отдельных видов и форм, моделей и стратегий, сфер приложения активности разных социальных групп, о социоструктурных результатах изменений.

Такой анализ позволяет оценить численность и соотношение активных и пассивных субъектов рынка труда, масштабы и характер социальных перемещений (социальной мобильности), связанных с изменением статуса, положения акторов рынка труда в социальной структуре (сколько акторов и каким образом изменило характер активности, какие виды и формы, стратегии активности появились, какие — исчезли, кто стал активным, кто — пассивным и др.), социальную дифференциацию процессов активности в различных условиях жизнедеятельности населения.

Анализ трансформации активности россиян на рынке труда на основе всех рассмотренных подходов позволяет провести *сравнение процессов*, характерных для *трансформации социальной активности на рынке труда с общероссийскими процессами трансформации* (см. п. 1.3).

Характеристики трансформации активности населения на рынке труда. Для оценки особенностей трансформации такой активности необходимо использовать широкий набор характеристик (индикаторов и показателей) состава и положения акторов, их социально-экономических и социально-политических действий, социально-экономического и социально-политического потенциала активности, их факторов и результатов. К основным характеристикам активности населения на рынке труда относятся:

- *характеристики реальных проявлений социально-экономической и социально-политической активности социальных групп населения и процессов ее динамики, трансформации сфер проявления, видов и форм, моделей и стратегий;*
- *характеристики социальной структуры акторов рынка труда и ее динамики по содержанию их социально-экономической и социально-политической активности;*
- *характеристики социального положения населения и его отдельных социальных групп на рынке труда, статусные (социально-демографические, социально-экономические, социокультурные, социально-политические) характеристики акторов рынка труда, в т. ч. характеристики уровня и качества их жизни, условий жизнедеятельности, такие, как показатели уровня, структуры и динамики доходов и потребления, дифференциации по доходам и материальному имуществу, возможности населения в получении социальных благ и услуг, доступности этих благ и услуг и др.;*
- *характеристики социально-экономических и социально-политических интересов и мотивации социальных групп населения на рынке труда;*
- *характеристики социально-экономической и социально-политической ситуации на рынке труда и другие характеристики развития условий жизнедеятельности населения территориальных общностей; характеристики социальной и экономической политики, состояния и развития политического и управленческого потенциала общества и его использования в регулировании рынка труда;*
- *характеристики других социально-экономических и социально-политических факторов макроуровня;*
- *характеристики результатов и последствий формирования и реализации социально-экономической и социально-политической активности населения и его отдельных групп включая уровень и динамику бедности, социального расслоения, здоровья, дезадап-*

тационных форм поведения; изменение социальной напряженности и конфликтогенности.

Кроме того, как уже отмечалось в п. 1.3, в систему характеристик активности населения на рынке труда входит совокупность характеристик социокультурных, социально-психологических, физиологических форм рассматриваемой активности. Не уделяя основное внимание анализу этих форм активности, в работе мы будем останавливаться на отдельных аспектах их проявлений применительно к социально-экономической и социально-политической активности и оказываемого влияния на эти формы (см. п. 2.1, 4.2, 4.3, 5.2). Во-первых, *акторов рынка труда* мы рассматриваем как *носителей и распространителей (экономической и политической) культуры общества* (как системы общественных норм, традиций и ценностей), а последнюю — как важнейший фактор активности. Во-вторых, в своих выводах мы опираемся на результаты многочисленных опросов населения и экспертов, а как известно, субъективная оценка респондентов своей активности на рынке труда несет существенную социально-психологическую нагрузку. Кроме того, при характеристике социального положения акторов рынка труда, в т. ч. социальных эксклюзий на сельском рынке труда, мы кратко остановимся на анализе их социально-психологического состояния и физического напряжения.

Методические аспекты изучения социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда. В проведенном нами исследовании социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда можно условно выделить *три этапа*. *Первый этап* включает в себя краткий анализ трансформационных процессов социальной политики России в целом, факторов ее формирования и реализации и особенностей в регионах Сибири, в т. ч. в агропромышленных регионах, в сельской местности. Данный анализ общего фона происходящих изменений в социальной политике необходим, на наш взгляд, для более глубокого ее понимания как регулятора активности россиян на рынке труда. Далее, *на втором этапе*, представляется анализ процессов и результатов формирования и реализации важнейших направлений (составляющих) и технологий социальной политики на этапе российских рыночных реформ, воздействующих на активность населения на рынке труда. Среди них особо выделены такие составляющие, как политика регулирования доходов населения и политика управления человеческими ресурсами занятости населения, а также такие технологии, как лоббирование и социальное партнерство. Значительное внимание уделяется общей характеристике деятельности субъектов социаль-

ной политики, динамике их ролей. *Третий этап* посвящен описанию перспектив развития социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда и включает в себя оценку результативности (эффективности) социальной политики, проблем, технологий и направлений ее оптимизации.

Для анализа социальной политики в рассматриваемом контексте в работе использованы результаты апробации ряда *методических подходов*. К ним относятся, во-первых, авторские методики исследования трансформационных процессов социальной политики России, особенностей ее формирования и реализации в агропромышленном регионе (на примере Алтайского края) [153, 166, 167]; оценки состояния и перспектив развития сферы доходов населения региона и политики ее регулирования [153, 167, 181, 185, 220]; оценки эффективности социальной политики [166, 167]; изучения социальной политики работодателей и социальной поддержки работников предприятий [167, 202, 220]; разработки дифференцированных политик по отношению к локальным рынкам труда и локальным очагам низкой социально-экономической активности и безработицы [167]; выявления особенностей регулирования развития жизненного пространства региона в условиях экологического неблагополучия [167]. Во-вторых, методическую основу составила коллективно разработанная (совместно с З. И. Калугиной, Л. В. Родионовой, О. П. Фадеевой) под руководством автора методика изучения политики регулирования активности населения на сельском рынке труда [180].

Методические особенности изучения социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда определяются ее теоретико-методологическими основами, описанными в п. 2.2–2.3.

Во-первых, в основу анализа трансформации социальной политики положен *деятельностный подход* к изучению ее структурных компонентов и форм (см. п. 2.2). На этой основе рассматривается социальная политика с двух позиций: 1) как внешняя воздействующая сила на социальную активность на рынке труда, и в этом смысле она является внешним регулятором, определяющим процессы активности и ситуацию на рынке труда как ее социальной среды; 2) как производная процессов активности населения и его отдельных групп на рынке труда. И тогда социальную политику трудно отделить от самих процессов активности, поскольку в таком случае, например, социально-политическая активность акторов рынка труда (работодателей, наемных работников и их организаций) становится составной частью самой социальной политики, а акторы рынка труда — ее субъектами.

Во-вторых, использование *институционального подхода* дает возможность взаимосвязанного анализа не только структурных, но и институциональных проблем социальной политики, выделения ее институциональных основ социальной политики как совокупности правил и норм «игры» акторов на «поле» рынка труда. При этом часть институтов социальной политики рассматриваются как составная часть институтов рынка труда, и наоборот.

В-третьих, особенностью работы является использование *социоструктурного подхода* к анализу регулирования активности населения на рынке труда. Данные подходы позволяют провести анализ направлений и технологий социальной политики, дифференцированных по отношению к отдельным социальным группам, локальным и региональным рынкам труда в зависимости от условий жизнедеятельности населения территориальных общностей. Такой анализ создает основу для разработки дифференцированных политик, что предполагает, во-первых, постановку приоритетов в распределении средств в зависимости от остроты проблем социального положения и активности населения, ситуации и перспектив развития рассматриваемого рынка труда и, во-вторых, выделение эффективных и перспективных направлений и технологий регулирования активности.

Приоритетность социальных групп и локальных рынков труда в распределении средств, использовании направлений и технологий социальной политики может быть определена на основе результатов их типологизации. Самый высокий приоритет следует отдать группам, территориям (городам, сельским районам) с наиболее неблагоприятным положением в рассматриваемой области проблем и отсутствием видимых перспектив их самостоятельного решения. Внутри каждого типа приоритетность выделяемых средств определяется исходя из основных характеристик современного положения и его динамики за период реформ. Например, для локальных рынков труда — по показателям общей и официально зарегистрированной безработицы, напряженности на рынке труда и динамики занятости в экономике; для социальных групп — по показателям наличия и возможности выбора основных и дополнительных рабочих мест, срока безработицы (для безработных), уровня, регулярности и формы оплаты труда (денежная, натуральная), условий труда и др.

В-четвертых, результаты и перспективы социальной политики рассматриваются в рамках *теории социальной справедливости*. **Оценку результативности социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда** предполагается провести на основе трех вы-

деленных ранее подходов (социальной справедливости, социально-экономической и социально-политической эффективности) и использования ряда количественных и качественных показателей (см. п. 2.3). Показателями, используемыми при оценке эффективности социальной политики являются как объективные статистические показатели, так и субъективные оценки экспертов и населения.

Среди используемых статистических показателей можно выделить такие, как показатели уровня и динамики экономической активности и занятости населения, соотношения затрат на рабочую силу и валового внутреннего продукта, динамики реальной заработной платы и реальных доходов, уровня и динамики социальной дифференциации, в т. ч. территориальных и отраслевых различий в заработной плате и доходах работников предприятий, удельного веса заработной платы в структуре совокупных доходов населения и его динамики, динамики занятых в малом бизнесе и другие показатели развития малого и среднего предпринимательства, динамики забастовок и других форм протестного поведения и т. д.

В работе представлены субъективные оценки динамики качества рабочей силы и рабочих мест, отношения работников к труду, развития теневых форм деятельности и доходов, соотношения затрат на осуществление мероприятий активных и пассивных политик занятости, социально-психологического состояния акторов рынка труда и степени их удовлетворенности своим социально-экономическим положением на рынке труда, уровнем их социальной защищенности и др. Кроме того, по большой группе показателей представлены одновременно как объективные, так и субъективные оценки, среди них — оценки уровня безработицы, использования эффективных социальных технологий (социального партнерства, лоббирования, социального страхования и др.) и результатов их реализации, степени выполнения функций, достижения поставленных целей социальной политики, соотношения планов и результатов, реализации законных прав населения в социально-трудовой сфере.

Основным критерием эффективности социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда является ее направленность на создание условий не просто для повышения рассматриваемой активности, а для формирования ее конструктивных и инновационных стратегий, соответствующих не только современным, но и перспективным потребностям рынка труда и экономической сферы в целом и приводящих к развитию социальной сферы общества.

При проведении исследования процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда мы исходили из следующих гипотез. Как указано во введении, *базовой гипотезой* данного исследования (гипотеза-основание) является следующее утверждение: трансформационные процессы социальной активности населения на рынке труда — результат институциональных и структурных преобразований в социальной сфере российского общества и социальной политике на рубеже XX–XXI вв. и основа их модернизационных изменений. Базируясь на данной гипотезе, мы выдвинули следующий ряд *частных гипотез* (гипотезы-следствия).

1. Эффективным методологическим инструментом системного анализа трансформационных процессов и механизмов активности населения на рынке труда является полипарадигмальный подход, основанный на использовании системно-структурного, деятельностного, социоструктурного, институционального и трансформационного подходов.
2. В годы реформ произошла трансформация активности населения на рынке труда, связанная с качественными изменениями ее структурных компонентов, факторов и результатов активности различных социальных групп. Трансформационные процессы активности заключаются в развитии гибкости и многообразия, формировании ее новых видов и форм, моделей и стратегий, росте различий в проявлениях, значительных изменениях в социально-экономической структуре акторов рынка труда.
3. В условиях трансформации к основным факторам активности населения на рынке труда относятся социально-экономическое положение, интересы и мотивация социальных групп, благополучие условий жизнедеятельности населения в территориальной общности и социально-экономическая политика.
4. За годы трансформаций российского общества дифференцировались возможности проявления и роста активности населения на рынке труда при сокращении их реальных возможностей для социальных групп с неблагоприятным социально-экономическим положением.
5. Ухудшение социально-экономического положения населения на рынке труда в годы реформ проявляется в расширении масштабов, обострении ранее существовавших и возникновении новых форм социальной эксклюзии. Масштабы и острота ситуаций и состояния социальной эксклюзии населения на рынке

труда усугубляются неблагоприятием в развитии территориальной общности. Определяющими механизмами таких социальных процессов являются в равной степени как социальная и экономическая политика, так и непосредственно социальная активность индивидов и групп.

6. В условиях трансформации российского общества усиливается взаимовлияние активности населения и социальных эксклюзий на рынке труда. Социальные группы с высоким уровнем активности, использующие эффективные стратегии, в меньшей степени подвержены риску социальной эксклюзии. Ситуации и состояния социальной эксклюзии не способствуют формированию эффективных стратегий активности.
7. Не существует прямой зависимости между уровнем материального положения людей и степенью их активности на рынке труда. Наиболее высокой активностью обладает средняя по доходам и материальному благосостоянию группа. Как при крайне низком, так и при сравнительно высоком уровне доходов и материального положения людей происходит падение уровня активности на рынке труда.

Условия жизнедеятельности населения в территориальной общности не влияют на характер зависимости между степенью социальной активности на рынке труда и уровнем доходов и материального положения людей. Средняя по доходам и материальному положению группа (относительно данной территориальной общности) является наиболее активной как в условиях неблагоприятия жизнедеятельности населения территориальных общностей, так и в благополучной среде жизнедеятельности. И, напротив, при любых условиях жизнедеятельности населения уровень активности падает при значительном росте или сокращении (относительно среднего уровня) доходов и материального благополучия людей.

Если для стабильного и эффективно модернизирующегося общества эта гипотеза представляется убедительной и доказанной, то в условиях трансформирующегося в направлении рыночной экономики социума подобное утверждение требует специального исследования.

Основные гипотезы исследования социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда:

1. В годы реформ произошла трансформация социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда, проявившаяся в качественном изменении структурных компонентов и форм, зна-

чимости и характера взаимодействия субъектов социальной политики и акторов рынка труда. Трансформационные изменения в социально-экономическом положении и социально-экономической активности социальных групп на рынке труда, с одной стороны, и в социальной политике — с другой, — привели к кардинальным изменениям в социально-политической активности этих групп, усилению дифференциации ее масштабов и форм. Значительно повысилась роль работодателей в социальной политике по регулированию активности населения на рынке труда.

2. Трансформационный период российского общества в годы рыночных реформ отличался активным становлением и развитием социальных институтов и технологий взаимодействия акторов рынка труда и субъектов социальной политики как регулятора активности на данном рынке.
3. В российской социальной политике в годы рыночных реформ недостаточно учитывались особенности социального положения и активности населения и его отдельных групп на рынке труда, условия жизнедеятельности населения в территориальных общностях, что является одной из основных причин распространения неэффективных, подчас разрушительных стратегий поведения, возникновения и обострения ситуаций и состояний социальной эксклюзии.

* * *

Резюмируя вышесказанное, отметим, что использование выделенных ранее основных методологических подходов (*деятельностно-активистского* (концепций социального действия) и *трансформационного*) в разработке методики изучения процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда в годы реформ предопределило особенности данного исследования такие, как: 1) изучение *структурных компонентов активности* (видов и форм, сфер проявления, моделей и стратегий и др.); 2) *дифференцированный анализ* социального положения, интересов, мотивации и активности разных социальных групп населения как акторов рынка труда; 3) *анализ социальных взаимодействий* акторов рынка труда друг с другом и с социальной средой, динамики процессов таких взаимодействий; 4) выделение *пространственно-временных характеристик* процессов трансформации активности на рынке труда; 5) сравнение *общероссийских и специфических процессов трансформации, характерных для актив-*

ности населения на рынке труда, в т. ч. тенденций трансформации активности в конкретных условиях жизнедеятельности населения в территориальных образованиях.

Анализ теоретических основ и логика изучения социальной политики как механизма регулирования социальной активности населения на рынке труда позволили выделить следующие методические особенности исследования рассматриваемой социальной политики: 1) *деятельностный подход* к изучению ее структурных компонентов и форм будет положен в основу анализа трансформации социальной политики и позволит изучать социальную политику одновременно как внешнюю воздействующую на социальную активность силу и как производную процессов активности; 2) использование *системно-структурного* и *институционального подходов* дает возможность выделить структурные и институциональные проблемы социальной политики; 3) использование *социоструктурного подхода* позволяет анализировать направления и технологии, дифференцированные по отношению к отдельным социальным группам, локальным и региональным рынкам труда в зависимости от условий жизнедеятельности населения в территориальной общности; 4) результаты и перспективы социальной политики оцениваются в рамках *теории социальной справедливости*.

На основе выделенных в пункте 2.3. подходов к оценке эффективности социальной политики как регулятора *активности населения на рынке труда* и совокупности характеристик такой оценки разработаны показатели, наилучшим образом оценивающие эффективность рассматриваемой социальной политики и определен основной критерий эффективности такой политики.

3.2. Особенности информационной базы и технологии исследования

Алгоритмы проверки гипотез исследования основаны на особенностях информационной базы и технологий сбора и анализа данных.

Информационной базой исследования является как официальная статистическая и нормативно-правовая информация, так и полученные в результате проведения многочисленных исследований (под руководством или при непосредственном участии автора) социологические данные. В работе использованы данные статистико-социологического мониторинга социально-экономических процессов развития Алтайского края

и других регионов Сибири, проведенного сотрудниками Алтайской лаборатории Института экономики и ОПП (ИЭОПП) СО РАН и Центра социально-экономических исследований и региональной политики (Центра СЭИиРП) за 1991–2012 гг. Основу информационной базы составили: 1) *данные опросов населения*: сельских и городских жителей Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай (2000, 2001, 2002, 2008, 2011 гг.), опросов работников предприятий г. Барнаула (1999, 2000 гг.); 2) *данные экспертных опросов* руководителей и специалистов предприятий, региональных и муниципальных органов управления, службы занятости в Алтайском крае, Новосибирской области, Республике Алтай и других регионах Сибири (1995, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2004, 2008, 2010, 2011 гг.); 3) *данные государственной и ведомственной статистики* за 1992–2012 гг.; 4) *нормативно-правовые документы* РФ и обследуемых регионов Сибири по вопросам регулирования активности населения на рынке труда.

Технологии сбора социологических данных. Для изучения процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда применялся широкий набор методов эмпирического исследования.

Данные опросов населения были получены:

1) *методом случайной квотной выборки*:

- в 2011 г. опрошено 500 бедных сельских жителей Алтайского края и Республики Алтай для изучения сельской бедности, механизмов его формирования и преодоления¹;
- в 2008 г. опрошено 1100 сельских жителей Алтайского края и Республики Алтай — по процессам и механизмам развития социальной сферы села²;
- в 2002 г. опрошено 1100 сельских жителей трудоспособного возраста (наемных работников, самозанятых и безработных) 46 сельских районов трех регионов Сибири — Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай — по проблемам

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Сельская бедность в России: современные тенденции, социальные механизмы формирования и преодоления», 2011–2013 гг., грант № 11-03-00667а). При реализации проекта использовались также средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 г. № 300 — рп (договор № 001/К от 11.01.2011).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ», гранты № 07-03-00321а, № 08-03-18008е) и администрации Алтайского края (Госконтракт № 30–08к от 25 августа 2008 г.).

поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда¹;

- в 2001 г. опрошено 800 представителей экономически активного населения (наемных работников, самозанятых, работодателей и безработных) 5 городов и 16 сельских административных районов Алтайского края — по проблемам поведения населения агропромышленного региона в сфере доходов и занятости (по большой анкете); в 2000 г. — 646 жителей 5 городов и 5 сельских районов Алтайского края — по тем же проблемам (по малой анкете)²;

- 2) *методом случайной бесповторной выборки (case-study)*: в 1999 г. — 119 работников трех крупных предприятий г. Барнаула, различающихся уровнем благополучия социально-трудовой сферы — по проблемам социально-экономического положения работников предприятий и социальной политики работодателей и профсоюзов.

Экспертные опросы проводились в основном *методом стандартизированного интервью*, и в отдельных случаях применялся *метод неформализованного интервью*. В качестве экспертов выступили:

- в 2011 г. — 82 руководителя государственных и муниципальных органов управления, общественных организаций и предприятий агропромышленного профиля для изучения сельской бедности, механизмов его формирования и преодоления³;
- в 2008 г. — 280 руководителей органов местного самоуправления, сельхозпредприятий и организаций социальной сферы по процессам и механизмам развития социальной сферы села⁴;

¹ Проект осуществлен при поддержке АНО «Независимый институт социальной политики» за счет средств Фонда Форда по программе «Социальная политика: реалии XXI века» в 2002–2003 гг. (№SP-02-1-05, руководитель — А. М. Сергиенко).

² Исследования проведены при поддержке Московского общественного научного фонда (МОНФ) за счет средств Агентства Соединенных Штатов Америки по международному развитию (USAID) в 2001 г. (грант № 061/1–01–ТК) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в 2000–2001 гг. (№ 00-03-00374). Руководитель проектов — А. М. Сергиенко.

³ Проект «Сельская бедность в России: современные тенденции, социальные механизмы формирования и преодоления» 2011–2013 гг. при поддержке РГНФ (грант № 11-03-00667а) и за счет средств государственной поддержке, выделенных ИНОП (договор № 001/К от 11.01.2011 г.).

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ», гранты № 07-03-00321а, № 08-03-18008е) и администрации Алтайского края (Госконтракт № 30–08к от 25 августа 2008 г.).

- в 2002 г. — 53 руководителя и специалиста региональных и муниципальных органов управления, центров занятости, директоров сельскохозяйственных предприятий в трех вышеназванных регионах Сибири по проблемам поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда⁵;
- в 2001 г. — 56 руководителей и специалистов региональных органов управления (Администрации Алтайского края, управления ФГСЗН по Алтайскому краю), общественных организаций (Союза промышленников, Союза предпринимателей Алтайского края, Алтайского краевого Совета профсоюзов и др.) и крупных и средних предприятий городов Алтайского края по проблемам поведения населения агропромышленного региона в сфере доходов и занятости⁶;
- в 2000 г. — 26 руководителей и специалистов муниципальных органов управления, руководителей предприятий в 16 сельских административных районах Алтайского края по вопросам социально-экономической трансформации сельских районов и миграции населения⁷;
- в 1999 г. — 17 директоров, руководителей профсоюзов предприятий г. Барнаула, руководителей и специалистов Алтайского краевого Совета профсоюзов по проблемам социальной политики работодателей и профсоюзов на уровне предприятия, региона и на федеральном уровне⁸;
- в 1995 г. — 112 директоров крупных и средних предприятий городов Алтайского края по проблемам развития рынка труда и экономического реформирования в регионе⁹.

Более подробные характеристики инструментария и выборки проведенных исследований описаны в авторской монографии «Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России:

⁵ Проект осуществлен при поддержке НИСП/Фонда Форда (№ SP-02-1-05).

⁶ Исследования проведены при поддержке МОНФ/USAID (№ 061/1-01-ТК) и РГНФ (№ 00-03-00374).

⁷ Проект осуществлен при поддержке INTAS в 1998–2001 гг. (№ 970-0039, руководитель региональной группы — В. В. Рудский).

⁸ Исследование проведено при поддержке комитета администрации Алтайского края по труду и Алтайского краевого Совета профсоюзов (руководитель — А. М. Сергиенко).

⁹ Исследование проведено при поддержке комитета по занятости администрации Алтайского края (управления ФГСЗН по Алтайскому краю) в 1995 г. (руководитель — А. Я. Троцковский).

трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв.» (2003 г.), коллективных монографиях «Социальная траектория развития Алтая» (2006 г.), «Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития» (2010 г.), «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты» (2013 г.) и др. [167, 181, 185, 202, 220]. Кроме того, мы опирались на результаты всероссийских исследований — такие, как мониторинг ВЦИОМ и Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (десять этапов).

Использование данных как социологических опросов населения, так и экспертов позволяет получить качественную и разностороннюю субъективную оценку процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда, в т. ч. социальной политики, ее эффективности и социально-экономических последствий ее реализации в годы реформ.

Для получения объективной оценки об изучаемых процессах и механизмах в работе использованы многочисленные данные государственной и ведомственной статистики за 1992–2012 гг.:

- о состоянии и динамике развития рынка труда, сферы доходов и занятости, в т. ч. показатели социально-экономической и социально-политической активности населения, структуры и динамики занятости, общей и регистрируемой безработицы, напряженности на рынке труда, уровня заработной платы и других доходов населения, просроченной задолженности по заработной плате, структуры и динамики доходов населения, расслоения по доходам, протестного поведения;
- о ситуации в экономике села и региона, в т. ч. показатели, характеризующие состав и динамику численности предприятий, валовой продукции сельского хозяйства, структуру производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, финансово-хозяйственную деятельность предприятий и организаций сельского хозяйства;
- о результативности социальной политики, в т. ч. результатах реализации мероприятий государственной службы занятости, других видов деятельности государства и негосударственных субъектов социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда.

Важной составляющей информационной базы являются нормативно-правовые документы Российской Федерации и регионов Сибирского федерального округа по вопросам регулирования активности населения на рынке труда за 1992–2012 гг.

Данные, полученные в ходе проведенных исследований, проанализированы с использованием различных социологических и математико-статистических методов анализа информации, и технических средств, прежде всего пакета статистических программ обработки социологической информации (SPSS). Поскольку, как отмечалось в п. 3.1, необходимым условием анализа активности населения на рынке труда является использование дифференцированного подхода, в работе использовались такие методы, как корреляционный, дисперсионный, дискриминантный, факторный и типологический анализ, социальное моделирование. Кроме того, проведение одновременного опроса населения в трех различных регионах с использованием общей методологии исследования позволило осуществить *сравнительный анализ* важнейших характеристик социально-экономической и социально-политической активности селян и социальных эксклюзий на рынке труда, не имеющих аналогов в государственной и ведомственной статистике.

Эмпирические объекты исследования. Верификация разработанных методологических принципов и методических подходов к изучению тенденций и механизмов трансформации активности населения на рынке труда осуществлена на примере России в целом и регионов Сибирского федерального округа за период 1991–2012 гг., более подробно — на примере Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай. Выбор эмпирических объектов исследования процессов и механизмов трансформации активности населения на сельском рынке труда обоснован следующими моментами. Алтайский край, Новосибирская область и Республика Алтай являются представителями российских регионов с существенными различия в демографическом и социально-экономическом развитии. Эти регионы характеризуются, во-первых, различной долей сельского населения (примерно $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$, взятых соответственно), во-вторых, как следствие, различной отраслевой специализацией (индустриальной, агропромышленной и аграрной) и, в-третьих, спецификой условий жизнедеятельности и развития рынка труда.

* * *

Теоретической и методологической основой исследования являются:

- 1) *деятельностный подход*, теории социального действия, социальной деятельности и социального поведения М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса и др. — при изучении социальной активности на рынке труда;
- 2) *трансформационный и социоструктурный подходы*, теории социальной трансформации и трансформации социальной структуры (теории социальной мобильности П. Сорокина, трансформационного простран-

ства Т. Заславской, концепция трансформации экономической свободы М. Шабановой и др.) — при анализе тенденций и механизмов трансформации активности россиян на рынке труда; 3) *принципы системно-структурного анализа*, концепция структурно-функционального анализа Т. Парсонса и Н. Смелзера, идеи неофункционализма Дж. Александра и др. — при разработке и апробации теоретико-методологических основ и методики анализа тенденций и механизмов трансформации активности россиян на рынке труда. В ходе анализа социальной политики и рынка труда, процессов трансформации социальной активности на рынке труда используются *принципы институционального анализа*, идеи, развитые в теориях трансформационного пространства Т. Заславской, институциональных матриц С. Кирдиной и др.

При изучении объекта и предмета исследования автор опирается на фундаментальные положения социологии труда и социологии рынка труда, экономической социологии, социологии управления и социологии политики, социологии регионов и социологии села, на концептуальные идеи, заложенные в трудах отечественных и зарубежных ученых по проблемам изучения процессов социальной трансформации, социальной деятельности и поведения, социальной структуры, социальной политики и социального управления (Г. Беккера, М. Вебера, З. Голенковой, С. Григорьева, Т. Заславской, З. Калугиной, Т. Парсонса, В. Радаева, Р. Рывкиной, Дж. Скотта, П. Штомпки, В. Ядова и др.).

В качестве теоретических методов исследования использованы системный анализ, концептуальный синтез, гипотетико-дедуктивный метод, методы научной индукции, систематизация, классификация, теоретическое моделирование, диахронный и синхронный анализ. В процессе исследования применялись разнообразные эмпирические методы сбора и анализа данных, в т. ч. опросные методы (анкетирования на основе квотной выборки, «снежного кома» (case-study), случайной бесповторной выборки; стандартизированного и глубинного неформализованного интервью), анализ документов, факторный и типологический анализ, корреляционный, регрессионный и другие методы математико-статистического анализа, вторичный анализ данных, сравнительный анализ.

Совместное использование социологической, статистической и нормативно-правовой информации, а также различных, адекватных задачам исследования методов ее сбора и анализа дает возможность получить наиболее полные и достоверные знания о процессах трансформации активности населения на рынке труда, факторах и механизмах ее формирования и результатах реализации.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И РЕГИОНОВ СИБИРИ В ГОДЫ РЕФОРМ

4.1. Тенденции трансформации активности населения на рынке труда

На основе методологических подходов (деятельностно-активистском, социоструктурном и трансформационном) и результатов анализа статистических и социологических данных нами выявлены тенденции трансформации активности населения России, в т. ч. ее сибирских регионов в годы реформ, что наиболее ярко проявлялось в 1990-х — первой половине 2000-х гг. Рассмотрим основные из них.

1. Неравномерность динамики, этапность формирования и реализации активности россиян на рынке труда. По данным Госкомстата РФ, в 1990-х гг. (до 1998 г. включительно) в стране наблюдалось сокращение экономической активности и занятости населения (рис. 4.1). В 1992 г. уровень экономической активности россиян составлял 70,3%, сократившись к 1998 г. до 61,1%¹, т. е. на 9,2 процентных пункта (п.п.). Уровень за-

¹ Рассматриваемый статистический показатель уровня экономической активности россиян рассчитывается как отношение численности экономически активного населения к его численности в возрасте от 15 до 72 лет (т. е. потенциально экономически активного населения). При этом к экономически активным относится занятое в экономике население и безработные, численность которых оценивается по методике МОТ (Международной организации труда). К последним, в частности, относятся лица, не имеющие занятия, активно ищущие работу и готовые к ней приступить.

нятости россиян (в возрасте от 15 до 72 лет) за данный период снизился на 13,7 п.п.: с 66,7% в 1992 г. до 53,0% в 1998 г. (год дефолта российского рубля). Соответственно обратные тенденции характерны для безработицы: уровень безработицы вырос с 5,2 до 13,2%.

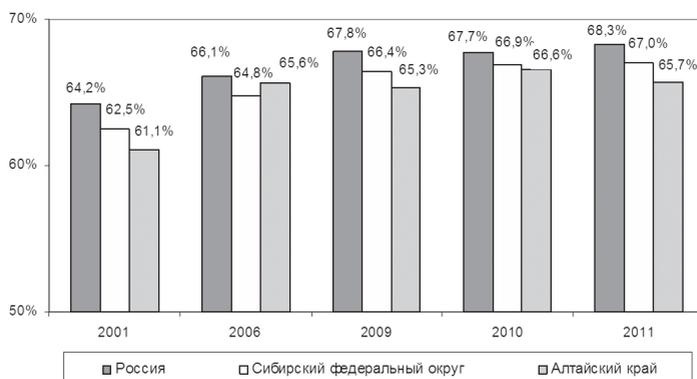
Источник: данные Росстата.

Рис. 4.1. Уровни экономической активности, занятости и безработицы населения России в возрасте 15–72 года в 1992–2000 гг., %

Аналогичные тенденции характерны и для сельского населения, однако острота проблем снижения экономической активности и занятости, роста безработицы здесь проявилась более ярко: по данным Росстата, уровень активности сократился с 65,6 до 55,4% (на 10,2 п.п.), занятости — с 63,2 до 47,9% (на 15,3 п.п.), безработица выросла с 3,7 до 13,5% (в 3,6 раза).

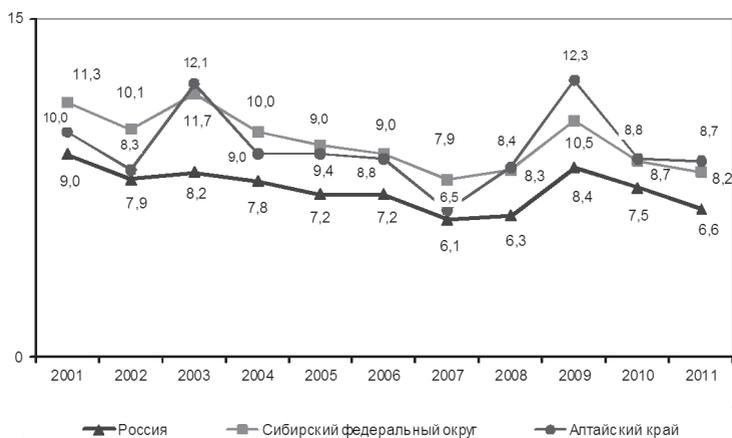
С 1999 г. начался перелом в негативных процессах сокращения активности и занятости россиян, наблюдались непрерывный рост занятости до 68,3% и менее устойчивое сокращение безработицы до 6,6% в 2011 г. (при минимальном значении, равном 6,1%, в последнем случае с более значительными изменениями в тренде в колебаниями) (рис. 4.2–4.3), что связано с вступлением в период экономического роста, продолжавшегося до глобального финансового кризиса, поколебавшего на один год (2010 г.) позитивные тенденции.

В регионах Сибири, особенно в аграрных регионах, негативные процессы сокращения экономической активности и занятости, роста безработицы выразились более значительно в 1990-х гг., и в следующем десятилетии (2000-х гг.) происходило более заметное восстановление до-реформенного уровня в сравнении с Россией в целом (рис. 4.2–4.3). Так,

Источник: данные Росстата.

Рис.4.2. Уровень экономической активности населения России, Сибирского федерального округа и Алтайского края в 2001–2011 гг., %

Источник: данные Росстата.

Рис.4.3. Уровень безработицы населения России, Сибирского федерального округа и Алтайского края в 2001–2011 гг., %

по данным Росстата, экономическая активность сибиряков в 1992–2000 гг. упала с 70,3 до 65%, в Алтайском крае — с 67,7 до 62,7%; безработица в 1993–2000 гг. выросла в первом случае с 6,0 до 12,8% (при максимальном значении 15,2% в 1998 г.), в крае — с 6,7 до 11,7% (при максимуме, равном 16,1%, в том же 1998 г.). В 2000-х гг. активность сибиряков на рынке труда достигла 67% в 2011 г., жителей Алтайского края — 65,7%, безработица упала до 8,2 и 8,7% соответственно.

Анализ статистических данных, а также экспертного опроса руководителей региональных и муниципальных органов управления и директоров предприятий показал, что можно выделить **четыре этапа (фазы) трансформации активности россиян на рынке труда**: I (1992–1994 гг.) — начальный этап перехода к рыночным отношениям, в т. ч. в сфере труда и занятости, совпадающий с периодом либерализации и массовой приватизации; II (1995 г. — 1-я половина 1998 г.) — этап активного институционального формирования рыночных отношений, в т. ч. создания государственных и общественных институтов рынка труда; III (2-я половина 1998 г. по 2008 г.) — этап стабилизации в последефолтный период и активного развития рынка труда в период экономического роста; IV (с 2009 г. по настоящее время) — этап адаптации рынка труда к глобальному экономическому кризису. В начальный период реформ (I этап) социально-экономическая активность населения на рынке труда значительно возросла и дифференцировалась по видам и формам проявления, по стратегиям отдельных социальных групп и набирала темпы до кризиса 1998 г. (II этап). К концу десятилетия эти процессы стабилизировались, меньшее распространение получила социально-экономическая активность, приводящая к значительному изменению социального статуса основных акторов рынка труда, в т. ч. такие социально-экономические стратегии, как поиск и смена основного места работы, открытие собственного дела. Кроме того, по оценкам экспертов-руководителей предприятий, произошло сокращение теневых форм социально-экономической активности, связанных, например, с использованием фондов предприятия, воровства. Распространенность действий, связанных с ростом и дифференциацией конкурентоспособности рабочей силы (интенсификация труда, повышение образования и квалификации, требования повышения уровня заработной платы и обеспечения социальных гарантий и др.), продолжала расти и в 2000-х гг.

Что же касается социально-политической активности на рынке труда, то ряд исследователей (В. Х. Беленький, В. Т. Кривошеев, Ю. Е. Растов, А. Л. Темницкий и др.) считает, что, несмотря на ожидания ученых

и политиков, уровень такой активности вырос незначительно, массовая приватизация не привела к противостоянию предпринимателей и работодателей, с одной стороны, и работников, объединенных профсоюзами, — с другой [17, 100, 150, 192]. Пик социально-политической активности также наблюдался в конце 1990-х гг., и в начале 2000-х г. отмечается сокращение всех ее видов и форм [100, 150, 192]. Причиной сравнительно низкой политической активности на рынке труда стали неразвитость слоя собственников, предпринимателей как субъектов социального партнерства, слабость институтов гражданского общества, общественных ассоциаций и организованных групп интересов, социальная незащищенность основной массы населения и сильнейшее социальное расслоение общества, патерналистские настроения россиян, а также неэффективность политики регулирования социально-трудовых отношений на различных уровнях управления и несовершенство правовой базы в переходный период страны к рыночной экономике [17, 100, 150, 182, 192].

Значительно повлияли на процессы трансформации социально-политической активности дореформенные социальные практики в сфере социально-трудовых отношений. Господствующая советская идеология отрицала классическую концепцию трудовых отношений, подразумевающих наличие конфликтов, переговоров и сотрудничества между работниками, работодателями и промышленными органами, забастовок. Командно-административная советская система основывалась на мифической идеологии гармонии между всеми субъектами трудовых отношений, отрицающей саму возможность таких форм и акций.

Низкая социально-политическая активность на крупных и средних предприятиях к началу 2000-х гг. сопряжена с их неустойчивым финансово-экономическим положением, малочисленностью или отсутствием профсоюзных организаций, безынициативностью профсоюзных лидеров и их соглашательством с администрацией предприятия. На малых предприятиях обычным явлением стало отсутствие профсоюзных организаций, для них была характерна недостаточная организованность и незнание своих прав рядовыми работниками. В бюджетных организациях в этот период коллективные договоры хотя и заключались, но из-за недостатка средств они фактически не выполнялись и не контролировались [100, с. 43].

В целом к началу 2000-х гг. можно говорить о «неустойчивой стабилизации» потенциала и реальных проявлений социальной активности на рынке труда, «плохом равновесии» в развитии российского общества (такие оценки можно было встретить в работах Р. В. Рывкиной, В. А. Ядова, А. А. Яковлева и др. в начале 2000-х гг. [159, 161, 186]).

Рынок труда начал активно развиваться в связи с благоприятной международной конъюнктурой цен на энергоносители, проведением институциональных реформ в социально-экономической сфере, начиная с 2002 г., в т. ч. введением Трудового Кодекса РФ, что позитивно отразилось на формировании массовых конструктивных стратегий активности населения вплоть до глобального экономического кризиса. Это дает основание для выделения самостоятельного IV этапа в трансформации активности населения на рынке труда с 2009 г., но весь этот период выходит за границы нашего исследования.

2. Развитие гибкости, рост дифференциации проявления социальной активности на рынке труда, появление множества ее новых форм и видов. Формирование рынка труда, его институциональных основ, общества открытого типа, информационных технологий привело к расширению потенциальной свободы выбора сфер приложения труда, характера и норм социально-экономической и социально-политической активности. Массовыми, сравнительно новыми видами активности россиян на рынке труда стали предпринимательство (фермерство, негосударственные формы торговли и оказания социально-бытовых услуг населению, посредническая деятельность и др.), вторичная и третичная занятость, поиск работы как безработными, так и занятыми на «плохих» (формирующих социальные эксклюзии) рабочих местах, трудовая миграция (как сезонная, так и маятниковая), уход с рынка труда («бомжевание») и т. д. В 2000-х гг. распространение получают различные дистанционные формы социально-экономической активности (работа и обучение через Интернет). В то же время не исчезли, но существенно модифицировались и потеряли свое значение отдельные дореформенные виды и формы социально-экономической активности, такие, как, например, перепродажа товаров (дефицитных или с высокой территориальной дифференциацией цен).

Динамичное развитие дополнительной занятости в 2000-х гг. проявляется в самых разнообразных видах и формах, в т. ч. в виде постоянной или временной (вторичной, третичной) занятости на своем или других предприятиях, случайных подработок, производства и реализации продукции домохозяйств и т. д. (см. в работах З. Голенковой, В. Кабиной, З. Калугиной, С. Кларка, И. Поповой, Г. Силласте, О. Фадеевой и др. [43, 62, 77–81, 141, 204, 205]).

Усиление различий в социальном положении акторов и благополучии условий их жизнедеятельности, в т. ч. в развитости рынка труда в рассматриваемый период (подробнее см. в п. 4.2) и в развитости рынка труда,

привело к росту социально-экономической активности, сопровождающейся самостоятельным пространственным перемещением экономически активной части населения в направлении тех территорий (крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, сырьевых и других регионов с выгодной отраслевой специализацией, а также других стран), где возможности получения доходов являются более благоприятными [153, с. 117–126; 182, с. 543–558; 188, с. 543–565].

Переход к рыночным отношениям значительно ослабил ограничения «системы прописки» и позволил де-факто трудоустроиться и зарабатывать, получать другие виды доходов не по месту прописки. Такого рода доходы в отдельных случаях давали возможность аренды жилья по месту работы трудового мигранта, переезда всей семьи, и в редких случаях — покупки жилья. Возможности трудоустройства открывались как для высококвалифицированной, наиболее образованной части населения (например, с экономическими профессиями, востребованными на рынке труда), так и для наименее квалифицированной части населения, хотя и с различными перспективами: для первых появлялась возможность социальных перемещений вверх по стратификационной лестнице, для вторых в большинстве случаев это была лишь возможность поддержания семейного бюджета и выживания в тяжелых экономических условиях. Таким образом, пространственные перемещения в годы рыночных реформ в России способствовали социальному расслоению, частично основанному на образовательном и профессионально-квалификационном статусах. В крупных городах и наиболее развитых сферах экономической жизни повысился спрос на профессионалов разного профиля, знающих иностранные языки, умеющих работать на компьютере и т. д. Это послужило, в частности, дополнительным толчком к получению высшего экономического, юридического и другого образования, навыков в пользовании компьютером, развитию знания языков.

Другую картину пространственной социально-экономической активности на рынке труда представляет переселение беженцев и вынужденных мигрантов [153, с. 117–126; 182, с. 543–558; 188, с. 543–565]. Так, в начале 1990-х гг. появление в российских городах выходцев из разных районов Кавказа, Казахстана и Средней Азии, внедрение их на локальные рынки труда породили новые формы теневого поведения, в том числе такие противоправные, как создание нелегальных кордонов, препятствующих свободному перемещению товаров на рынки, взимание «дани» с коренного населения за право на труд, поборы с тех, кто отказался от участия в криминальных сделках и др. В 2000-х гг. такое пере-

мещение получило характер массовой трудовой миграции иностранцев в Россию как в легальной, так и нелегальной формах, соответственно имеющей в большей мере позитивные результаты, но со значительной деструктивной составляющей (плохие условия труда и жизни нелегальных мигрантов, теневые доходы работодателей и др.).

Результаты отечественных исследований показали, что трансформационные изменения в активности населения на рынке труда в годы рыночных реформ проявились в *возрастании популярности стратегий всех трех выделенных нами моделей (типов) социально-экономической активности населения в зависимости от конструктивности и инновационности воздействия на рынок труда* (см. в п. 3.1). В рамках модели конструктивных, инновационных стратегий активности реализовывались такие стратегии как повышение образования и квалификации в соответствии с потребностями рынка, поиск основных рабочих мест и трудоустройство в соответствии с квалификацией, развитие цивилизованных форм бизнеса, создание работодателями конкурентоспособных рабочих мест, требование своевременности выплаты и увеличения заработной платы со стороны наемных работников. Модель деструктивных стратегий характеризовалась следующими действиями: чрезмерная интенсификация труда, приводящая к ухудшению здоровья, и, напротив, снижение трудовой нагрузки, следствием чего являлось недоиспользование трудового потенциала; трудоустройство на рабочие места, не соответствующие качеству рабочей силы (например, требующие более низкой квалификации); распространение неправовых трудовых практик, теневых форм активности. К модели смешанных стратегий относились расширение или сокращение личного подсобного хозяйства, трудоустройство на дополнительную работу, выезд на заработки в другие населенные пункты.

Наибольшее распространение в переходной России получили согласно типологии, предложенной Н. В. Поляковой [139, с. 57], такие стратегии, как «Максимизация (интенсификация и экстенсификация) труда», «Максимизация расходования рабочей силы» (ориентация на выполнение тяжелых, вредных и/или опасных видов труда ради высоких доходов), действия «на перспективу» (ориентация на содержательный, развивающий труд, ведущий к высокому профессионализму, на невысокую зарплату в настоящее время и на высокие доходы в будущем) и криминальные стратегии; появились различные формы иждивенчества как экономической стратегии. В сравнении с дореформенным периодом сократилась «популярность» стратегии «минимизации

труда» (ориентация на короткий рабочий день, нетяжелый труд и на небольшие доходы).

Анализ социально-экономической активности населения, проживающего в проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности, показал более высокий уровень распространения стратегий, связанных с максимизацией труда и расходования рабочей силы, зачастую приводящих к негативным последствиям для актора и деструктивных для развития рынка труда. К основным социально-экономическим и социально-политическим действиям жителей агропромышленного региона (Алтайский край) относились, по мнению самих жителей, интенсификация труда, поиск основных и дополнительных рабочих мест, повышение образования и квалификации, требования увеличения заработной платы и регулярности ее выплат в виде переговоров и протестных действий (табл. 4.1–4.4).

Таблица 4.1

**Стратегии активности наемных работников
на рынке труда в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		население в целом	I	II	III
1	Добивался повышения уровня заработной платы	17,0	13,6	22,3	35,5
2	Добивался регулярности выплат заработной платы	13,0	16,2	6,9	6,5
3	Добивался увеличения социальных гарантий (пенсионное страхование и т.д.)	1,7	1,5	2,0	3,2
4	Увеличивал интенсивность, производительность труда	28,6	26,8	32,2	32,3
5	Снизил трудовую нагрузку	4,6	5,4	3,0	3,3
6	Участвовал в реализации продукции предприятия	12,4	9,5	18,8	12,9
7	Использовал оборудование предприятия в целях дополнительного заработка	5,4	4,1	7,4	12,9
8	Искал другое основное место работы	23,5	23,6	22,3	29,0
9	Искал дополнительную работу	17,9	17,7	17,3	29,0
10	Продавал, сворачивал ЛПХ	4,3	4,5	4,0	3,2
11	Ушел с дополнительной работы (в связи с увеличением нагрузки по основному месту работы)	2,3	1,1	5,4	0

Окончание таблицы 4.1

12	Повышал образование, квалификацию	32,3	27,1	41,1	48,4
13	Расширял ЛПХ	21,1	24,5	15,3	6,5
14	Пытался открыть свой бизнес	8,1	4,8	12,4	29,0
15	Ничего не предпринимал	12,1	14,9	7,4	3,2
16	Другое	1,7	1,7	2,0	0

Таблица 4.2

**Стратегии активности самозанятых на рынке труда
в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		насе- ление в целом	I	II	III
1	Открывал и развивал собственный бизнес	73,0	61,0	79,2	93,3
2	Пытался использовать наемный труд, но это оказалось невыгодно	11,5	8,5	14,6	13,3
3	Временно закрывал свой бизнес в связи с экономическими и правовыми трудностями	9,8	11,9	6,3	13,3
4	Перепрофилировал производство, изменил вид деятельности	12,3	8,5	14,6	20,0
5	Повышал образование, квалификацию	24,6	18,6	31,3	33,3
6	Приобретал, развивал ЛПХ	21,3	25,4	20,8	13,3
7	Продавал, сворачивал ЛПХ	5,7	6,8	2,1	13,3
8	Другие формы занятости	8,2	11,9	4,2	6,7
9	Выезжал в другой город с целью развития бизнеса	20,5	16,9	18,8	40,0
10	Пытался трудоустроиться по найму на высокооплачиваемую работу	19,7	27,1	12,5	6,7
11	Принимал на работу членов своей семьи	17,2	10,2	20,8	33,3
12	Другое	1,6	3,4	0	0

* I — группа с низкими доходами (до 1 ПРМ на 1 члена семьи);

II — группа со средними доходами (1–3 ПРМ);

III — группа со сравнительно высокими доходами (более 3 ПРМ)

Таблица 4.3

**Стратегии активности работодателей на рынке труда
в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		население в целом	I	II	III
1	Открывал и развивал собственный бизнес	79,1	91,7	62,5	85,7
2	Перепрофилировал предприятие	16,3	8,3	25,0	14,3
3	Временно приостанавливал деятельность предприятия в связи с экономическими и правовыми трудностями	16,3	25,0	6,3	21,4
4	Вынужденно снижал затраты на производство основных фондов	18,6	25,0	12,5	21,4
5	Вынужденно снижал затраты на рабочую силу	7,0	8,3	6,3	7,1
6	Старался удерживать рабочие кадры путем увеличения зарплаты	39,5	25,0	56,3	35,7
7	Повышал образование, квалификацию	41,9	41,7	37,5	42,9
8	Пытался трудоустроиться по найму на высокооплачиваемую работу	9,3	16,7	12,5	0
9	Принимал на работу членов своей семьи и других родственников	32,6	25,0	25,0	50,0
10	Закрыв собственный бизнес, разорился	2,3	8,3	0	0
11	Закрыв собственный бизнес по другим причинам	4,7	8,3	6,3	0
12	Другое	2,3	0	6,3	0

Таблица 4.4

**Стратегии активности безработных на рынке труда
в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		население в целом	I	II	III
1	Обращался в государственную службу занятости	57,4	60,6	42,1	50,0
2	Обращался в негосударственную службу занятости	14,8	12,1	26,3	50,0
3	Обращался к родственникам и знакомым	57,4	55,6	57,9	50,0

Окончание таблицы 4.4

4	Обращался непосредственно на предприятия, в организации, фирмы, звонил по объявлениям	50,8	49,5	42,1	100,0
5	Обращался в местные органы власти (администрация села, района, города)	14,8	15,2	10,5	0
6	Повышал уровень образования и квалификацию	12,3	12,1	10,5	0
7	Расширял ЛПХ	15,6	15,2	21,1	0
8	Сворачивал ЛПХ	5,7	5,1	10,5	0
9	Выезжал в другой город в поисках работы и заработка	9,8	9,1	5,3	100,0
10	Предпринимал попытки открыть собственное дело	9,8	10,1	5,3	50,0
11	Пытался получить статус безработного	19,7	22,2	15,8	0
12	Ничего не предпринимал	5,7	5,1	15,8	0
13	Другое	2,5	3,0	0	0

* I — группа с низкими доходами (до 1 ПРМ на 1 члена семьи);

II — группа со средними доходами (1–3 ПРМ);

III — группа со сравнительно высокими доходами (более 3 ПРМ).

По экспертным оценкам, массовым стало также предпринимательство и смена профессии. Причем интенсификация и экстенсификация труда (вторичная и третичная занятость) отличались чрезмерностью, часто происходило трудоустройство на рабочие места, требующие более низкой квалификации.

Значительная часть социально-экономических процессов, происходящих в российском обществе в этот период, связана с повышением роли и значимости домашнего и личного подсобного хозяйства, в т. ч. так называемое отходничество «возвращенцев» (обратная миграция горожан — бывших сельских жителей в села в начале 1990-х гг.), увеличение числа семей, имеющих садовые и огородные участки, дачи, появление фермерства, сокращение спроса на социально-бытовые услуги и, соответственно, увеличение нагрузки на членов домохозяйства по выполнению домашних работ, связанных с этими услугами (приготовление пищи, стирка, ремонт обуви, одежды, жилья и др.). Отечественные исследования сельских домохозяйств показывают, что тенденции их развития в годы рыночных реформ в России подтверждают положе-

ния теории моральной экономики крестьянства Дж. Скотта как «этики выживания» [31, с. 202–210].

В агропромышленном регионе занятость в личном подсобном хозяйстве, его приобретение и развитие в годы реформ относятся к распространенным стратегиям активности не только селян, но и горожан. При этом развитие личного подсобного (точнее семейного крестьянского) хозяйства является основной формой социально-экономической активности сельских жителей. В процессе адаптации селян к новым социально-экономическим условиям такое хозяйство сыграло ведущую роль, являлось основой выживания, его значимость заметно возросла. Как отметил один из экспертов, «*Крестьянин держится за счет собственного подворья*».

За годы реформ население России опробовало, освоило (приняв либо отбросив) множество новых стереотипов социально-экономического поведения: с одной стороны, конструктивных, по словам Р.В. Рывкиной, «соответствующих рыночной экономике и культуре цивилизованных стран мира» (среди них операции с обменом валюты, поиск основной и дополнительной работы, получение безработными соответствующего статуса на рынке труда), а с другой стороны — «обход тех или иных законов, моральных и гражданских запретов, нарушение тех или иных известных норм» [161, с. 278–284].

По оценкам экспертов, трансформационный период до начала 2000-х гг. характеризуется, с одной стороны, кардинальным сокращением конструктивных, инновационных стратегий — таких, как рационализаторство, изобретательство и другие формы участия в инновационной деятельности предприятия, с другой — распространением теневых форм экономического поведения, проявляющихся в использовании фондов предприятия (оборудования, помещения, материалов и т.п.) в личных целях, незаконных действиях, связанных с увеличением доходов (воровством, обсчетом, обвесом клиентов и т.п.) и др. Так, предпринимательская деятельность в 1990-х гг. сопряжена с массовым «уходом от налогообложения» (эта «стратегия» получила наиболее высокий ранг среди всех социально-экономических действий работодателей). Но наряду с очевидными негативными последствиями тенизации необходимо отметить, что в условиях меняющегося общества *неформальный сектор экономики сыграл роль социального амортизатора в развитии рынка труда*. Значительная часть стратегий, реализующихся в тот период в неформальном секторе, справедливо относится исследователями к «экономике выживания».

3. Колоссальное (сверхнормативное) расслоение российского общества по возможностям проявления активности социальных групп на рынке труда, в первую очередь групп, различающихся статусом занятости на рынке труда, квалификацией, отраслевой принадлежностью основного занятия, доходами, демографическими и территориальными характеристиками.

Социально-экономическая и социально-политическая активность наемных работников в годы рыночных реформ (по их мнению и оценкам директоров предприятий) проявлялась в том, что они:

- *увеличивали интенсивность труда*: распространенность этих действий росла с начала 1990-х гг. Особенно заметно это проявилось на III этапе трансформации активности на рынке труда (после кризиса 1998 г.): эксперты отнесли такие действия к наиболее часто используемым — 58% ответов;
- *повышали образование и квалификацию* с динамикой, аналогичной предыдущему пункту. На III этапе это вторая по распространенности стратегия (частота наибольшей распространенности — чуть выше 50% ответов экспертов);
- *искали дополнительную работу*: распространенность такого рода действий наиболее значительно выросла на II–III этапах (40% ответов по III этапу);
- *искали другую основную работу, уходили с предприятия*: распространенность увеличилась на I этапе (46% ответов), сохранилась на II-м и резко снизилась на III этапе (26% ответов);
- *добивались повышения уровня заработной платы и регулярности ее выплат*: наиболее активно — на II этапе (так считает каждый второй эксперт). Именно в этот период наблюдался наиболее значительный рост протестных действий. На III этапе распространенность требований повышения и регулярности зарплаты значительно сократилась (около 20%);
- *использовали основные фонды предприятия в личных целях* как без разрешения, так и с неформального разрешения руководства. Популярность этих действий резко возросла на I этапе, затем постепенно снижалась (35% ответов на II этапе) и особенно заметно упала на III этапе (15%);
- *участвовали в реализации продукции предприятия, осуществляли незаконные действия, связанные с увеличением доходов* (мелкие хищения, обвес и обсчет клиентов, не оформленные документально «чаевые» и др.). Такие действия наблюдались в основном до III этапа, позже значительно реже (менее 10% ответов).

Требования повышения уровня социальных выплат на предприятии не получили существенного распространения. Популярность таких действий среди наемных работников снизилась с началом рыночных реформ, особенно резко в середине 1990-х гг. (табл. 4.1).

В целом большинство руководителей крупных и средних предприятий отметили некоторое улучшение отношения работников к труду к началу нового десятилетия. Это выражается в том, что работники стали «больше дорожить рабочими местами, лучше работать и реже прогуливать».

Значительно различается характер активности на рынке труда *разнодоходных групп наемных работников* (табл. 4.1). Бедные (низкодоходные) работники (со среднедушевыми доходами в семье на уровне прожиточного минимума и ниже) чаще, чем более благополучные в материальном отношении группы работников, требовали своевременно выплачивать заработную плату (в 2,4–2,5 раза чаще, чем среднедоходные и высокодоходные группы работников). Они чаще были вынуждены по разным причинам (в связи с полной или частичной потерей работы из-за приостановки деятельности или закрытия предприятия, плохого здоровья и др.) снижать трудовую нагрузку (в 1,8 и 1,6 раза чаще) и заниматься личным подсобным хозяйством (1,6 и 3,8). Более благополучные группы наемных работников (высоко- и среднедоходные) чаще требовали повышения заработной платы (в 1,6 и 2,6 раза чаще, чем в группе низкодоходных) и социальных гарантий (в 1,3–2,1 раза чаще), участвовали в реализации продукции предприятия (2 и 1,4), использовали оборудование предприятия в личных целях (1,8 и 3,2), повышали свое образование и квалификацию (1,5 и 1,8), пытались открыть собственное дело (2,6 и 6).

На основе оценок руководителей региональных органов управления и директоров предприятий выявлены *стратегии социально-экономической активности работодателей*¹.

Во-первых, в годы рыночных реформ работодатели массово открывали и развивали собственный бизнес. При этом в связи с экономическими и правовыми трудностями низкодоходные работодатели чаще (чем средне- и высокодоходные) вынуждены были приостанавливать деятельность предприятия (в 1,2 и 4 раза) либо вовсе его закрывать (в 1,5 раза чаще, чем среди среднедоходных, среди высокодоходных не встречается) (табл. 4.3). Число таких случаев заметно

¹ Социально-политическая активность работодателей (как акторов социальной политики) и тенденции ее трансформации рассмотрены в п. 5.2.

сократилось на III этапе. К стратегиям средне- и высокодоходных работодателей относятся перепрофилирование и реорганизация предприятий. Это происходило в 3 и 1,7 раза чаще на таких предприятиях, чем на предприятиях низкодоходных работодателей.

Во-вторых, работодатели снижали затраты на воспроизводство рабочей силы. Снижение таких затрат являлось второй по популярности стратегией на I этапе трансформации активности (50% ответов экспертов). Распространенность данной стратегии уменьшалась на II этапе незначительно, и на III этапе — существенно (25% ответов).

В-третьих, работодатели массово снижали затраты на воспроизводство основных фондов. Это была самая популярная стратегия на I этапе. На II и III этапах ее распространенность постоянно снижалась, в т. ч. в два раза — на III этапе. Реализовывали эту стратегию преимущественно низкодоходные работодатели (в 2 и 1,2 раза чаще, чем две другие относительно благополучные в материальном отношении группы работодателей).

В-четвертых, работодатели массово повышали свое образование и квалификацию. С началом реформ (на I этапе) распространенность таких действий снизилась (более чем в 1,5 раза — с 40 до 24%), затем непрерывно увеличивалась (почти вдвое — на II этапе, на III-м — до 63%).

Значительно различалась социально-экономическая и социально-политическая активность руководителей предприятий *бюджетных и внебюджетных, сырьевых и несырьевых отраслей экономики*. Характеризуя активность руководителей предприятий сырьевых отраслей, Т. И. Заславская отметила, что «в условиях ослабления прямого регулирования доходов предприятий со стороны государства, слабого использования им финансовых рычагов предприятия-монополисты (особенно в добывающей промышленности — угольной, газовой, нефтяной) получили широкую возможность присваивать сверхприбыли, дифференцированную ренту, распределяя их между своими работниками и частью государственных чиновников» [68, с. 86].

При расширении потенциальных возможностей проявления социально-экономической и социально-политической активности на рынке труда для всех групп (категорий) населения за годы реформ произошло значительное сокращение реальных возможностей ее проявления для бедных категорий населения. И, напротив, расширились как потенциальные, так и реальные возможности проявления активности для обеспеченных категорий населения включая развитие бизнеса, получение высокопрофессионального, востребованного на рынке образования и др.

Социально-экономическое поведение бедных групп населения отличалось меньшей активностью, более частым использованием ее «пассивных форм» (а именно: снижением трудовой нагрузки, дополнительной занятости, самозанятости) и более частым использованием форм вынужденной активности (таких, как требования регулярности выплаты заработной платы, сохранение и развитие личного подсобного хозяйства и другие виды неформальной занятости и др.). Бедные группы населения, имея, как правило, низкий уровень профессионализма и квалификации, затрачивали заметно больше времени на домашний труд и ЛПХ, чем высокодоходные группы (табл. 4.1–4.4).

Бедным в большей степени свойственна пассивная стратегия, большая их доля (от 15 до 20% по разным группам занятых) не предпринимала никаких социально-экономических и социально-политических усилий для улучшения своего социально-экономического положения. Это свидетельствует о том, что низкий уровень доходов, их сокращение, выходящее далеко за границы нормального социального воспроизводства, приводят к резкому снижению экономической мотивации.

Для выявления наиболее эффективных стратегий преодоления бедности и основных групп риска бедности мы провели сравнительный анализ особенностей социально-экономического положения и активности на рынке труда трех групп бедного населения: «*бывших бедных*» (тех, кто в 1991 г. относил себя к бедным и к началу 2000-х гг. сумел преодолеть бедность, имеет средние или высокие доходы в расчете на члена семьи), «*постоянно бедных*» (тех, кто весь рассматриваемый период оставался бедным) и «*новых бедных*» (табл. 4.5). Как показали результаты исследования, изначально более выгодные позиции и активное использование выигрышных стратегий поведения на рынке труда (эффективная интенсификация труда, основная и дополнительная занятость в прибыльных отраслях, повышение квалификации и статуса занятости, активный поиск выгодной основной и дополнительной работы, развитие конкурентных направлений бизнеса, использование инновационных технологий в управлении) позволили существенной части населения сохранить или даже улучшить свое социальное положение и явились основой успешного преодоления бедности.

Таблица 4.5

Стратегии активности бедных на рынке труда в 1991–2001 гг., %

№ п/п	Действия, стратегии	Новые бедные	Постоянно бедные	Бывшие бедные
1	Повышение образования и квалификации	28,4	29,5	35,7
2	Поиск основной работы	26,9	32,6	31,0
3	Интенсификация труда	29,4	26,3	33,3
4	Поиск дополнительной работы	22,9	16,8	26,2
5	Развитие ЛПХ	23,4	18,9	19,0
6	Требования регулярности оплаты труда	11,9	15,8	11,9
7	Требования повышения заработной платы	9,5	15,8	16,7
8	Создание и развитие собственного дела	5,5	5,3	19,0
9	Использование оборудования предприятия в собственных целях	3,0	6,3	7,1
10	Сокращение, продажа ЛПХ	6,0	6,3	0,0
11	Снижение трудовой нагрузки	5,0	5,3	4,8
12	Сокращение дополнительной занятости	1,5	2,1	9,5
13	Требования регулярности и повышения социальных гарантий	1,0	4,2	2,4
14	Отсутствие специальных действий для улучшения положения на рынке труда	15,4	15,8	4,8

В годы рыночных реформ, по данным опросов населения и экспертов, к наиболее активным группам относились представители среднего трудоспособного возраста, со средним уровнем доходов, жители городов, крупных сел (преимущественно районных центров), урбанизированных районов, лица с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, занятые преимущественно в торговле. По статусу занятости — это наемные работники (главным образом квалифицированные рабочие и специалисты), а также самозанятые.

Активность сельских жителей на рынке труда также значительно дифференцирована в зависимости от статуса занятости, материального положения, социально-демографических характеристик и места проживания. Так, в годы реформ в первую очередь для сохранения социально-экономического положения, уровня жизни своей семьи подавляющее большинство сельских наемных работников увеличивали свою трудовую нагрузку, интенсивность труда — главным образом посредством дополнительной занятости и расширения семейного крестьянского хо-

зяйства [167, 180, 220]. Из-за плохой экономической ситуации на сельских предприятиях это происходило в условиях вынужденного сокращения занятости на основном месте работы как в административном порядке (путем перехода на условия неполной занятости), так и в скрытой форме. Наиболее распространенными стратегиями активности самозанятых и работодателей являлись развитие фермерских и семейных крестьянских хозяйств, занятость в торговле и строительстве, оказание транспортных и бытовых услуг [167, 180, 220].

По характеру активности экономическое поведение сельского населения на рынке труда отличалось большей традиционностью, консервативностью и пассивностью в сравнении с поведением горожан [167, 220]. Занятость селян преимущественно связана с такой ее традиционной формой, как ведение семейного крестьянского хозяйства. Более существенна среди сельских жителей доля реализующих пассивную стратегию, т. е. тех, кто не предпринимает специально никаких действий на рынке труда для улучшения своего положения (11 и 20% пассивных селян, по разным оценкам экспертов, против 9 и 14% пассивных горожан).

Главным образом в связи с отсутствием подходящих рабочих мест как в селах — местах постоянного жительства, — так и в близлежащих населенных пунктах, селяне реже по сравнению с горожанами имели возможность реализовывать стратегии конструктивного, инновационного (по воздействию на актора и рынок труда) характера. К последним относятся, в частности, повышение образования и квалификации в соответствии с требованиями рынка, поиск основного места работы и трудоустройство в соответствии с квалификацией, справедливое требование повышения заработной платы, развитие собственного бизнеса и др. Отсутствием рабочих мест объясняется и то, что более распространенными среди сельских жителей оказались такие действия, как трудоустройство на рабочие места, требующие более низкой квалификации, вынужденное снижение трудовой нагрузки, воровство и использование работниками оборудования и материалов предприятия в личных целях, оказывающие в целом негативное влияние на развитие рынка труда, но в сложившихся условиях позволяющие селянам выживать.

В сравнении с другими социально-доходными группами бедные чаще сокращали свои семейные крестьянские хозяйства, поскольку последние требовали дополнительных затрат, добивались регулярности выплаты заработной платы, искали любую работу (в т. ч. не связанную с образованием и профессией), были заняты преимущественно в низкодоходных отраслях экономики, «батрачили» у своих односельчан и в целом харак-

теризовались наиболее низкой социально-экономической и социально-политической активностью [167, 180]. Стратегия развития крестьянского хозяйства в большей степени связана с «середняками» (средней группой по уровню материального благополучия). Кроме того, они отличались самой высокой активностью и в других сферах: чаще требовали повышения заработной платы, использовали оборудование и материалы предприятия в личных целях. Для наиболее благополучной группы селян характерно было открытие и расширение бизнеса, занятость в более прибыльных отраслях, повышение образования и квалификации, дополнительная работа, как правило, в виде посреднической деятельности при реализации сельхозпродукции.

По мнению руководителей местных органов управления (администратий сельских районов), социально-экономические и социально-политические реформы 1990-х гг. значительно изменили интересы, ценностные ориентации и поведение сельской молодежи. Значительная часть молодежи уезжает в город, остаются лишь те, у кого нет денег на проезд, на учебу в городе, кто не смог найти работу в городе и считает, что легче прожить в сельской местности (таких в основном от 1/10 до 1/3 — в прямой зависимости от близости сельского района к крупным городам). При этом занятость сельской молодежи имеет часто временный характер, из-за отсутствия рабочих мест значительная доля молодых людей остается незанятой (при этом большая часть безработной молодежи остается незарегистрированной), что приводит к росту алкоголизации, наркомании, преступности, суицидов и других негативных явлений.

Стратегии активности сельских жителей во многом зависят от степени урбанизированности сельского района, размера поселения и типа (вида) расположенных в нем предприятий. Так, более значительные возможности в проявлении активности на рынке труда имеют жители урбанизированных сельских районов в сравнении с жителями слабоурбанизированных, периферийных районов. Близость к городам позволяет в большей мере развивать сельский бизнес, иметь постоянные и временные подработки в своем селе либо ездить с этой целью в другие населенные пункты, регионы. Жители неурбанизированных районов более активно занимались своими семейными крестьянскими хозяйствами, нежели были заняты на предприятиях общественного сектора. При переходе к рыночной экономике предпосылки к росту территориальной дифференциации в активности россиян на рынке труда еще более усилились.

Особенности трансформации процессов активности россиян на рынке труда в проблемных территориальных общностях с неблагополуч-

ными условиями жизнедеятельности связаны с усилением влияния негативных условий и реализацией неэффективных в социально-экономическом отношении стратегий активности. Среди таких особенностей можно выделить:

а) сравнительно низкую свободу выбора, ограниченность видов и форм активности на рынке труда. Появление новых форм и видов ограничивается неблагоприятными территориальными условиями. Жители проблемных, неблагополучных территориальных общностей (депрессивных и кризисных регионов, неурбанизированных территорий, малых, периферийных сельских поселений и др.) имеют значительно более низкие возможности получения рабочего места, соответствующего необходимым критериям (профессии, уровню оплаты труда и др.), смены работодателя, трудовой миграции. Из-за отсутствия рабочих мест социально-экономическая и социально-политическая активность жителей наиболее неблагополучных сельских поселений и регионов страны не только не возросла, но даже снизилась, появились села без работодателей;

б) снижение трудовой мотивации, социально-экономическую и социально-политическую пассивность на рынке труда, нежелание работать значимой доли населения, что связано с ростом неуверенности людей в своем будущем и будущем детей, потерей ориентиров и смыслов активности на рынке труда.

По мнению экспертов, в начале 2000-х гг. социально-экономическая активность населения агропромышленного региона лишь отчасти соответствовала потребностям экономики предприятий и региона (негативных оценок чуть больше, чем позитивных и нейтральных), оценка перспективных потребностей была еще менее оптимистична. Еще ниже оценивали эксперты активность населения на сельском рынке труда, большинство из них (свыше 60%) считали, что население ведет себя в основном пассивно, и лишь около трети из них давали средние (нейтральные) оценки;

в) преобладающую роль консервативных и латентных механизмов адаптации населения, массовый возврат к примитивным традиционным формам активности на рынке труда, самообеспечению. Социально-архаичными механизмами адаптации являются административные отпуска и длительные задержки по выплате заработной платы как инструменты поддержки избыточной занятости, массовое возмещение утраченного дохода в натуральной форме, главным образом путем сохранения и расширения ЛПХ или за счет иных форм неформальной низкоэффективной занятости, относящейся в основном к «экономике

выживания». Социально-экономическая активность в домашнем и личном подсобном хозяйствах заметно возросла не только среди сельского, но и городского населения.

Таким образом, в целом трансформационные процессы активности населения на рынке труда в проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности характеризуются сокращением не только реальных проявлений активности отдельных социальных групп, но и зачастую снижением ее потенциальных возможностей.

4. Развитие феномена индивидуализма в социально-экономической активности россиян при сокращении коллективистских начал. Разрушение коллективных устоев советского общества и идеологии коллективизма в период перехода к рынку привело к всеобщей индивидуализации российского общества, в т. ч. к индивидуализации сознания и поведения людей. Коллективное решение проблем на предприятиях в значительной мере уступило место индивидуальному.

По данным отечественных исследований, индивидуализация социальных обычаев и стилей жизни, тенденция ее роста в 1990-х гг. в России проявились особенно среди высокодоходных и отчасти — среднедоходных групп населения. Стремление к коллективности в занятиях, в действиях, как правило, с целью выживания было характерно в первую очередь для низкодоходных и частично среднедоходных слоев общества.

Не останавливаясь подробно на характеристике данного феномена, отметим, что это объясняется в первую очередь переходом к новой экономической системе, рынку, разгосударствлением и приватизацией. В этих условиях, наряду с крупными экономическими организациями, распространение получают и особую роль играют малые экономические единицы (самозанятые, малые предприятия).

5. Сравнительно высокая социальная мобильность россиян на рынке труда и кардинальные структурные изменения совокупности акторов. Особенности трансформации социальной структуры и социальной мобильности акторов на рынке труда заключаются в значительной динамике состава существующих и формировании новых субъектов активности, в т. ч. в: 1) в появлении социальных групп предпринимателей и работодателей; 2) в изменении состава работников предприятий, положения рядовых работников в качестве наемной рабочей силы, постепенном процессе осознания ими статуса наемных работников; 3) в существенном увеличении числа самозанятых и безработных. По данным опросов населения, кардинальные статусные изменения в сфере занятости (мо-

бильность по статусам занятости: наемный работник, работодатель, самозанятый, безработный) коснулись примерно 25% всех россиян. С учетом профессионально-квалификационной мобильности, связанной с изменением уровня квалификации рабочих, специалистов, служащих и руководителей предприятий, трансформационные изменения социальной структуры связаны примерно с 40% всего экономически активного населения.

Анализ динамики структуры занятости сельских работников младшего и среднего трудоспособного возраста (от 20 до 39 лет включительно) с начала 1990-х гг. показал, что 82% наемных работников сохранили свой статус занятости, 10% стали самозанятыми (занятыми только семейным крестьянским хозяйством, индивидуальной трудовой деятельностью, предпринимателями, не использующими наемный труд) и 8% — безработными (не имели работу на момент опроса). За рассматриваемый период доля наемных работников среди экономически активного населения сократилась примерно на 15% при более значительном увеличении удельных весов безработных, предпринимателей и особенно самозанятых. Положение мелкого предпринимателя и самозанятого многие респонденты нашли более предпочтительным, чем положение почти бесплатного наемного труженика сельскохозяйственного предприятия. С одной стороны, работник сам перешел в мелкие предприниматели, привлекаемый свободой и возможностью зарабатывать «свои кровные», с другой — к этому его подтолкнули массовая реорганизация сельхозпредприятий и закрытие объектов социальной сферы, приведшие к сокращению рабочих мест в явной или скрытой форме. Самозанятыми стали как бывшие рядовые работники (преимущественно квалифицированные рабочие и специалисты), так и руководители колхозов и совхозов. Среди безработных же оказались в равной степени неквалифицированные рабочие и служащие. В свою очередь категорию наемных работников пополнили главным образом бывшие учащиеся и студенты (17% нынешнего состава), среди представителей других категорий занятости — прежде всего самозанятые.

В целом изменение статуса занятости и положения в профессионально-квалификационной структуре коснулось в начале 2000-х гг. каждого третьего наемного работника. Наиболее стабильные позиции заняли квалифицированные рабочие, специалисты и служащие (примерно 70% из них сохранили свои позиции), наименее устойчивые — наемные руководители и неквалифицированные рабочие (только около половины из них не поменяли свой статус). Наиболее значительные изменения в профессионально-квалификационной структуре коснулись рядовых

работников: с одной стороны, уменьшилась доля квалифицированных рабочих и служащих (на 20% в обоих случаях), с другой — произошло более заметное увеличение доли не только неквалифицированных рабочих (на 35%), но и специалистов (на 23%). При этом доля молодых и среднего возраста руководителей высшего и среднего звена сократилась почти на 15%.

6. Неоднозначность социальных последствий как снижения, так и роста активности россиян на рынке труда. Что касается негативных социальных последствий снижения такой активности, то они достаточно хорошо известны и представлены во множестве работ по проблемам безработицы [2, 31, 46, 54, 77–81, 180]. Однако не столь однозначна, как ни странно на первый взгляд, необходимость повышения активности на рынке труда. С одной стороны, очевидны *позитивные социальные последствия роста социально-экономической и социально-политической активности населения на рынке труда*. Среди них — рост квалификации, конкурентоспособности рабочей силы; увеличение доходов, улучшение материального положения и условий жизнедеятельности населения; улучшение общей экономической ситуации и развитие экономики (в т. ч. рост производства, производительности труда); сокращение безработицы и, как следствие, исчезновение ее негативных социально-экономических, социально-политических и социально-психологических последствий — таких, как снижение уровня жизни, декартификация, рост социальной напряженности, криминогенности в локальном социуме и других социальных аномалий.

Наряду с позитивными необходимо отметить и большой ряд *негативных социальных последствий*, возникающих в первую очередь при использовании деструктивных, разрушительных стратегий социально-экономической активности. Важнейшими негативными последствиями являются ухудшение качества жизни людей, его отдельных составляющих, связанных с режимом труда и отдыха, в т. ч. ухудшение здоровья, сокращение продолжительности жизни, рост смертности среди лиц трудоспособного возраста, распространение трудоголизма как социальной болезни. Кроме того, распространение получили такие социальные процессы, как разрушение института семьи, рост числа разводов, сокращение времени на воспитание детей и молодежи, увеличение экономической нагрузки на детей и др.

Чрезмерный рост социально-экономической активности (часто во вред здоровью, семье, воспитанию детей) отдельных социальных групп в условиях отсутствия экономической свободы выбора можно

рассматривать как вынужденный, как социальное насилие над личностью. К формам его проявления относятся сверхвысокая интенсификация и экстенсификация труда. Низкий уровень развития экономики, рынка труда приводит к росту насилия трудом: работодатели заставляют увеличивать трудовую активность наемных работников сверх существующих социальных норм. В условиях потенциальной опасности потерять работу, разориться, оказаться безработными занятые (в первую очередь низкодоходные наемные работники, самозанятые и предприниматели) вынуждены интенсифицировать свой труд, искать дополнительную либо другую основную работу. В социально и экономически неблагополучных группах развиваются внутрисемейные формы насилия трудом.

* * *

В целом следует отметить, что анализ количественных и качественных характеристик процессов трансформации активности россиян на рынке труда в годы реформ, выделенных нами в методической части исследования (см. п. 3.1) на основе использования деятельностно-активистского, социоструктурного, неовиталистского и трансформационного подходов, позволили выявить следующие тенденции.

Социоструктурный анализ трансформации активности россиян на рынке труда показал, что данные процессы проявились в сравнительно высокой социальной мобильности россиян на рынке труда и кардинальных структурных изменениях совокупности акторов. Формирование рыночных отношений и другие проявления трансформации российского общества повлияли на повышение социально-экономической активности россиян. Но, по словам Б. В. Ракитского, «фактический мораторий на правопорядок, ставший необходимым сопровождением форсированного первоначального накопления, придал повышению экономической и социальной активности криминальный уклон» [149, с. 42].

Применение деятельностно-активистского подхода, в т. ч. анализа социальных взаимодействий, позволило выявить тенденции, связанные с развитием гибкости и многообразия способов зарабатывания, индивидуализацией социально-экономической активности при сохранении коллективистских ценностных начал.

На основе использования социального пространственно-временного аспекта анализа трансформационных процессов выявлены тенденции, связанные с неравномерностью динамики активности, значительным расслоением населения по возможностям ее проявления социальными группами, различающимися социальными позициями: статусом за-

нятости, доходами, демографическими, территориальными и другими характеристиками. Так, в неблагополучных условиях жизнедеятельности и социальной эксклюзии люди ограничены в возможностях выбора форм и видов социально-экономической активности, смены работодателя. В проблемных регионах и селах выше роль консервативных и латентных механизмов адаптации населения к новым условиям. Здесь высока доля людей с низкой трудовой мотивацией, не желающих работать. Но для большинства людей характерны вынужденная чрезмерная активность, что, с одной стороны, позволяет выжить, а с другой — приводит к беспрецедентному росту негативных социальных последствий.

Выделенные тенденции, с одной стороны, совпадают с общей динамикой и «обликом» трансформационных процессов, характерных для российского общества в целом (например, неравномерностью процессов, этапностью трансформации, индивидуализацией, социальным расколом общества и др.), а с другой — отражают специфику процессов активности на рынке труда, связанных с качественным изменением ее структурных компонентов.

4.2. Факторы трансформации активности населения на рынке труда

Исследования в области социальной трансформации в России и посткоммунистических странах [20, 53, 64, 65, 67, 70, 86, 105, 106, 156, 159, 182, 197, 198, 224] позволили нам выделить общие факторы трансформации активности населения на рынке труда. К таким факторам относится прежде всего переход от работы в условиях централизованной, плановой системы к деятельности в условиях рынка, от экономической изолированности — к интеграции в систему мирового капиталистического хозяйства. Переходный период в России сопровождался в экономике значительным спадом производства, производительности труда и ухудшением финансово-экономических характеристик предприятий (снижением уровня их рентабельности, ростом числа убыточных предприятий), а также сокращением количества и качества объектов производственной и непроизводственной инфраструктуры, увеличением изношенности их материально-технической базы, значительным сокращением ввода новых объектов.

В сфере занятости и социально-трудовых отношений трансформационные процессы были вызваны в первую очередь отказом от социалистической «всеобщности труда» и ликвидацией традиционной си-

стемы разделения труда между отраслями и регионами. Следствием перехода к рынку, открытому обществу и обозначенным выше процессам явилась трансформация структуры экономики и рабочих мест, выразившаяся в значительном росте и с середины 1990-х гг. преобладании занятости на предприятиях негосударственных форм собственности; в повышении занятости в отраслях непродовольственной сферы, сферы социального обслуживания (в т. ч. в отраслях сферы торговли, управления, финансово-кредитной и страхования, информационных и коммуникационных услуг), в производственной сфере — в росте занятости в добывающей промышленности, сельском хозяйстве и др.; в развитии малого бизнеса, существенном росте количества малых предприятий и численности занятых на них; в переходе от дефицита рабочей силы к его избытку, в значительных масштабах скрытой безработицы, росте реальной безработицы.

Основными социальными последствиями переходного периода являются значительное падение уровня жизни и реальных доходов населения, рост бедности и усиление территориальной, отраслевой, профессионально-квалификационной дифференциации доходов, трансформация структуры источников их формирования (снижение доли заработной платы, рост доходов от предпринимательства, собственности, различных финансовых источников).

Следствием периода реформ является также институциональная и «культурная трансформация», включающая в себя изменение социальных норм, ценностей и «правил игры» экономических акторов, переход от социальной безопасности, социального иждивенчества к рыночному мышлению и деятельности, повышенной личной ответственности, несению социальных рисков. По словам Р.В. Рывкиной, в переходной России происходит культурная переориентация в экономическом поведении, т. е. усвоение его новых стереотипов, «соответствующих рыночной экономике и культуре цивилизованных стран мира» [161, с. 278].

Особо можно выделить также влияние общественно-политической трансформации, выразившееся не только в реконструировании социальной и экономической политики, но и в кардинальном изменении политического сознания и политической активности россиян, формировании новых интересов социально-экономических групп российского общества, создании политических институтов и организаций нового типа, развитии солидарности наемных работников в отстаивании своих экономических интересов и появлении профсоюзов нового типа и других общественных организаций.

Важную роль в активности населения на рынке труда играют характеристики условий жизнедеятельности населения в территориальной (региональной и поселенческой) общности. Что касается **специфических региональных факторов**, определяющих особые стратегии поведения жителей и масштабы их распространения в регионах, то, в частности, в проблемных регионах к ним относятся:

1. *Спад производства в больших масштабах, чем по стране, более неблагоприятное финансовое положение предприятий* (большая доля нерентабельных, убыточных предприятий, в большей степени изношенность их основных производственных фондов) *и финансовое состояние бюджета региона, более низкий уровень развития рыночной инфраструктуры*. Как следствие — возможности роста социально-экономической активности поведения населения в таких регионах заметно ниже, чем в среднем по России. При этом многие негативные процессы определяются неблагоприятной отраслевой специализацией региона.
2. *Более слабое развитие рынка труда*, в т. ч. ограниченная свобода выбора основной и дополнительной занятости, сочетание относительно высокого (в сравнении с нормативным) уровня реальной безработицы с крупномасштабной скрытой и относительно низким уровнем официально зарегистрированной безработицы, значительная теневизация рынка труда, экономические диспропорции в отраслевой структуре занятости. В частности, для агропромышленных регионов характерна высокая доля занятых в сельском хозяйстве (25,8% в Алтайском крае против 13,0% в РФ в 2000 г.¹).
3. *Низкий уровень жизни*, в т. ч. низкий уровень развития социальной инфраструктуры, особенно в сельской местности, низкие реальные доходы и покупательная способность населения на фоне высокого уровня социального расслоения. Проблемные регионы отличает *более высокий уровень натурализации доходной части бюджетов домохозяйств, формирование доходов сельских жителей во многом за счет личного подсобного хозяйства*.

¹ Здесь и далее используются данные государственной статистики, представленные в Российском статистическом ежегоднике и других сборниках Госкомстата РФ, а также в региональных статистических сборниках (Алтайского краевого комитета статистики и др.).

4. Особенности региональной социальной и экономической политики, более низкая социально-политическая активность населения².

Кроме региональных факторов, огромное значение имеют **факторы развитости локальных рынков труда**. Дифференцированный анализ локальных рынков труда на примере городов Алтайского края в первой половине 1990-х гг. позволил выявить качественные различия в уровне состояния социально-экономической активности и в перспективах ее изменения [167, 220]. В частности, в результате анализа выделено четыре типа городов, существенно различающихся между собой по вышеуказанным характеристикам, различия между отдельными характеристиками данных типов достигали на момент анализа 10–20 раз и в дальнейшем продолжали расти.

На основе статистических данных и результатов экспертного опроса руководителей предприятий и региональных органов управления выявлены основные факторы, детерминирующие развитие локальных рынков труда. К наиболее значимым из них относится общее социально-экономическое положение в стране, в регионе и на отдельных предприятиях. В середине 1990-х гг. это проявилось в потере предприятиями рынков сбыта производимой продукции, ее сравнительно низкой конкурентоспособности, высоких налогах и тарифах на коммунальные услуги, транспорт и электроэнергию, неплатежеспособности значительного числа предприятий, дефиците инвестиций и др.

Другой группой факторов воздействия на активность населения на рынке труда являются размер города (численность населения), специализация и структура его экономики, структура занятости. В небольших городах возможность трудовой мобильности населения значительно ограничена в сравнении с крупными городами, обладающими гораздо большим потенциалом для трудовой мобильности, разнообразием сфер приложения труда и вакантных рабочих мест. При этом небольшие сибирские города часто отличаются моноотраслевой специализацией (аграрной либо промышленной). В 1990-х гг. положение в отраслях специализации таких городов было тяжелым, что приводило к значительному высвобождению рабочей силы. Результаты проведенного нами исследования показали высокую значимость данного фактора: все локальные «очаги низкой социально-экономической активности», образовавшие наиболее неблагополучный тип, являются малыми и средними городами с аграрной либо моноотраслевой промышленной специализацией [167, 220].

² Подробнее о факторах экономической активности жителей в проблемных регионах см. в работах автора [164, 165, 167].

Третью группу факторов образуют характеристики эффективности деятельности местных центров занятости (их активность и финансовые возможности), о чем, в частности, свидетельствуют существенные различия в общей и официально зарегистрированной безработице.

Особое место в ряду факторов активности населения на рынке труда, как отмечалось в п. 2.1, занимают **социально-экономические потребности, интересы, мотивация, сознание и культура людей**. Так, российские исследования (З. Голенковой, Л. Гордона, С. Григорьева, Э. Клопова, Л. Косалса, Ю. Левады, Р. Рывкиной, В. Ядова и др.) показали, что трансформация социально-экономической среды, изменение условий жизнедеятельности различных социально-экономических групп российского общества в 1990-х гг. способствовали кардинальному изменению их социально-экономических и социально-политических интересов и сознания, что проявилось в формировании новых представлений о социальной справедливости, иного отношения к собственности как социальному институту, дифференциации по доходам и иным экономическим благам, предпринимательской и иной экономической деятельности и др. Социально-экономические и социально-политические трансформации в российском обществе привели к росту противоречивости, парадоксальности в сознании и культуре россиян. С одной стороны, россияне искреннее ратуют за экономический правопорядок, его рост и в то же время считают не только возможным, но и необходимым его нарушить «для пользы дела». Например, в 1990-х гг. были распространены статьи о том, как уйти от налогов; бизнесмены открыто высказывались в СМИ о том, что если бы они не прятали доходы, предприятие бы не поднялось и не выжило. Рост экономической преступности был сопряжен в значительной степени и с ростом бедности. Селяне воровали все, что могли, у бывшего колхоза, и отношение россиян к этому явлению было довольно лояльным.

Факторы активности населения на рынке труда агропромышленного региона. В результате изучения активности на рынке труда жителей Алтайского края как одного из агропромышленных регионов России (на основе проведенных выборочных и экспертных опросов) нами выделены основные факторы такой активности.

Основными факторами, стимулирующими активность на рынке труда, по мнению населения, являются, во-первых, **материальные стимулы**: рост доходов, улучшение материального благосостояния¹. Во-вто-

¹ Низкодоходные респонденты характеризовали этот мотив как «стремление выжить», «удержаться на плаву».

рых, это *стимулы самореализации и саморазвития*: желание использовать собственный потенциал (образование, квалификацию, опыт, личностные качества), карьерный и профессиональный рост. В-третьих, это *влияние социальных сетей*: связи, поддержка родных и друзей, их рекомендации.

В качестве главных мотивов трудовой деятельности *наемные работники* выделили размер и регулярность заработной платы, условия и режим труда и социально-психологический климат в коллективе. Мнение наемных работников во многом совпадает с мнением экспертов-работодателей (руководителей крупных и средних предприятий). К основным мотивам трудовой деятельности, а также причинам приема и увольнения работников предприятий большинство работодателей отнесли размер и регулярность выплаты заработной платы. При этом почти половина (47%) опрошенных руководителей предприятий считает, что *размер заработной платы*, как и ранее, *является первопричиной в стимулировании работников к труду*, и почти три четверти (73%) убеждены, что *регулярность ее выплаты занимает второе место по значимости*².

Далее с большим отрывом от первых двух мотивов и причин следуют условия и режим труда. На третьем месте — комплекс дополнительных социальных выплат и услуг, оказываемых на предприятии, а также надежды, связанные с его социально-экономическим развитием. Надо отметить, что в 1980-х гг. различные социальные блага, выделяемые на предприятии (жилье, автомобили и другие дефицитные товары, места в детских учреждениях, путевки в санатории, профилактории и др.), наряду с размером заработной платы, входили в состав ведущих трудовых мотивов [12, 182, 208, 209]. В начале 2000-х гг. представления работодателей о значимости социальных благ и услуг, выделяемых на предприятии, так же, как и о значимости условий и режима труда, очень сильно колебались в зависимости от отраслевой принадлежности, размера и формы собственности самого предприятия — от второго до восьмого места в ранжировании из девяти возможных вариантов.

Еще меньшую значимость имеют такие характеристики, как возможности повышения уровня образования и квалификации, профессионального роста, а также социально-психологический климат в трудовом коллективе, получившие при этом самые большие различия в оценке (от первого места до последнего девятого). И, наконец, дивиденды и дру-

2 Значимость размеров заработной платы как первопричины увольнения работников предприятий соответствует результатам проводимых нами исследований в середине 1990 гг. Регулярность же выплат зарплаты не имела в тот период большой значимости.

гие выплаты на предприятии (кроме заработной платы), преданность трудовому коллективу и стаж работы не играли, по мнению экспертов, в начале 2000-х гг. существенной роли в стимулировании трудовой деятельности, в причинах приема и увольнения работников предприятия. И, по результатам более поздних исследований, в конце рассматриваемого десятилетия картина практически не изменилась.

Выбор стратегий активности на рынке труда существенно зависит от демографических характеристик акторов (пола, возраста и др.). Так, в годы реформ в стране наблюдался процесс «старения» персонала промышленных предприятий. Например, в Алтайском крае в 1990 г. основная масса работников находилась в возрасте 30–40 лет, а в 2001 г. — в возрасте 40–50 лет. Возраст каждого третьего руководителя, главного и ведущего специалиста превысил 50 лет, в т. ч. среди главных и ведущих специалистов конструкторско-технологических служб таковых более $\frac{3}{4}$, из них каждый третий — старше 60 лет. Несмотря на принятые со второй половины 2000-х гг. меры по реформированию начального профессионального образования и стимулированию интереса к рабочим профессиям, наставничества, демографическая ситуация на промышленных предприятиях сильно не изменилась (возраст большинства таких работников в Алтайском крае перевалил за 50 лет).

Для *предпринимателей — представителей малого бизнеса (самозанятых и работодателей)* — кроме материального стимула и желания самореализоваться, важным фактором социально-экономической активности являются также наличие стартовых условий для бизнеса, потенциал предприятия, внешние условия (созданные социально-экономические и правовые условия в стране и регионе, в т. ч. стабильность государственной экономической политики, правовая и социальная защищенность предпринимательства), а также возможность предоставления рабочих мест для членов семьи и других родственников [220, с. 140–141]. *Руководители крупных и средних предприятий* на первое место среди стимулов их социально-экономической активности ставят возможность самореализации и саморазвития, на второе место — рост доходов. Далее следуют наличие стартовых условий, потенциал предприятия, поддержка со стороны региональных и местных органов управления.

Особый интерес представляет анализ *препятствий социально-экономической активности*. По мнению всех опрошенных, независимо от их положения в сфере доходов и занятости основными препятствиями являлись отсутствие собственных денежных накоплений, недостаток образования, квалификации и опыта [220, с. 142–145]. *Предприниматели*

ли-представители малого бизнеса, как работодатели, так и самозанятые, подчеркнули высокую значимость внешних социально-политических и социально-экономических факторов, выделив в первую очередь высокие налоги (свыше половины представителей рассматриваемых групп, в т. ч. 70% высокодоходных), неблагоприятную социально-экономическую и социально-политическую обстановку в стране, неустойчивую экономическую политику и финансовый кризис 1998 г. (оценки колеблются от 60 до 80%) и низкий социально-экономический потенциал региона (40–60%) [220, с. 143–144]. Негативное влияние на их социально-экономическую активность оказывает также неразработанная правовая база предпринимательской деятельности (по мнению более трети высоко- и среднедоходных предпринимателей), взяточничество государственных чиновников и другие препятствия со стороны региональных и местных органов управления (по мнению каждого пятого, в т. ч. каждого третьего низкодоходного работодателя). Причем низкодоходные представители малого бизнеса в большей степени подчеркнули отсутствие необходимых средств для открытия и развития бизнеса, среднедоходные работодатели — необходимых знаний и опыта, сложность получения кредитных ресурсов.

Руководители крупных и средних предприятий связывают самые большие преграды своей социально-экономической активности с экономическим положением самого предприятия, а именно: изношенностью основных фондов (отметили почти 2/3 экспертов) и недостатком оборотных средств (так считают чуть менее половины экспертов). Среди внешних антистимулов наибольший вес получили неразработанность правовой базы и отсутствие заемных средств, низкая возможность получения кредита (отметил каждый третий респондент).

Основными препятствиями социально-экономической активности для *наемных работников* являются, по их мнению, низкая заработная плата (так считает почти половина низкодоходных и 40% среднедоходных респондентов) и отсутствие денежных накоплений (это мнение разделили каждый третий высокодоходный представитель группы и каждый четвертый средне- и низкодоходный) [220, с. 142]. Высокооплачиваемые работники чаще отмечали в качестве препятствий недостаток образования, квалификации и опыта (почти половина таких респондентов, что в два с лишним раза больше, чем в группе низкодоходных).

Безработные отметили отсутствие рабочих мест с нормальным уровнем либо стабильной заработной платой, соответствующих специальности. Значительными препятствиями для них также являются отсутствие

собственных денежных накоплений и недостаток образования, квалификации и опыта [220, с. 145].

Анализ основных причин, стимулирующих социально-экономическую активность низкодоходных респондентов, позволил выявить сравнительно низкую мотивацию последних к повышению доходов и самореализации в сфере доходов и занятости. В исследуемой группе в полтора раза меньше, чем в группах с более высокими доходами, тех, кто в качестве причин выбора стратегий на рынке труда выделил стремление повысить доходы и улучшить материальное положение семьи (56% против 84 и 87%), почти в два раза меньше тех, кто хотел самореализоваться (26% против 49 и 51%). С другой стороны, ухудшение материального положения семьи и стремление выжить явились причиной роста социально-экономической активности для более 1/3 представителей низкодоходной группы, что на 6 п.п. выше аналогичной доли в среднедоходной группе.

Среди представителей бедных групп трудоспособного возраста значительна выше доля тех, кто в период реформ оставался пассивным, целенаправленно не осуществлял ни одну из стратегий активности на рынке труда для улучшения своего социального положения (от 12 до 15% в группах, различающихся статусом занятости). Это в два раза больше аналогичной доли в группе среднедоходных и в четыре раза — в группе высокодоходных. Кроме причин объективного характера, определивших пассивный тип поведения на рынке труда (сокращение рабочих мест, трудности в организации собственного дела и другие проблемы, названные в основном низкодоходными безработными), пятая часть низкодоходных респондентов отметила отсутствие необходимости в осуществлении этих действий, их «устраивало существующее положение». В среднедоходной группе доля таких значительно меньше, а в высокодоходной таковых нет.

Таким образом, результаты наших исследований в очередной раз подтвердили мнение ученых о том, что низкий уровень доходов, падение его далеко за границы, необходимые для социального воспроизводства, приводят к снижению (часто вплоть до исчезновения) стимулов людей к улучшению своей жизни. Они все больше скатываются на позиции социальной и трудовой пассивности, связанной с отсутствием веры в жизненные перспективы.

Потенциальная и реальная бедность, стремление выжить, улучшить свое материальное положение формируют также специфические стратегии поведения на рынке труда: например, они заставляли часть людей отказываться от интересной, содержательной работы в пользу спекуляции и торговли. Другая часть населения увеличивала свои доходы пу-

тем экстенсификации и интенсификации своего труда (совместительство, занятость в ЛПХ и др.).

Факторы активности на сельском рынке труда. В годы реформ в аграрном секторе экономики произошли кардинальные изменения, проявившиеся в развитии многоукладности, неэффективной «капитализации», экспансии мелкотоварного производства, деградации социальной сферы села [77–81]. По мнению большинства экспертов (80% ответов), ситуация на сельском рынке труда за годы реформ значительно ухудшилась и определялась почти до середины 2000-х гг. ухудшением экономического и финансового положения агропромышленного комплекса в целом, в т. ч. снижением производственного потенциала, значительным износом материально-технической базы сельскохозяйственного и других видов производства на селе, высокими ценами на материально-технические ресурсы, проблемами со сбытом сельхозпродукции [4, 26, 32–34, 77–81, 108, 109, 154, 156, 182, 204, 205, 212, 216].

Динамика валовой продукции сельского хозяйства в изучаемых регионах (Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай) характеризовалась крайней неустойчивостью. При этом в 1992–1997 гг. преобладающей была тенденция сокращения объемов производства, и лишь с 1998 г. удалось переломить негативные процессы. С этого времени наблюдался рост с колебаниями в неблагоприятные в природно-климатическом отношении годы (например, засуха в 2012 г.) [167; 180, с. 160–196; 202]. Наряду с акционированными коллективными и фермерскими хозяйствами ведущим сектором аграрной экономики стали личные подсобные (семейные крестьянские) хозяйства. Доля семейных хозяйств в сельскохозяйственном производстве в анализируемый период увеличилась более чем в два раза и превышала в отдельные годы 50%.

По мнению экспертов, основным стимулом активности населения на сельском рынке труда является стремление повысить уровень материального благосостояния семьи (так считают свыше 80% экспертов). Кроме того, на социально-экономическую активность благоприятно влияют такие условия, как наличие стартового капитала для занятия бизнесом, практический опыт и высокий уровень образования, квалификации, а также рекомендации и связи (17–22%), несколько в меньшей степени — наличие вакантных рабочих мест и доступность информации о них, а также личные качества человека. К основным дестимуляторам активности относятся отсутствие требуемых вакансий, недостаток опыта, образования и квалификации (около 40–45%). Мешают активности также отсутствие заемных средств, сложность получения

кредитов (26%) и, что вполне очевидно, преклонный возраст и плохое здоровье (17%). Причем низкий уровень жизни имеет неоднозначное влияние: в одном случае стимулирует активность, стремление выжить (более 50% ответов экспертов), в другом — гасит, в т. ч. порождая иждивенческие настроения (70%).

Сами сельские жители к наиболее сильным мотивирующим факторам активности на рынке труда относят экономическое стимулирование, в т. ч. увеличение заработной платы, ее регулярную выплату (67%). На социально-экономическую активность влияют также здоровье и возраст (38%), статус занятости и должность, условия труда, а также стабильность, уверенность в завтрашнем дне и социальные гарантии (по 20–25%). Примерно каждый десятый респондент отмечает в качестве значимых факторов социально-психологический климат в коллективе и отношение руководителей к работникам, опыт работы и профессионализм, наличие первоначального капитала и связей, возможность выбора рабочих мест.

Значимость факторов трудовой деятельности сельских наемных работников практически совпадает со значимостью аналогичных факторов для наемных работников, проживающих в агропромышленном регионе. Сельские наемные работники также считают наиболее важным в трудовой деятельности размер заработной платы (почти 90% ответов) и регулярность ее выплаты (77%). От 30 до 40% респондентов отмечают условия и режим труда, выплату премий и других доходов кроме зарплаты, а также различного рода социальные льготы, предоставляемые работникам на предприятии, в т. ч. жилье, льготное питание, путевки в дома отдыха, санатории, места в детских садах и др. Для каждого пятого сельского работника важным является социально-психологический климат в трудовом коллективе. Реже отмечаются возможность повышения уровня образования и квалификации, продвижения по службе, карьерный рост и содержание труда, возможность реализации творческого потенциала.

Подробнее остановимся на *анализе мотивов ведения ЛПХ* как важнейшей стратегии социально-экономической активности, особенно на селе. Высокий уровень бедности вынуждает население страны, и прежде всего сельское, адаптироваться к социально-экономическим условиям, поддерживать или улучшать свое материальное положение путем самообеспечения. *Производство продуктов для собственного потребления* по-прежнему является определяющим мотивом ведения семейного хозяйства работниками сельскохозяйственных предприятий

(90% респондентов). Важнейшим фактором является и *материальный мотив, стремление получить дополнительный денежный доход*. Получая доходы от семейного подворья, сельская семья стремилась *повышать качество своей жизни и приблизиться к стандартам «городской жизни»* (покупка электротоваров, одежды и обуви, строительство и приобретение нового жилья). Однако неразвитость системы жизнеобеспечения населения в российской деревне, сельской инфраструктуры и понижение уровня обеспечения продовольствием со стороны сельскохозяйственных предприятий и потребительских коопераций способствовали тому, что большая часть произведенного сельскими хозяйствами продовольствия используется ими для собственного потребления. Кроме того, по-прежнему значимым мотивом остается *потребность работать на земле*. Таким образом, семейное крестьянское хозяйство по-прежнему является для сельского жителя единственным прибежищем от всех невзгод, а также источником жизнеобеспечения как селян, так и их городских родственников.

Мы согласны с В. Кузнецовым, А. Тарасовым и другими исследователями, что в переходной экономике России вследствие влияния известных макроэкономических факторов социально-экономическая активность, связанная с ведением семейного крестьянского хозяйства, определяется нижним пределом существования сельской семьи, обеспечивающим ее физическое выживание и сопротивление внешним экономическим условиям [107]. К ним относятся в первую очередь низкая и нерегулярная заработная плата, понижение общего уровня поддержки сельской семьи со стороны сельскохозяйственных предприятий. Семейное крестьянское хозяйство находилось почти до середины 2000-х гг. вне существующей системы государственной поддержки цен и доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей [107, с. 38], ситуация изменилась с реализацией национального проекта и программ по развитию АПК, социально-экономическому развитию села [4, 202].

Доходы как фактор трансформации активности россиян на рынке труда: тенденции формирования и использования. Одним из наиболее важных факторов трансформации активности россиян на рынке труда в годы реформ являются доходы, процессы их формирования и использования. Социально-экономические преобразования российского общества последних двух десятилетий привели к существенным изменениям положения людей в сфере доходов. Российские тенденции сферы доходов населения 1990-х гг. сформированы под влиянием перехода к рынку, процессов глобализации, трансформации социальной структуры и со-

циально-экономической политики. Наряду с общероссийскими факторами в регионах действовали специфические факторы социальной дифференциации и роста «проблемности», к которым относится целый ряд экономических (потенциал, ресурсная обеспеченность, отраслевая специализация, доступ к зарубежным партнерам, экономическая конкурентоспособность, инвестиционная привлекательность, уровень федеральной поддержки), политических (политическая нестабильность, высокая ротация руководства), исторических особенностей их развития и территориальной расположенности (периферийности).

Рассмотрим тенденции сферы доходов населения России и Алтайского края, одного из сибирских регионов агропромышленной специализации, за два десятилетия реформ, обратив особое внимание на специфику изменений уровня и структуры доходов, процессов бедности и социального расслоения в крае на фоне регионов Сибирского федерального округа и России в 1990-х гг., период экономического роста (2000–2008 гг.) и кризисного 2009 г.

В 1990-х гг. в России наблюдался постоянный рост номинальных *среднедушевых доходов населения*, лишь отчасти погашающий влияние инфляционного роста цен. Вместе с тем уровень среднедушевых денежных доходов населения Алтайского края в тот период оставался значительно ниже среднероссийского и среднесибирского уровней и этот разрыв постепенно увеличивался. В начале реформ (1992 г.) доходы населения края составляли 77,5% от аналогичной величины для России в целом. Вплоть до дефолтного 1998 г. регион ухудшал свои позиции: среднедушевые доходы жителей края упали до 52,6% от доходов россиян и до 63,1% — от доходов жителей регионов Сибирского федерального округа.

Годы реформ характеризуются процессом усиления межрегиональной дифференциации по доходам населения. В 1990-х гг. значительно усилились имевшиеся и в прошлом различия в динамике доходов населения между проблемными и относительно благополучными, аграрными и так называемыми сырьевыми регионами России. Так, значительное отставание по оплате труда наблюдалось (до 2,5–3 раз) между Алтайским краем и такими регионами Сибирского федерального округа, как Кемеровская и Томская области, Красноярский край.

Годы экономического роста отразились на улучшении рассматриваемого положения региона относительно Сибирского федерального округа (СФО) и страны (*табл. 4.6*), и в 2008 г. уровень среднедушевых доходов жителей Алтайского края достиг 65,3% от значения аналогичного показателя по России и 75,8% — от средней по регионам СФО.

К началу экономического кризиса Алтайский край почти восстановил свои позиции в сфере денежных доходов населения среди регионов России в сравнении с началом реформ. Кризис заметно отразился на ухудшении положения края, и даже в более успешном 2011 г. уровень среднедушевых доходов жителей края достигал только 60,2% от значения аналогичного показателя по России и 75,4% — от средней по регионам СФО. Среди регионов Сибири Алтайский край характеризуется наименьшим значением среднедушевых доходов, в годы экономического роста хуже положение было, как правило, только у жителей Республик Тыва и Алтай (например, в 2008 и 2010 гг. край опережал только Республику Тыва).

Таблица 4.6

Среднедушевые доходы населения, руб. в месяц

Показатель	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	2281	8088	14864	16895	18951	20755
Сибирский федеральный округ	1933	6731	13045	13714	15007	16568
Алтайский край	1224	4640	9974	9868	11029	12500

Источник: данные Росстата.

Динамика реальных располагаемых денежных доходов жителей Алтайского края двух десятилетий реформ (1990–2009 гг.) характеризуется следующими трендами:

- пиком обвального падения в 1991–1992 г. (период либерализации);
- кратковременным ростом в 1,4 раза в 1994 г. (массовая приватизация);
- постепенным снижением в 1995–1999 гг. (адаптационный период перехода к рынку в условиях инфляционного роста, дефолт рубля);
- сравнительно устойчивым их увеличением в 2000–2008 гг., во второй половине десятилетия — годовыми темпами от 7,5 до 25,8% (годы экономического роста, благоприятная международная конъюнктура цен на энергоносители);
- существенным сокращением в период глобального экономического кризиса (на 14,2% в 2009 г.) и началом восстановления позиций в последние годы (рис. 4.4).

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.4. Динамика реальных доходов населения и реальной начисленной заработной платы работающих в экономике России и Алтайского края в 1992–2009 гг. (нарастающим итогом к 1991 г.), %

В целом характер динамики реальных доходов жителей края соответствовал общероссийским тенденциям, однако темпы падения доходов в 1990-х гг. значительно превосходили средний уровень по России, что обусловило их значительно более низкий уровень — 18,8% от дореформенного уровня против 46% по стране (рис. 4.4). В годы же экономического роста (2000–2008 гг.) реальные доходы жителей Алтайского края росли более высокими темпами в сравнении с Россией и увеличились в 2,9 раза, что выше значения аналогичного показателя по стране (2,6 раза).

Таким образом, несмотря на более интенсивный восстановительный рост доходов жителей Алтайского края в годы экономического роста, к концу рассматриваемого периода двух десятилетий реформ реальные доходы населения региона составили менее половины от дореформенного уровня (46,8% в 2009 г. к уровню 1991 г.). Даже накануне глобального экономического кризиса (2008 г.) край смог выйти только на уровень 54,5% от дореформенного уровня реальных доходов, тогда как Россия

уже в 2006 г. преодолела этот рубеж и без потерь в 2009 г. достигла почти 20 %-ного опережения (119%).

Реальная начисленная месячная заработная плата работающих в экономике Алтайского края практически в целом повторяет в своей динамике тренд реальных доходов (рис. 4.4). Со второй половины 2000-х реальная заработная плата росла чуть менее интенсивно, чем реальные доходы. В 2008 г. отставание составило 48% от дореформенного уровня против 54,5% по реальным доходам, как уже отмечалось выше. Кризис 2009 г. практически выровнял позиции реальной зарплаты и реальных доходов относительно дореформенного уровня (47,2 и 46,8%). Несмотря на рост в 2,4 раза реальной начисленной заработной платы в годы экономического роста (2000–2008 гг.), в т. ч. сравнительно устойчивый годовой прирост в пределах от 6,3 до 15,4%, как уже отмечалось, к началу глобального кризиса сохранилось существенное отставание уровня среднемесячной зарплаты от значения аналогичного показателя по России и Сибирскому федеральному округу.

Среди регионов Сибири в годы экономического роста Алтайский край характеризуется одним из наименьших значений среднедушевых доходов. Хуже положение было, как правило, только у жителей Республик Тыва и Алтай (в предкризисный 2008 г. край опережал только Республику Тыва). С 2001 г. Алтайский край стабильно занимает последнюю позицию по заработной плате с существенным отставанием от ближайших соседей (ими также являются Республики Алтай и Тыва).

Структура доходов населения также претерпела значительные изменения. По данным статистики, удельный вес оплаты труда сократился с 76% в 1990 г. до 64% в 2000 г. и выросла доля таких статей, как доходы от предпринимательской деятельности (более чем в 4 раза) и от собственности (почти в 3 раза). Для сравнения: в США доля заработной платы в совокупных доходах населения равна 70%, в Японии — 94%. Одновременно происходило сокращение затрат предприятий на рабочую силу: во второй половине десятилетия эта доля в общей структуре затрат на производство продукции (работ, услуг) составила менее 30%, что в два-три раза ниже уровня развитых в экономическом отношении стран. В 1990-х гг. в России происходило то, что К. Маркс назвал *относительным обнищанием*: снижение доходов населения по сравнению с ВВП. По словам Ю. Овсиенко и Н. Петракова, «относительное обнищание категорий населения, у которых заработная плата являлась главным источником дохода, — один из важнейших элементов в цепи марксовых доказательств роста эксплуатации наемных работников и необходимости замены капитализма социализмом» [127, с. 68].

Статистический анализ показал, что с момента распада СССР динамика соотношения оплаты труда и ВВП в России стала прямо противоположной: в 1987 г. оплата труда в СССР (зароботная плата плюс общественные фонды потребления) составляла 58,3% валового национального продукта (ОФП — около 20% ВВП, разница между ВВП и ВВП тогда была пренебрежительно мала), в течение 1992–2000 гг. оно ни разу не поднялось даже до 30%, а минимального значения достигло в 2000 г., составив 24,3% [127, с. 70]. Если принять, что за рассматриваемый период объем ВВП в России снизился вдвое, то реальная оплата труда сократилась примерно в пять раз. Это привело к существенному превышению стоимости рабочей силы над заработной платой. В результате последняя лишь в ограниченном объеме обеспечивает воспроизводство рабочей силы, стимулирование трудовой активности наемных работников и регулирование потребительского спроса.

Таковы темпы относительного обнищания населения в среднем по России, хотя для людей с оплатой труда ниже средней они существенно выше. Именно низкая заработная плата явилась причиной формирования в годы рыночных реформ слоя «новых бедных» или «работающих бедных», основу которых составляют низкооплачиваемые занятые. Для сравнения в развитых странах в этот период тенденция была прямо противоположной: в США доля оплаты труда наемных работников выросла с 59,8% до 69,3%, соответствующая динамика по 24 странам с рыночной экономикой равна 11,6% [127, с. 70].

Новые экономические условия в переходный период к рынку существенно трансформировали *структуру доходов населения* в регионах СФО. В Алтайском крае удельный вес оплаты труда сократился с 73,3% в 1990 г. до 38,5% — в 2000 г., что существенно ниже значений аналогичного показателя по Сибири и России в целом.

К *региональным особенностям изменений в структуре доходов населения* Алтайского края в 1990-х гг. относятся более низкие по сравнению с российскими значениями динамика и удельный вес доходов рыночного характера, связанных с предпринимательством, развитием институтов собственности и финансовой сферы, в общей структуре доходов населения и одновременно более высокие динамика и доля социальных трансфертов как показателя дотационности региона. В 1990–2000 гг. в крае в 1,8 раза вырос удельный вес доходов от предпринимательской деятельности и собственности — с 11 до 20,3%. Максимальная величина данной статьи доходов зафиксирована государственной статистикой в 1998 г. — 37,5%.

Доля социальных трансфертов в структуре доходов жителей края в тот же период выросла в полтора раза — с 12 до 18,1%. К началу периода экономического роста сформировалась наиболее значительная зависимость жителей Алтайского края от государственных социальных трансфертов в сравнении с жителями других регионов Сибирского федерального округа.

Данные краевой статистики свидетельствуют о том, что годы экономического роста не способствовали увеличению удельных весов ключевых элементов структуры доходов жителей региона: оплаты труда, доходов от предпринимательской деятельности, социальных трансфертов и доходов от собственности. Доли первых двух источников доходов сократились к началу глобального экономического кризиса на 4,8 п.п., удельный вес социальных трансфертов и доходов от собственности почти не изменился. Вместе с тем значительное увеличение произошло в группе «других» доходов» (на 10,7 п.п.), что говорит прежде всего о проблемах ухода доходов в «тень» и низкой возможности их адекватной статистической оценки. В частности, в заработной плате по-прежнему не учтена часть доходов жителей края, имеющих аналогичную (зарплатную) «природу» и отнесенных в статистике региона к группе «других доходов». В Алтайском крае «другие доходы» в 2008 г. составляли 29,6%, тогда как значение этого показателя в России равно только 2% (колеблется в этих пределах на протяжении всего десятилетия). В российской методике оценки структуры доходов производится пересчет (с 1995 г.), подавляющая часть «других доходов», имеющих характер скрытой заработной платы, переносится в статью «оплата труда». Это создает препятствие для сравнительного анализа положения региона на фоне страны.

На изменение структуры источников формирования денежных доходов населения повлияло не только значительное снижение реальной начисленной заработной платы работников предприятий, но и ее массовые задержки. С середины 1990-х гг. возникают и «процветают» массовые задержки по выплате заработной платы, что значительно снижает в конечном итоге реальные доходы, как правило, низкодходных групп населения. Так, к концу 1990-х гг. объем просроченной задолженности в Алтайском крае был равен размеру почти четырехмесячного фонда оплаты труда предприятий (тогда как в среднем по стране значение этого показателя, как правило, не превышало трехмесячного фонда), на отдельных предприятиях задолженность достигала величины, почти равной годовому фонду. В годы экономического роста ситуация значительно улучшилась, но и в середине десятилетия средняя продолжительность невы-

плат заработной платы (отношение общей просроченной задолженности к начисленному месячному фонду оплаты труда) составляла почти два месяца. В годы экономического кризиса уровень задолженности сократился еще в большей мере, что может объясняться теневизацией экономики и доходов, а также усилением государственного контроля за своевременностью выплаты заработной платы.

В 1990-х гг. рост *бедности населения* (с доходами ниже прожиточного минимума) наблюдался в России и во всех ее регионах, однако динамика бедности в аграрных регионах была более неблагоприятной. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в последних превышал средний по России в 1,7 раза: 48,1% против 29% по РФ (рис. 4.5).

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.5. Динамика уровня бедности в Алтайском крае и России в 1992–2010 гг.¹

¹ На основании Федерального закона от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в 2005 г. изменен состав потребительской корзины для определения величины прожиточного минимума. При анализе динамики бедности необходимо принять во внимание, что при использовании данных о величине прожиточного минимума, определяемой в сопоставимой методологии, тенденция сокращения уровня бедности не менялась.

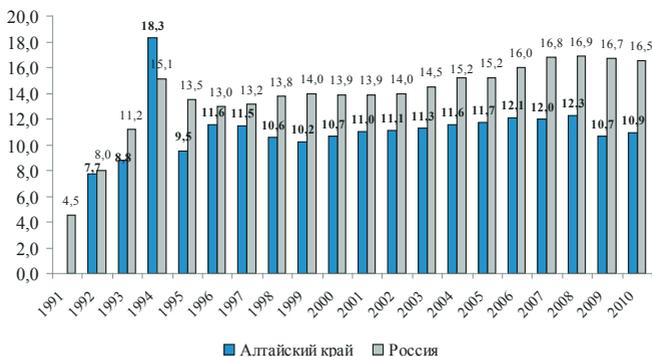
Новое десятилетие в России ознаменовалось устойчивым сокращением бедности до 12,6% в 2010 г. (в 2,3 раза), и даже глобальный экономический кризис не повлиял на этот позитивный тренд.

В Алтайском крае максимальная величина *уровня бедности* (доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения) зафиксирована статистикой в 1998–2000 гг., когда более половины всего населения (54–57%) получали доходы ниже прожиточного минимума, т. е. находились за чертой бедности (рис. 4.5). За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности составил 2,4 раза. Причем если в первой половине 1990-х гг. масштабы бедности в крае несущественно отличались от среднероссийского уровня, то во второй половине прошедшего десятилетия опережение региона по этому показателю составляло 2–2,2 раза.

За годы экономического роста (2000–2008 гг.) уровень бедности в крае сократился почти в три раза. В 2008 г. 19,6% жителей Алтайского края находились за чертой бедности, что было благоприятнее ситуации первых лет реформирования, причем разрыв с российским уровнем составлял 1,5 раза (меньше было только в 2006 г. — 1,3 раза). Экономический кризис лишь на один год «сломал» позитивную тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в крае вырос на 29%, достигнув 25,4% (631,9 тыс. чел.), что соответствовало уровню 2005 г. Но в дальнейшем позитивная тенденция восстановилась (в 2010 г. бедность уменьшилась до 24,3%). На фоне регионов Сибирского федерального округа уровень бедности в Алтайском крае заметно выше среднего, в последние годы регион «уступает» по данному показателю лишь Республике Тыва.

Вместе с ростом бедности в 1990-х гг. в России и ее регионах наблюдались процессы *социальной поляризации* общества по доходам, вызванной формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения *коэффициента фондов* (соотношение денежных доходов 10% наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и *коэффициента Джини* (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли максимального значения: 15 раз и 0,409 соответственно (для сравнения: в 1991 г. — 4,5 раза и 0,260) (рис. 4.6–4.7).

После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 гг., рост бедности россиян происходил уже на фоне некоторого сокращения социального расслоения и последующей стабилизации различий денежных доходов росси-

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.6. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения в Алтайском крае и России в 1991–2010 гг., раз

ян: коэффициента фондов — на отметке 14 раз, коэффициента Джини — на уровне 0,40. В 2000-х гг. сокращение бедности в стране не сопровождалось уменьшением социальных различий по доходам. Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс расслоения, а только придали ему характер устойчивой тенденции; исключение составляет лишь кризисный 2009 год, когда удалось приостановить растущую дифференциацию.

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.7. Динамика социального расслоения населения в Алтайском крае и России в 1992–2010 гг.

Процесс дифференциации по доходам в крае особенно активно протекал в первой половине 1990-х. Динамика коэффициента фондов показывает, что его наибольшее значение в этот период наблюдалось в 1994 г. (18,3) и было заметно выше российского уровня — 15,1 (для сравнения: в 1991 г. — 4,5) (рис. 4.6). С 1995 г. значение рассматриваемого показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз. Период экономического роста 2000-х гг. свидетельствует о постепенном возрастании различий денежных доходов крайних децильных групп в крае с 10,7 в 2000 г. до 12,3 раза в 2008 г., но под влиянием кризиса коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. И в 2010 г. **разница в социальном расслоении по доходам между Алтайским краем и Россией составила уже более полутора раз** («в пользу» страны) (рис. 4.6).

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов. Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. — 43,3% (рис. 4.7). С 1995 г. в отличие от России в регионе оно не превышало 40%. Рост значения данного показателя в 2000-х гг. завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 11 п.п. ниже российского уровня. Кризисный 2009 г. также развернул кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (35,9%), а 2010 г. повернул тенденцию социального расслоения вспять (36,2%).

Процесс дифференциации доходов населения находит отражение в территориальном, отраслевом, профессионально-квалификационном «срезах» общества: существует огромная разница в реальных доходах населения, начисленной заработной платы работников различных регионов и отраслей (около 10 раз). Это намного выше значений аналогичных характеристик дифференциации во многих развитых в рыночном отношении странах: они, как правило, не превышают двух раз как в отраслевом, так и в территориальном отношениях.

Что касается профессионально-квалификационных различий, то в настоящее время в России существует огромная разница (в десятки и даже свыше сотни раз) в реальных доходах включая неучитываемых, руководство и рядовых работников предприятий. К особенностям формирования доходов и социального расслоения в 1990-х гг. относится то, что обогащение собственников и руководителей предприятий, российских «купцов» происходило на фоне падения производства, по мере сокращения его объемов и снижения товарооборота [127]. В результате, по словам Ю. Овсиенко и Н. Петракова, «возник некий антистимул, не адекватный рыночной экономике: чем хуже ситуация в стране, тем выше доходы но-

менклатуры» и тем больше распределение доходов удаляется от социально-справедливых пропорций [127, с. 59].

* * *

Анализ факторов и механизмов формирования активности населения на рынке труда в годы реформ показал, что определяющими в трансформации процессов активности являются социально-экономические и социально-политические факторы. Особую роль при этом играют факторы макроуровня — как общероссийские, так и региональные. Среди факторов микроуровня наиболее значимыми являются ситуация на локальном рынке труда и социально-экономическое положение населения.

Важнейшим фактором является также социокультурная трансформация общества, его институтов, структуры доминирующих ценностей и норм повседневной деятельности. Конкуренция на рынке труда, усложнение содержания и характера труда, появление новых профессий и специальностей формируют новые интересы, ценности и мотивационные установки человека в сфере профессионального труда, выбора профессии.

По результатам исследований в 2000-х гг. ведущими стимулами активности россиян на рынке труда является материальный стимул (рост доходов), а также самореализация и саморазвитие. Выявлено решающее значение материальных мотивов в группах наемных работников, безработных, самозанятых и руководителей малых предприятий. Что касается представителей среднего и крупного бизнеса, то они признают в качестве ведущего фактора самореализацию и саморазвитие. Кроме того, огромное значение имеют социальные сети (качественные характеристики связей и взаимоотношений людей). В проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности они зачастую играют в процессах социально-экономической адаптации к ситуации на рынке труда роль социального амортизатора.

Социально-экономические преобразования российского общества, разгосударствление и приватизация в 1990-х гг. привели к существенным изменениям положения людей в сфере доходов, значительно возросла роль доходов как структурообразующего критерия общества, как мощного дифференцирующего фактора социально-экономической активности населения, домохозяйств, предприятий. К тенденциям формирования и использования доходов населения переходной России относятся падение реальных доходов и покупательной способности, потребления

продуктов питания, непродовольственных товаров и социальных услуг вплоть до конца 1990-х; сокращение трудовых и рост предпринимательских доходов в общей структуре доходов населения, рост бедности и резкое усиление социальной дифференциации, в т. ч. между отдельными отраслями, категориями работников, регионами (между центром и периферийными регионами, сырьевыми и аграрными регионами, урбанизированными и неурбанизированными сельскими районами), городом и селом. Особенности формирования и использования доходов населения в годы рыночных реформ являются низкий уровень оплаты труда и социальных трансфертов при значительных масштабах задержек по их выплате, низкий уровень затрат на рабочую силу в общей структуре затрат предприятий на производство продукции; высокий уровень бедности и расслоения населения, в т. ч. среди занятого населения.

В Алтайском крае, как и в других регионах России и Сибири, происходило качественное изменение характера и динамики процессов в сфере доходов населения. В 1990-х гг. основными тенденциями этой сферы являются падение реальных доходов и покупательной способности, сокращение трудовых и рост предпринимательских доходов в общей структуре доходов населения, рост бедности и резкое усиление социальной дифференциации. Анализ динамики показателей доходов населения Алтайского края на фоне регионов Сибирского федерального округа и России в первом десятилетии рыночных реформ позволил выявить более острый характер проявления большинства негативных процессов, среди которых — более значительные по масштабам (до полутора-двух раз) в сравнении с российским уровнем падение реальных доходов и покупательной способности населения, снижение доли заработной платы в доходах, рост бедности населения.

В годы экономического роста Алтайский край характеризовался положительной динамикой реальных доходов, оплаты труда и других показателей уровня жизни. Регион отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО. Тем не менее по большинству показателей доходов по-прежнему сохраняется значительное отставание. Краю не удалось вплотную приблизиться к более низким российским показателям уровню бедности, по-прежнему регион занимает самые низкие позиции в Сибири по доходам и заработной плате.

Несмотря на негативные изменения реальных доходов населения и бедности в Алтайском крае в период глобального экономического кризиса, эти изменения оказались неустойчивыми. Позитивные процессы

в сфере доходов населения в Алтайском крае и России в годы экономического роста и их восстановление с 2010 г. определяются во многом социально-экономической политикой по борьбе с бедностью и социальным расслоением, по формированию позитивной социально-экономической мобильности и поддержке социального развития села. Получен значимый эффект от действий государства по социально-экономической поддержке села.

4.3. Социальные эксклюзии на сельском рынке труда и их воздействие на активность населения

Мощным фактором и результатом трансформационных процессов активности россиян на рынке труда являются социальные эксклюзии. Социально-политические и экономические преобразования в российском обществе привели к обострению ранее существовавших и возникновению новых социальных эксклюзий.

Обычно к ситуациям социальной эксклюзии зарубежные исследователи относят безработицу, особо выделяя ее хронические формы, вынужденную неполную занятость, теневые формы социально-экономической активности, бедность и различного рода дискриминации (по полу, возрасту, месту жительства, этническим характеристикам и др.). Результаты изучения социальных эксклюзий на сельском рынке труда позволили нам выявить разнообразные, в т. ч. специфические, формы их проявления в российских регионах [180, с. 160–196]. Основными формами проявления социальных эксклюзий являются: 1) *безработица* как эксклюзия от гарантий государства в сфере занятости, от оплачиваемой работы; 2) *бедность* как эксклюзия от средств к существованию в ситуации безработицы и занятости; 3) *неправовые трудовые практики, значительные масштабы теневого рынка труда*, поскольку здесь трудовые права работников не соблюдаются и не могут быть защищены государственными и общественными институтами; 4) *эксклюзия от информации*, приводящая к нарушениям основных прав и свобод человека в социально-трудовой сфере; 5) *эксклюзия от сетей социальной безопасности*, социального страхования.

По данным опроса населения, сельский рынок труда в годы реформ характеризовался колоссальными масштабами распространения социальных эксклюзий: не менее 2/3 респондентов попадали в ситуации социальной эксклюзии, в т. ч. около 30% находились на момент опроса в состоянии социальной эксклюзии (табл. 4.7–4.8).

Таблица 4.7

**Формы социальной эксклюзии на сельском рынке труда
в 2002 г., %**

Характеристики	Всего	В том числе:		
		Алтайский край	Новосибирская область	Республика Алтай
Не имеют работы более 1 года (безработные)	64,4	57,4	63,6	86,4
Сталкиваются с задержками по заработной плате (наемные работники)	60,2	56,0	64,7	65,0
Средняя задержка по заработной плате, мес. (наемные работники)	5	6	4,5	2
Установлена необоснованно низкая заработная плата (наемные работники)	74,7	81,0	71,3	58,0
Выплата заработной платы производится преимущественно в натуральной форме (наемные работники)	20,3	18,0	27,8	7,0
Доля натуроплаты в оплате труда (наемные работники)	35	44	27	27
Ненормируемый рабочий день, высокая интенсивность труда (наемные работники)	30,2	27,0	34,4	31,0
Отказ в предоставлении очередного отпуска, сокращенный отпуск (наемные работники)	10,4	7,5	13,6	13,0
Отсутствие компенсаций за работу во вредных условиях (наемные работники)	15,8	8,6	24,0	22,0
Отсутствие пенсионного страхования (самозанятые)	28,7	28,9	15,0	42,1
Плохое материальное положение семьи (бедные)	41,1	46,1	40,6	21,1

Таблица 4.8

**Состояние социальной эксклюзии различных групп
сельского населения в 2002 г., %**

Характеристики	Уверены	Обеспо- коены	Напря- жены	Равно- душны
В целом по массиву	19,4	57,1	12,5	10,5
Пол				
Мужчины	23,1	54,3	10,6	11,5
Женщины	15,5	60,0	14,6	9,6
Возраст				
Лица младшего трудоспособного возраста	25,0	50,4	9,7	13,1
Лица среднего трудоспособного возраста	18,9	61,0	11,2	8,9
Лица старшего трудоспособного возраста	17,4	58,0	14,2	0,2
Место жительства				
Проживающие:				
в Алтайском крае	14,2	63,2	12,9	9,2
в том числе в районах:				
урбанизированных	11,3	57,7	25,4	5,6
слабоурбанизированных	14,7	58,0	12,7	14,0
неурбанизированных	14,5	66,2	10,6	8,1
в Новосибирской области	17,0	60,5	14,5	7,4
в Республике Алтай	47,2	22,5	6,3	23,9
Образование				
Лица с высшим и средним профобразованием	20,9	58,4	12,3	8,0
Лица с начальным профобразованием	14,2	58,2	12,8	12,2
Лица, не имеющие профобразования	29,2	49,0	13,1	15,9
Статус занятости				
Наемные работники	18,5	58,0	12,6	10,5
Самозанятые	25,4	59,7	7,5	6,7
Безработные	18,8	45,5	18,8	10,5
Отраслевая занятость				
Лица, занятые:				
в сельском хозяйстве	18,5	58,1	11,5	11,1
в торговле	20,9	51,2	16,3	11,6
в отраслях социальной сферы	18,1	59,9	14,8	7,1
в других отраслях	24,6	51,5	12,3	11,5

При этом эксперты (руководители и специалисты региональных и муниципальных органов управления, районных центров занятости) отметили низкий уровень информированности селян о своих трудовых правах

(в т. ч. безработных — о вакансиях, наемных работников — об условиях и оплате труда). Об этом же свидетельствуют и данные опроса населения (табл. 4.9–4.10).

Таблица 4.9

**Распределение ответов сельских жителей на вопрос
«Знаете ли Вы свои трудовые права?»,
% от численности группы (2002 г.)**

Ответы	Всего	Алтайский край	Новосибирская область	Республика Алтай
Да, в основном представляю свои трудовые права	60,4	55,1	67,0	67,6
Что-то слышал об этом	27,5	33,8	21,3	19,0
Ничего не знаю об этом	11,3	11,1	11,6	12,0
Другое	0,9	0	0	1,4

Таблица 4.10

**Распределение ответов сельских жителей на вопрос
«Нарушаются ли Ваши трудовые права?»,
% от численности группы (2002 г.)**

Ответы	Всего	Алтайский край	Новосибирская область	Республика Алтай
Нет	20,3	18,0	18,5	32,4
Трудовые права в основном соблюдаются	34,1	27,9	44,9	30,3
Нарушаются иногда	14,7	17,7	10,2	13,4
Нарушаются постоянно	13,5	19,5	8,0	2,1
Затрудняюсь ответить	17,6	17,0	18,5	21,8

Безработица. Одним из наиболее ярких проявлений социальных эксклюзий на сельском рынке труда является безработица — как реальная, так и потенциальная (последняя, в частности, выражается в опасности потерять работу). Согласно результатам опроса почти половина всех сельских наемных работников (44%) в той или иной степени испытывает опасение потерять свое место работы, в т. ч. почти каждый десятый ощущает постоянную тревогу. Такая тревога связана в основном с плохим положением предприятия, где они заняты, его возможной ликвидацией и уже постоянно происходящими сокращениями рабочих

мест (так считает каждый третий представитель рассматриваемой категории), а также с невозможностью, по мнению самих работников, найти другую работу (20%).

Проблема отсутствия рабочих мест на сельском рынке труда являлась в 2000-х гг. также причиной вынужденной неполной занятости и главным сдерживающим фактором в желании сменить место работы. Именно эта причина останавливала в начале прошедшего десятилетия 43% сельских наемных работников и около 1/3 самозанятых в стремлении в ближайшее время сменить место работы. Лишь каждый третий самозанятый совершил выбор своего вида деятельности свободно, остальные выбрали данное занятие вынужденно, главным образом из-за отсутствия другой подходящей работы, низкого уровня жизни и стремления выжить.

Дефицит подходящих рабочих мест на селе является основной причиной крупномасштабной реальной безработицы, в т. ч. в хронической форме. Уровень общей безработицы в селах Алтайского края, рассчитанный Л. В. Родионовой по методике МОТ, составил в 2002 г. 9% [180, с. 165]. Однако, по оценкам экспертов, реально каждый четвертый сельский житель является безработным, а в отдельных поселках — даже каждый второй¹.

На момент опроса почти две трети всех опрошенных сельских безработных (64%) не имели работы более года. Причем каждый десятый из них был готов согласиться на любую работу, и лишь каждый третий ожидал подходящие условия для работы. Только 11% безработных активно искали работу по найму и были готовы приступить к ней «хоть завтра», и столько же среди них оказалось тех, кто уже отчаялся найти какую-либо работу. Каждый четвертый безработный занимался ЛПХ, но значительная их часть (свыше 40%) делала это вынужденно ввиду отсутствия другой работы.

Кроме причин увольнения безработного с последнего места работы, связанных непосредственно с респондентом (его здоровье, семейные обстоятельства) и его неудовлетворенностью самой работой (низкая оплата труда, ее задержки, натурализация выплат, ненормируемый рабочий

¹ Отметим, что значительные различия в статистических и экспертных оценках можно объяснить тем, что эксперты, по всей видимости, учитывают не только реальную, но и скрытую безработицу (занятость в условиях отсутствия оплаты труда либо крайне низкого ее уровня, да еще выплачиваемого зачастую в натуральной форме). Это свидетельствует о наличии значительной излишней рабочей силы (примерно 25% сельского населения) и назревшей необходимости реорганизации существующих либо создания новых эффективных рабочих мест. Полученная экспертная оценка объемов излишней рабочей силы в Алтайском крае и в двух других обследованных регионах Сибири совпадает с аналогичной оценкой, представленной В. П. Васильевым [26, с. 12] и другими авторами.

день, высокая интенсивность труда и др.), назывались «внешние» причины увольнения (не зависящие от его желания), связанные с активным сокращением в 1990-х гг. рабочих мест (сокращение штатов или ликвидация предприятия, окончание срока временной работы). При этом значимость «внешних» причин в увольнении сельских безработных в рассматриваемых регионах связана с уровнем социально-экономического неблагополучия региона: их доля в Республике Алтай самая высокая — 41%, в Алтайском крае она ниже — 31%, и в относительно благополучной Новосибирской области — только 18%.

Конкретными проблемами, возникающими у сельских безработных при поиске работы, являлось в 57% случаев отсутствие рабочих мест с нормальным уровнем, стабильной заработной платой и в половине случаев — рабочих мест по специальности. Кроме того, каждый четвертый-пятый отметил недостаточный уровень образования и квалификации, отсутствие профессионального опыта, состояние здоровья и преклонный возраст. Часть безработных, стремящихся открыть собственное дело, столкнулась с проблемами отсутствия необходимых денежных средств и знаний по организации бизнеса. Только 6% безработных селян не имели никаких проблем при поиске работы.

Исключение экономически активного населения из сферы занятости является острой социальной проблемой. Безработица, по оценкам экспертов, приводит к снижению доходов, потере квалификации и трудовых навыков, ухудшению здоровья, ограничению круга общения, ощущению своей бесполезности, нравственной и психологической деградации личности, росту алкоголизма, усилению социальной напряженности на рынке труда. Эксперты считают, что, кроме дефицита подходящих рабочих мест, наличие структурной безработицы на селе обусловлено отчасти и низким качеством рабочей силы, низким уровнем образования и декомпетентностью сельских работников за годы рыночных реформ, их нежеланием работать, деградацией.

Оплата труда и бедность. Заработная плата в настоящее время по-прежнему остается основным источником доходов селян. Ее получают $\frac{3}{4}$ опрошенных, и эта доля практически не изменилась с 1992 г. (77%). Структура других статей доходов существенно трансформировалась. Так, в годы реформ столь же важным источником доходов, как и заработная плата, стали доходы от личного подсобного хозяйства: от 74 до 83% респондентов, по разным оценкам, имели такие доходы в 2002 г., в 1992 г. их было почти в два раза меньше. В начале 2000-х гг. ЛПХ давало большинству селян, его имеющих (60% ответов), хотя и незначительный доход,

но позволяет семье выжить, и треть из них получает значительный дополнительный доход от его ведения. В среднем доходы от ЛПХ составляют в семейном бюджете сельских жителей свыше 40% всех доходов. Около 50% респондентов являются владельцами высокотоварных хозяйств, они продают на рынке половину и более выращенной сельхозпродукции.

Значительно выросла за годы реформ доля сельских жителей, получающих предпринимательские доходы, — почти в шесть раз (с 1,5 до 9%). Небольшую величину составила в 2002 г. доля тех, кто получил различные займы и кредиты — 2%, однако она тоже многократно выросла (в пять раз). Удельный вес получающих социальные трансферты увеличился в первую очередь за счет появления категории зарегистрированных безработных — в полтора раза (с 5 до 8%). И при этом более чем на треть сократилась доля получающих помощь родственников (с 8 до 13%).

Дополнительную работу, кроме занятий ЛПХ, в начале 2000-х гг. имели на селе, по разным оценкам, только 11–14% опрошенных, и доля таковых возросла за предшествующие десять лет более чем в два раза. Дополнительная работа приносит им в среднем за год 20–25% всех доходов.

Сельские жители и эксперты отмечают высокий уровень нарушений в сфере оплаты труда. Так, среди сельских наемных работников 60% респондентов сталкивались с задержками заработной платы, свыше 55–75% (по разным оценкам) — с установлением необоснованно низкого ее уровня, 20% — с ее выплатой преимущественно в натуральной форме, 9% — с неоплатой либо частичной оплатой сверхурочных работ (табл. 4.7). Средний срок задолженности по оплате труда для представителей рассматриваемой группы селян составлял в 2002 г. пять месяцев, для каждого двадцатого она превышала 2–3 года.

Оценивая справедливость оплаты труда, подавляющее большинство (точнее 3/4) сельских наемных работников отмечают, что их труд оценивается низко, не в соответствии с их трудовым вкладом и квалификацией, в т. ч. довольно существенна доля тех, кто считает, что их труд практически не оплачивается (12%). Более позитивны оценки сельских самозанятых-предпринимателей, не использующих наемный труд, членов небольших коллективных предприятий (типа кооперативов), а также занятых индивидуальной трудовой деятельностью и ЛПХ как основным видом занятий. Почти в половине случаев (48,5%) ими отмечается справедливость вознаграждения их труда, и среди них почти в два раза меньше по сравнению с наемными работниками тех, кто считает, что их труд оплачивается низко. При этом притязания селян в отношении справедливого уровня оплаты труда имеют большой разброс: от 500 до 40 тыс. руб. и составляют

в среднем 5 тыс. руб., т. е. менее трех прожиточных минимумов при среднем составе сельской семьи — 3,5 чел.

Фактором, заметно снижающим социально-экономическую активность селян, является сравнительно высокая доля натуроплаты в общей оплате труда. Как показали результаты исследования, натуроплата используется на сельских предприятиях, где работают свыше половины всех опрошенных наемных работников, и составляет в среднем 35% от выплачиваемой суммы. Как уже отмечалось, для каждого пятого сельского наемного работника такой вид оплаты стал основным, отдельные работники не получали заработную плату в денежной форме 10 и более лет. Распространенными видами натуроплаты являются зерно и корма (почти в $\frac{3}{4}$ случаев), а также мясо (каждый третий случай), в каждом седьмом-десятом случае — молоко, молодняк животных, дрова и уголь. Встречаются варианты оплаты и иными, помимо указанных, видами продуктов питания. Что касается самозанятых, то в подавляющем большинстве случаев оплата их труда производится деньгами (99% случаев), лишь изредка встречается оплата продуктами питания (как отмечает каждый десятый представитель данной группы респондентов), кормами и молодняком животных.

Оплата труда являлась в рассматриваемый период главной причиной увольнения с работы по собственному желанию, в первую очередь в связи с низким ее уровнем (по этой причине уволился каждый третий опрошенный безработный) и задержками (каждый пятый безработный), а также и в связи с выплатой преимущественно в натуральной форме.

В годы экономических реформ наблюдалось массовое обнищание сельского населения. По мнению экспертов трех регионов Сибири, бедность на селе охватила около или свыше половины всего населения (оценки колеблются от 44–45% до 58%). Причем только за несколько лет после дефолта 1998 г. также происходило ухудшение материального положения сельских жителей. В начале 2000-х гг. на селе чуть выше доля тех, чье положение ухудшилось, в сравнении с теми, чье положение улучшилось (28 против 21%), для почти половины селян изменений не произошло.

В результате значительно (в 2,3 раза — с 18 до 41%) возросла доля бедных сельских семей, по оценкам которых их материальное положение таково, что «Средств хватает только на питание» или они «Еле сводят концы с концами, семья практически голодает». При этом доля последней, наиболее неблагополучной группы выросла в 3 раза (с 2 до 6%). Соответственно сократились доли семей со средним материальным положением («Живем нормально, средств хватает на все самое необходи-

мое») и обеспеченных семей («Живем, ни в чем себе не отказывая»): первых — на 17% (с 62 до 53%), вторых — в 4 раза (с 12 до 3%).

Эксперты и сельские жители относят факторы материального благополучия к категории высокозначимых факторов активности на рынке труда. Как уже отмечалось в пункте 4.1, среди сельских жителей несколько выше в сравнении с горожанами доля лиц, реализующих «пассивную стратегию». Причем «пассивная стратегия» характерна в первую очередь для многочисленной категории бедных селян (*табл. 4.5*).

В условиях бедности сельские жители вынуждены реализовывать специфические стратегии поведения. Так, при длительных задержках заработной платы около половины наемных работников живут главным образом за счет ЛПХ. Лишь каждый пятый добивается выплаты заработной платы, обращаясь к директору, в администрацию предприятия. Результатом такой активности чаще всего являются частичная выплата заработной платы в натуральной форме, покупка продуктов в магазине предприятия «под зарплату». Используются также различные способы сохранения имеющихся и получения дополнительных доходов: селяне берут деньги в долг у родственников или друзей (каждый пятый) или обращаются к ним за помощью (6%), занимаются сбором грибов, ягод и других «даров природы», рыбачат (5%) и «экономят на всем». В целом активность бедных на рынке труда характеризуется более частой реализацией традиционных и деструктивных стратегий адаптации к новым экономическим условиям в сравнении с активностью более благополучных в материальном отношении сельских жителей.

В оценке динамики материального положения сельского населения в 2000-х гг. произошли позитивные сдвиги [4]. К концу периода экономического роста (в 2008 г.) к бедным и обездоленным себя отнесли только 16% респондентов, причем с возрастом сельские жители более склонны считать себя бедными (*табл. 4.11*). Как среднее оценили свое материальное положение 75% респондентов, свыше 7% отметили, что живут обеспеченно, и 0,5% — зажиточно. По сравнению с опросом 2002 г. значительно (в 2,7 раза) сократилась доля бедных и очень бедных, возросли удельные веса средней группы (в 1,4 раза) и богатых (в 2,3 раза). В два раза сократилась бедность в группе с высшим образованием, в полтора раза — с неполным высшим и средним профессиональным, а в группах с более низким образованием эта доля практически не изменилась. В небольших селах происходило более интенсивное сокращение бедности и пополнение среднеобеспеченной группы по сравнению с крупными селами.

Таблица 4.11

**Оценка сельским населением трудоспособного возраста
материального положения своей семьи и своего
социально-психологического состояния в 2002 и 2008 гг., %**

	2002	2008
Материальное положение		
Очень бедно (денег иногда не хватает даже на питание)	6,3	1,6
Бедно (на скромное питание, оплату коммунальных услуг денег хватает, а на приобретение одежды и других вещей — нет)	34,8	13,9
Средне (на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить)	53,2	75,1
Обеспеченно (есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни) и богато (не отказываю себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают)	3,4	7,9
Затрудняюсь ответить	2,3	1,5
Социально-психологическое состояние		
Испытываю сильное напряжение, раздражение, ощущаю отсутствие какой бы то ни было перспективы	12,5	10,4
Испытываю некоторое беспокойство, неуверенность в будущем	57,1	39,1
Состояние равнодушное, испытываю апатию ко всему	10,5	12,1
Уверен в настоящем и с оптимизмом смотрю в будущее	19,4	25,8
Затрудняюсь ответить	0,5	12,6

Условия труда и неправовые трудовые практики. Российские ученые (Т. Заславская, Л. Косалс, В. Радаев, Р. Рывкина, М. Шабанова и др.) отмечают широкое распространение неформальных, неправовых трудовых отношений на рынке труда. Данные нашего исследования показывают, что село не является исключением. Подавляющее большинство (87%) опрошенных сельских наемных работников работают полный рабочий день, остальные 3% заняты частично, т. е. работают неполные рабочий день, неделю или месяц, по скользящему графику. Основная масса работающих оформлена по трудовому договору либо контракту, но примерно каждый десятый (9%) оформлен на основе устной договоренности (табл. 4.7). Причем в относительно благополучной Новосибирской области такая форма найма применяется чаще, чем в менее благополучных регионах: примерно в четыре раза больше, чем Алтайском крае, и примерно вдвое — по сравнению с Республикой Алтай.

Главными проблемами сельских наемных работников, связанными с условиями труда, является в целом их неблагоприятный характер («Физически тяжелая работа», «Вредные условия», «Условия труда опасны для жизни»), ненормируемый рабочий день и высокая интенсивность труда. Кроме того, наемные работники сталкиваются с такими проблемами, как несоблюдение правил техники безопасности, принудительные отпуска и сокращенный рабочий день. Указанные проблемы также часто становятся причинами увольнений. Так, каждый седьмой сельский безработный (14%) уволился с последнего места работы из-за ненормируемого рабочего дня, высокой интенсивности труда и каждый десятый — из-за его физической тяжести и вредных условий.

Сельские самозанятые также в основном заняты на постоянной основе, лишь 17% из них имеют сезонную, временную или разовую работу. Половина представителей рассматриваемой группы зарегистрировала свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, 16% зарегистрировали предприятие и более 1/3 работают без регистрации и оформления документов. Самозанятые выполняют в основном сельскохозяйственные работы или заняты в торговле (45 и 38% соответственно). Среди последних сравнительно большую долю представляют «перекупщики» (мяса, кожсырья и др.). Кроме того, встречается самозанятость, связанная со сбором и переработкой «даров природы» (ягод, грибов и др.), оказанием транспортных услуг, рукоделием, пошивом и ремонтом одежды, обуви. Основными потребителями продукции и услуг самозанятых является население, реже — частные предприниматели (23% ответов), предприятия и учреждения (12%).

Условия труда самозанятых в значительной мере определяются их хозяйственными проблемами. К последним относятся в первую очередь недостаток собственных средств для развития дела (так считает почти половина представителей данной группы), каждый четвертый отметил высокие налоги, проблемы реализации товаров и услуг, отсутствие клиентов, заказчиков, а также недоступность кредитов.

В целом большинство экспертов (свыше 60%) отмечают сравнительно широкую распространенность неформальных трудовых отношений на сельском рынке труда, практикуемых в основном на предприятиях торговли и общепита, строительства и сельского хозяйства. Как отмечают исследователи (З. Калугина, В. Кузнецов, А. Никулин, А. Тарасов, О. Фадеева и др.), масштабы неформальной занятости в аграрной экономике напрямую зависят от экономического положения сельскохозяйственных предприятий [77–81, 98, 99, 107, 154, 182, 204, 205]. При этом

чем ниже уровень социально-экономического развития такого предприятия, тем большую роль в выживании семей играет личное подсобное хозяйство. Экономически сильные хозяйства не только снижают потребность работников в ведении крупных ЛПХ, но и значительно улучшают условия его ведения за счет оказываемой помощи.

Эксклюзия от сетей социальной безопасности, социального страхования проявляется для наемных работников в наличии таких проблем, как отсутствие компенсаций при производственных травмах, за работу во вредных условиях и сверхурочную работу, сокращенный отпуск и отказ в его предоставлении, реже — невыплаты по больничным листам, отсутствии медицинского полиса и пенсионного страхования (табл. 4.7). Самозанятых же волнует главным образом последняя из названных проблем — отсутствие медицинского и пенсионного страхования (29 и 25% ответов). Кроме того, они выделили такие важные для себя проблемы, как ненормированный рабочий день, работа без выходных и отпуска, сверхнормативная физическая нагрузка. Безработные отметили проблемы, связанные с ограниченностью рабочих мест и регистрацией в центрах занятости, в т. ч. вследствие механизмов сдерживания постановки на учет (табл. 4.7).

В ходе исследования выявлен **особый сельский феномен в проявлении социальных эксклюзий**. Во-первых, это эксклюзия от *территориальной доступности вакантных рабочих мест и учреждений образования*, повышения квалификации в географически близких населенных пунктах, услуг государственной службы занятости и, во-вторых, *эксклюзия от выбора некрестьянского образа жизни*. Резкое сокращение объемов сельскохозяйственного производства в коллективных хозяйствах, неразвитость социальной инфраструктуры вынуждают практически все сельское население вести личное подсобное хозяйство, опираясь на тяжелый физический, немеханизированный труд членов своей семьи [77–81; 154; 180, с. 160–196; 204; 205].

Специфика сельского рынка труда, где положение наемного работника крайне неустойчиво и незащищено, нашла свое отражение в выборе опрошенными селянами предпочтительных сфер своей занятости. В случае реального выбора почти половина всех респондентов предпочла иметь собственное дело и ни от кого не зависеть, только треть опрошенных пожелала быть наемными работниками, заниматься исключительно семейным крестьянским хозяйством согласились бы только 7% респондентов.

Ситуации эксклюзии вызывают напряжение, беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей, определяемое совокупностью всех вышеназванных факторов. На это указали более 70% селян, в т. ч. 13% ощущают сильное напряжение, отсутствие какой бы

то ни было перспективы, находятся на грани нервного срыва. И каждый десятый в таких условиях остается равнодушным, испытывает апатию ко всему (табл. 4.8). В этой категории оказались практически все бедные и безработные (особенно не имеющие работы длительное время). Указанные негативные состояния и ощущения более остро переживали женщины, представители среднего и старшего трудоспособного возраста, лица с низким уровнем квалификации.

Особое внимание в социальной политике должно быть уделено жертвам эксклюзии (эксклюзантам), т.е. группе сельских жителей, оказавшихся одновременно в ситуации эксклюзии и переживающих это состояние или, другими словами, находящихся в неблагоприятном социально-экономическом и психосоциальном положении. К последним, как уже указывалось в пункте 3.1, относятся «напряженные» и «равнодушные» эксклюзанты (лица, находящиеся в состоянии либо напряжения, либо апатии, равнодушия ко всему). Наиболее значительная корреляционная зависимость обнаружена между состоянием эксклюзии и ситуацией эксклюзии от средств существования. Среди бедных к эксклюзантам относится почти каждый третий или 15% от общей численности сельских жителей (табл. 4.12).

Таблица 4.12

Оценка состояния эксклюзии сельских жителей, находящихся в ситуации эксклюзии (2002 г.)

Социальные группы	Доля, оценивающих свое состояние, %			
	Уверены	Обеспокоены	Напряжены	Равнодушны
В целом по массе	19,4	57,1	12,5	10,5
Бедные («Средств хватает только на питание» или «Еле сводят концы с концами, практически голодают»)	7,7	60,4	19,7	11,5
Наемные работники в ситуации социальной эксклюзии (низкая зарплата, задержки по ее выплате, натуроплата)	15,6	58,8	14,2	11,0
Самозанятые в ситуации социальной эксклюзии (несправедливое вознаграждение за труд)	9,3	70,4	9,3	9,3
Безработные				
В целом	18,8	45,5	18,8	15,8
Не имеющие работы более 1 года	16,9	46,2	24,6	12,3

В то же время среди более благополучных в материальном отношении селян «напряженных» оказалось почти три раза меньше.

Характеристики состояния эксклюзии также существенно различаются в зависимости от статуса занятости на рынке труда и имеющихся в связи с этим ситуаций эксклюзии. К эксклюзантам относятся 35% безработных, 25% наемных работников (сталкивающихся с проблемами низкой оплаты труда, ее задержек и натуроплатой и при этом оценивающих несправедливость этой ситуации), а также 19% самозанятых (низко оценивающих получаемое вознаграждение за свой труд). В совокупности эти группы составили около 20% селян, в т. ч. в их число вошло свыше половины «напряженных» эксклюзантов. Таким образом, анализ взаимосвязи различных ситуаций и состояний эксклюзии показал, что ими охвачено от 15 до 20% всех сельских жителей (*табл. 4.12*).

Оценка населением своего социально-психологического состояния более оптимистична по сравнению с началом десятилетия. В 2008 г. «уверенных оптимистов» на селе было более 26%, в 2002 г. — менее 20%. Значительно меньше стало тех, кто испытывает некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей: 39% против 57% в 2002 г. Несущественно, преимущественно в сторону сокращения, изменились доли групп, относящихся к психологически неблагополучным: равнодушных и тех, кто ощущал на момент опроса сильное напряжение (*табл. 4.11*). Более позитивно оценивают свое социально-психологическое состояние молодежь (в два раза выше), мужчины и жители с относительно высоким уровнем образования. Основными сферами неудовлетворенности являются материальное положение, работа, бытовые условия, качество и обеспеченность жильем.

Анализ основных социально-экономических и социально-демографических характеристик респондентов, находящихся в ситуации и состоянии эксклюзии, по результатам опросов населения и экспертов оценок показал, что в их число попадают бедные или низкооплачиваемые работники (преимущественно занятые в сельском хозяйстве), длительно или постоянные безработные, а также безработные в семьях с низким материальным положением, представители старшего трудоспособного возраста (преимущественно старше 50 лет), лица с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), женщины, а также злоупотребляющие алкоголем (*табл. 4.8–4.12*). Соответственно именно такие категории сельских жителей и являются основными группами риска социальной эксклюзии.

В условиях развития рыночных отношений усиливается взаимосвязь активности населения и социальных эксклюзий на сельском рынке тру-

да. Группы населения, реализующие конструктивные и инновационные стратегии поведения (такие, как открытие и расширение бизнеса, рост интенсивности труда, поиск основной работы, дополнительная занятость, трудовая миграция, требование повышения заработной платы и регулярности ее выплат), имеют более высокие доходы и лучшее материальное положение в целом, в меньшей степени подвержены риску социальной эксклюзии либо сумели преодолеть такую ситуацию (табл. 4.13).

Таблица 4.13

Стратегии поведения бедных групп сельских наемных работников на рынке труда, % (2002 г.)

Действия	Сельские наемные работники	в том числе работники		
		постоянно бедные	новые бедные	бывшие бедные
Добивался повышения уровня зарплаты	14,6	12,5	7,3	31,3
Добивался регулярности выплат заработной платы	15,8	10,0	13,6	18,8
Добивался увеличения социальных гарантий (пенсион. страхование и т.д.)	1,4	2,5	0,9	6,3
Увеличивал интенсивность, производительность труда	25,1	27,5	27,3	31,3
Снизил трудовую нагрузку	5,4	5,0	3,6	6,3
Участвовал в реализации продукции предприятия	10,7	5,0	13,6	12,5
Использовал оборудование предприятия в целях дополнительного заработка	4,8	7,5	2,7	0,0
Искал другое основное место работы	21,4	25,0	24,5	37,5
Искал дополнительную работу	14,9	10,0	20,9	31,3
Продавал, сворачивал ЛПХ	7,0	12,5	10,9	0
Ушел с дополнительной работы	2,0	2,5	0,0	0,0
Повышал образование, квалификацию	23,9	12,5	23,6	6,3
Пытался открыть свой бизнес	7,0	0,0	3,6	25,0
Ничего не предпринимал	13,2	20,0	16,4	0,0

Социально-экономическая активность социальных групп, находящихся в ситуации эксклюзии, характеризовалась более частой реализацией традиционных и деструктивных стратегий адаптации к новым экономическим условиям. К ним относятся занятость в ЛПХ, различ-

ные формы неформальной низкоэффективной занятости (например, батрачество). Каждый пятый «постоянно бедный» и 16% «новых бедных» не предпринимали специально никаких действий для улучшения своего положения на рынке труда за 10 лет рыночных реформ (среди «бывших бедных» таковых нет).

На основе оценок экспертов, результатов опроса населения, а также корреляционного анализа состояния экономики, поведения населения на рынке труда, деятельности государственной службы занятости и ряда других статистических показателей нами получена сводная таблица оценки значимости факторов и механизмов, детерминирующих активность населения на рынке труда и возникновение (обострение) или преодоление социальных эксклюзий (табл. 4.14).

Эти факторы в значительной степени являются общими как для активности, так и для ситуации и состояния эксклюзии. К важнейшим из них относятся состояние экономики и социально-экономическая политика, положение населения на рынке труда, его интересы и мотивация, что подтверждает результаты общего анализа факторов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда, проведенного в теоретической части данной работы (п. 4.1).

Таблица 4.14

Оценка значимости факторов и механизмов формирования активности населения и социальной эксклюзии на сельском рынке труда (2002 г.)

Факторы	Активность на рынке труда	Ситуация эксклюзии	Состояние эксклюзии
Состояние экономики	+++	+++	
Социально-экономическая политика	+++	+++	
<i>Характеристики населения, в т. ч.:</i>			
Пол	-	++	-
Возраст, здоровье	+	++	-
Место жительства	+++	++	++
Образование, опыт, квалификация	++	++	+
Статус занятости	+++	+++	+
Отраслевая принадлежность занятия	++	++	-
Материальное положение семьи	+++	+++	+++
Активность на рынке труда		++	++
<i>Условные обозначения</i>	- — отсутствие связи + — слабая связь ++ — существенная связь +++ — сильная связь		

Результаты анализа социальных эксклюзий на сельском рынке труда в годы рыночных реформ свидетельствуют о крайне неблагоприятном социально-экономическом положении сельских жителей, массовых нарушениях их социально-трудовых прав, главным образом в сфере оплаты и условий труда. Это проявлялось в чрезвычайно низком уровне оплаты труда, значительных по масштабам ее задержках и высокой степени ее натурализации, сверхнормативной физической тяжести труда, отсутствии условий для профессионального роста и повышения квалификации, компенсаций за работу во вредных условиях и сверхурочную работу, работу без отпусков, отсутствии ряда таких социальных гарантий, как пенсионное и медицинское страхование, компенсаций по больничным листам, при производственных травмах, что в конечном счете приводит к разрушению трудовой и инновационной мотиваций и формирует высокий уровень бедности. Значительные нарушения встречались при трудоустройстве и увольнении с предприятия, а также при регистрации безработных. Эти нарушения выражались в высоком уровне реальной и скрытой безработицы, оформлении на работу без контракта, трудового договора, трудовой книжки, увольнении в первую очередь слаботзащищенных категорий работников, задержках по выплате пособия по безработице и др.

В целом село в годы рыночных реформ характеризовалось высокой долей «плохих» рабочих мест, формирующих ситуации социальной эксклюзии, занятостью в низкоэффективных сегментах экономики, развитием в 2000-х гг. феномена батрачества. Масштабы проявления большинства негативных процессов, происходящих на сельском рынке труда, намного значительнее, чем в городе. В 2000-х гг. налицо значительные позитивные изменения в социально-экономическом положении сельских жителей, что отразилось на улучшении их социально-психологического состояния.

На активность на сельском рынке труда значительно влияют социально-экономические (доходы, уровень образования и квалификации, отраслевая принадлежность основного занятия, статус занятости), социально-демографические (пол, возраст, здоровье) и социально-территориальные характеристики положения населения (статус села — места жительства, его людность, близость к городам). Наиболее выигрышное положение на рынке труда занимали представители среднего трудоспособного возраста, получатели средних по размерам доходов, жители крупных сел, преимущественно районных центров, урбанизированных

районов, квалифицированные работники с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, занятые предпринимательством и торговлей, мужчины.

Напротив, проигрышные позиции были характерны для бедных или низкооплачиваемых работников, длительно или постоянных безработных, а также безработных в семьях с низким материальным положением, женщин, неквалифицированных работников с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), занятых в сельском хозяйстве, молодежи (младше 25 лет) и представителей старшего трудоспособного возраста (преимущественно старше 50 лет), жителей малых периферийных сел, а также злоупотребляющих алкоголем. Представители этих категорий населения чаще находились в неблагоприятном психосоциальном состоянии, точнее в состоянии напряжения либо, напротив, апатии, равнодушия ко всему. Именно они достаточно часто неспособны решить проблемы своей занятости и доходов самостоятельно, без помощи государства и других субъектов социальной политики, а также без коллективной взаимопомощи, развитых социальных сетей.

Глава V

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК РЕГУЛЯТОРА АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

5.1. Процессы трансформации социальной политики

Рассмотрим общероссийские процессы трансформации социальной политики 1990-х гг. на основе анализа изменения ее структурных компонентов и форм (п. 2.2). В данный период характер формирования и реализации социальной политики во многом определялся макрофакторами (политическими и экономическими) — такими, как формирование рыночной экономики, приватизация государственной собственности, значительный по масштабам спад производства, высокие темпы инфляции, низкий уровень денежных накоплений населения, дефицит государственных финансов и т. д. Кроме того, необходимо отметить особую роль *экономических факторов мезо- и микроуровня*, т. е. уровня региона и предприятия. Например, современные особенности реализации социальной политики включают в себя значительную региональную составляющую, которая проявляется в специфике расстановки региональных приоритетов, использовании определенного набора методов, средств, форм управления в решении социальных проблем. Кроме того, региональные особенности регулирования социальной сферы определяются в значительной степени уровнем социально-экономического развития региона, его экономической специализацией и инвестиционной привлекательностью, остротой дефицита регионального бюджета и степенью федеральной финансовой поддержки, а также сложившимся стилем управления.

При отсутствии сильной социальной политики федерального уровня и уровня субъектов Федерации региональные факторы ведут к усилению социальной дифференциации в пределах регионов и между ними, ухудшению протекания социальных процессов, развитию социальных эксклюзий, возникновению и развитию социальных деформаций. В результате, кроме социально-экономических и социально-политических процессов, характерных для страны в целом, развиваются специфические региональные процессы, во многом определяющие уровень и качество жизни населения, а также устойчивость развития региона. Так, в качестве основной причины сложившегося отставания по уровню жизни населения в Алтайском крае большинство экспертов признает прежде всего его отраслевую специализацию. Сельское хозяйство, как показывает практика государственного управления, не относится к отраслям стратегической значимости для экономики России (таким, как добывающие отрасли промышленности, производства, ориентированные главным образом на внешний рынок).

Одним из базовых положений формирования и реализации современной социальной политики в России является конституционное закрепление последней в качестве **социального государства**, что, безусловно, должно найти отражение в четкой концептуальной позиции и выборе модели политики. В рассматриваемый период **социальная политика государства характеризовалась отсутствием единой концепции** и при этом **непоследовательной, неполной и противоречивой реализацией различных, часто не увязанных между собой элементов либеральной, консервативной и патерналистской моделей в их современных формах**. Большинство разрабатывавшихся в переходный период концепций социальной политики, претендовавших на комплексность и завершенность, по словам С. Н. Смирнова, были трудно реализуемы из-за следования в большинстве случаев их авторами чувству «социальной справедливости», а не объективным экономическим расчетам» [171, с. 11]. Правительство же проводило скорее не политику, а диктуемые ситуацией разрозненные мероприятия, способные самортизировать социальные перегрузки, вызываемые быстрым формированием институтов рыночной экономики. По сути это была более или менее часто повторяющаяся очередность социальных подачек, которые осуществлялись иногда под угрозой либо в условиях активных протестных действий отдельных социальных групп (шахтеров, железнодорожников, учителей и др.).

По мнению Т. И. Заславской, Г. И. Осадчей, В. А. Ядова, А. А. Яковлева и многих других социологов, экономистов и политологов (и мы к ним

присоединяем), при общей **первоначальной тенденции трансформации дореформенной социальной политики, патерналистской в своей основе** (реализующей этатический подход в распределении социальных благ и услуг и воспитывающей пассивность и иждивенчество со стороны рядовых членов общества), **в неолиберальную политику, ориентированную в первую очередь на интересы адаптированных к современным условиям социальных групп российского общества**, к середине 2000-х гг. в России не была реализована ни одна из современных моделей социального государства — ни в чистом виде, ни в виде эффективного политического плюрализма. В стратегических и программных документах правительства РФ, принятых в начале десятилетия («*Стратегия социально-экономического развития России на период до 2010 г.*», «*Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу: 2002–2004 гг.*»), был продекларирован и в значительной части реализован субсидиарный вариант либеральной модели социальной политики, хотя в дальнейшем, со второй половины 2000-х гг., в национальных проектах России и других федеральных документах активно декларируется установка на демократические основы социальной политики.

В неблагоприятных, проблемных в социально-экономическом отношении регионах реализуемая и в дореформенный период патерналистская модель социальной политики подвергалась в годы рыночных реформ несколько меньшим трансформациям, отставала в динамике преобразований от благополучных регионов. В частности, в таких регионах государство вынуждено было продолжать выполнять функцию социальной опеки в существенно большей мере по сравнению с другими регионами. Это выражалось, в частности, в более значительных объемах выделяемых регионам трансфертов на социальную поддержку населения и развитие территории.

Динамика моделей формирования и реализации российской социальной политики отразилась в **изменении ее целевых и функциональных установок, стратегических направлений**. Главной особенностью социальной политики 1990-х гг. в этом отношении является **переход** от дореформенной цели государственного обеспечения достойных условий существования всех групп населения, повышения их уровня жизни **к созданию государством условий для реализации населением, отдельными группами, личностью собственных возможностей в обеспечении условий своего существования**. В отличие от дореформенного периода в условиях трансформационных изменений большее внимание уделялось

реализации таких функций, как защитная, компенсационная и стабилизирующая, и значительно меньше — инновационной, стимулирующей, интеграционной функциям.

Целевые установки социальной политики изменились еще на I этапе трансформации российского общества и носили в основном адаптационную нагрузку, без формулировки стратегических перспектив развития социальной сферы. В этот период в качестве основных целей социальной политики в России были выделены предотвращение социального взрыва, минимизация роста социальной напряженности и смягчение негативных последствий переходного периода к рынку, поддержание процесса позитивной адаптации россиян к новым условиям, а также обеспечение их социальной защиты на новой ресурсной базе, которую должна была создать рыночная экономика.

Но даже в конце 1990-х гг. в большинстве правительственных документов (например, «О мерах Правительства РФ по стабилизации социально-экономического положения в стране», Постановление Правительства от 20 декабря 1998 г.) отсутствовала формулировка стратегических целей социальной политики, а если даже такие цели и были выделены (см. в Программе Правительства РФ «Структурная перестройка и экономический рост (на 1997–2000 годы)» и в Программе социальных реформ в РФ на 1996–2000 годы), то по содержанию они больше напоминали частные задачи и приоритеты. Так, в качестве стратегических целей в них выделялись достижение ощутимого улучшения материального положения и условий жизни людей; обеспечение эффективной занятости населения, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы; гарантия конституционных прав граждан в области труда, социальной защиты населения, образования, охраны здоровья, культуры, обеспечения жильем; переориентация социальной политики на семью, обеспечение прав и социальных гарантий, предоставляемых семье, женщинам, детям и молодежи; нормализация и улучшение демографической ситуации, снижение смертности населения, особенно детской и граждан трудоспособного возраста; существенное улучшение социальной инфраструктуры.

Более определенной с позиции формулировки целей и направленности социальной политики являются документы начала нового века, в т. ч. «Стратегия социально-экономического развития России на период до 2010 г.». В «Стратегии...» сделан значительный акцент на характеристике концепции социальной политики, определен переход от модели патернализма к модели субсидиарной, заключающегося фактически в дальнейшем уходе федеральной политики государства из социальной сферы

и переносе проблем ее регулирования на региональный и муниципальный уровни, на общественные структуры, население. Государство брало на себя страхование рисков в сфере трудовых отношений и оплаты труда, социальную поддержку предполагалось осуществлять по принципу адресности в отношении наиболее социально уязвимых групп. С начала 2000-х гг. на этой основе был проведен ряд институциональных реформ, в т. ч. принят Трудовой кодекс РФ, устанавливающий правовые отношения между работодателем и работником на рыночной основе, позволяющие акцентировать внимание на повышение качества, развитие конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда.

Трансформация целей и приоритетов, функций и моделей реализации социальной политики происходила в соответствии с **изменением ее методов, т. е. основополагающих принципов и способов ее формирования и реализации**. В таблице 5.1 представлена характеристика ряда декларируемых целей 1980-х и 1990-х гг. Из таблицы следует, что изменение принципов, как на федеральном, так и на региональном уровнях, проявилось: 1) в более *системном подходе* к управлению социальными процессами, большей концентрации внимания и средств на решении ограниченного числа вопросов в отличие от дореформенного варианта реализации комплексного подхода; 2) в усилении *дифференцированного подхода* к регулированию социальной сферы, формировании адресной социальной защиты; 3) в *приоритете активизации экономического поведения и экономических инициатив* по сравнению с социальной поддержкой; 4) в *смещении акцентов* от преимущественно административных к *экономическим методам управления; социальной стандартизации* (определение перечня услуг, предоставляемых населению, с указанием источников их финансирования); 5) в переходе от преимущественно социальной поддержки к социальному страхованию, *развитии страховых принципов* социальной политики, в первую очередь в таких ее направлениях, как здравоохранение и пенсионное обеспечение, начальном этапе формирования модели страхования от безработицы; 6) в *формировании многоканального финансирования* государственных средств, развитии благотворительности и спонсорства, различных форм социальной поддержки населения со стороны работодателей, профсоюзов и других общественных организаций; 7) в *новом идеологическом содержании* социальной политики, заключающемся, в частности, в установлении паритета всех видов доходов, полученных социально допустимыми способами (включая предпринимательство), снятии ограничений на рост доходов и др.

Таблица 5.1

Принципы социальной политики России в 1980-х и 1990-х гг.

Принципы 1980-х гг.	Принципы 1990-х гг.
Комплексный подход к решению проблем	Четко выраженная приоритетность в решении проблем
Всеобщая социальная защита населения	Развитие адресной социальной защиты отдельных категорий населения, в первую очередь наиболее уязвимых групп Активизация экономического поведения и экономических инициатив населения в сфере доходов и занятости
Дифференцированный подход государства к регулированию оплаты труда населения различных территорий, работников различных ведомств	Дифференцированный подход государства к установлению территориальных коэффициентов оплаты труда для бюджетных отраслей экономики. Отказ от практики принятия федеральных решений по повышению оплаты труда для отдельных регионов, отраслей и категорий работников
Сочетание административных и экономических методов и средств управления при приоритете административных	Приоритет экономических методов и средств управления
Социальная поддержка (социальная помощь, социальное обслуживание) из государственных общественных фондов потребления Развитие бесплатных форм государственного социального обеспечения	Ограничение социальной поддержки до минимального государственного стандарта (минимальных государственных гарантий). Формирование системы социального страхования (из соответствующего фонда за счет обязательных взносов работодателей и поступлений из государственных источников) Преобладающее развитие платных социальных услуг Реализация дополнительных мер по социальной поддержке и увеличению доходов населения путем повышения минимальных размеров государственных социальных гарантий за счет средств региональных и местных бюджетов
Пенсионное обеспечение всех граждан в зависимости от трудового стажа и условий труда	Создание трехуровневой пенсионной системы. Переход от распределительной модели в пенсионном обеспечении к страховой модели

Окончание таблицы 5.1

Принципы 1980-х гг.	Принципы 1990-х гг.
Абсолютный приоритет трудовых доходов. Борьба с нетрудовыми доходами до середины 1980-х гг.	Паритет всех видов доходов, полученных допустимыми в правовом отношении способами
Одноканальное финансирование социальных расходов из государственного бюджета	Многоканальное финансирование из государственных и негосударственных источников. Создание государственных внебюджетных фондов социального назначения. Развитие социальной поддержки населения со стороны работодателей, профсоюзов и других общественных организаций. Развитие благотворительности и спонсорства
Концентрация средств социальной политики на федеральном уровне	Регионализация и муниципализация социальной политики, увеличение доли финансовых средств в региональных и местных бюджетах. Повышение правовых возможностей регионов в решении проблем социальной сферы — путем расширения перечня социальных льгот и абсолютных размеров выплат по ним по сравнению с установленным государством минимумом
Жесткое государственное регулирование: средств, направляемых на оплату труда; роста доходов населения — в первой половине 1980-х гг. Регулирование оплаты труда только на государственных предприятиях, установление ограничений на рост доходов — во второй половине 1980-х гг.	Государственное регулирование бюджетных средств, направляемых на оплату труда, на государственных предприятиях. Государственный контроль средней заработной платы на предприятиях всех форм собственности до 1994 г., отказ от ограничений на рост доходов населения во второй половине 1990-х гг.
Обеспечение повышения доходов и уровня жизни за счет роста производительности труда	Индексация доходов в связи с инфляцией — путем пересмотра минимальных размеров оплаты труда в бюджетной сфере, пенсий и социальных пособий
Полный государственный контроль цен на все виды товаров и услуг населению	Ограниченная ценовая политика, в т. ч. в отношении «товаров потребительской корзины» — путем установления границ торговой надбавки
Единая шкала подоходного налогообложения оплаты труда граждан	Прогрессивная шкала налогообложения всех видов доходов граждан — до 1999 г. Временный отказ от прогрессивности в налогообложении из-за низкого уровня собираемости налогов высокодоходных групп

Трансформация способов формирования и реализации социальной политики проявилась в **кардинальном изменении характера государственного регулирования социальных процессов**: на фоне активного становления системы рыночного саморегулирования значительно сократилась роль директивного планирования при заметном развитии индикативного регулирования. Последнее характеризуется, в частности, развитием государственной налоговой политики и регулирования социально-экономических процессов через рынок ссудного капитала, возрастанием роли государственного программирования и прогнозирования. Одновременно в 1990-х гг. происходило сокращение роли государственного заказа и государственной инвестиционной политики в развитии социальной сферы. Ситуация в этом отношении кардинально изменилась лишь со второй половины 2000-х гг., с реализации национальных проектов, стратегических и долгосрочных программ.

Среди способов социальной политики, направленных на предотвращение и смягчение воздействия социальных рисков, в годы социально-экономического и политического реформирования в первую очередь развивались такие направления деятельности, как их компенсирование (в первую очередь материальное), значительно меньше внимания уделялось предотвращению (методами запрета, нормативного регулирования или иными методами) и сдерживанию социальных рисков (методами блокирования, временного ограничения и др.). На основе принципа адресности развивались такие важные (и неизбежные, с позиции теории социальных рисков) направления деятельности, как социальное вспомоществование (милосердие, благотворительность) и социальное обеспечение.

В годы реформ в России произошла **смена отдельных направлений социальной политики** (например, переход от политики обеспечения полной занятости к политике эффективной занятости), **появились новые направления** — такие, как *политика регулирования рынка труда, поддержка малого предпринимательства* и др. **Значительно изменилось соотношение финансовых средств социальной политики, были сформированы новые источники финансирования социальных программ и мероприятий**, в т. ч. государственные внебюджетные фонды, доля которых в реализации социальной политики в отдельные годы перекрывала расходы из государственного бюджета. Заметно увеличилась доля таких источников финансирования, как благотворительные и спонсорские средства, поступающие от предприятий, в меньшей степени — от российских общественных и международных организаций и населения. Спецификой социальной политики начала 2000-х гг. являлось несоответствие ме-

жду наличием финансовых ресурсов и реальными потребностями в них в большинстве регионов России (хотя часто это было обусловлено неэффективностью использования этих ресурсов и нечеткостью определения приоритетов социальной политики).

Трансформационные процессы в социальной политике России в 1990-х гг. выразились также в **изменениях значимости и характера взаимодействия субъектов (акторов) политики**. Особенностью социальной политики периода реформ являлось **смещение значимости территориальных и социально-структурных уровней ее формирования и реализации от верхних к нижним**. Это выразилось в **повышении значимости регионального и муниципального уровней, усилении роли социальной политики в отношении отдельного человека и семьи**.

Акторы социальной политики выполняют функции, отражающие, с одной стороны, государственные цели управления социальной сферой, а с другой — интересы населения, отдельных социальных групп, организаций и территориальных общностей в удовлетворении их потребностей. Необходимость оптимального сочетания этих функций, целевых установок и интересов предъявляет высокий уровень требований к деятельности субъектов социальной политики. Основными критериями значимости акторов социальной политики в развитии социальной сферы являются их **институциональные и инструментальные возможности регулирования социальной сферы**. С учетом этих критериев государство в лице его законодательных и исполнительных структур федерального и регионального уровней по-прежнему играет наиболее весомую роль в процессах формирования и развития социальной сферы.

Взаимоотношения центра (федеральных органов управления) и регионов (органов управления субъектов Федерации) являются одной из важнейших форм взаимоотношений государственных субъектов социальной политики. Центральными предметами взаимоотношений центра и регионов являются: предметы совместного ведения, в т. ч. рычаги, инструменты регулирования социальной сферы; финансовые средства, в т. ч. средства федерального и регионального консолидированного бюджетов включая инвестиции, трансферты различного рода, средства внебюджетных фондов; формирование кадровой и организационной структуры, т. е. структуры региональных органов управления, состава их руководителей и специалистов, представителей центра в регионе; материальная база, инфраструктура региона (вопросы подчиненности предприятий и учреждений социальной сферы).

На региональном уровне перераспределение функций регулирования социальной сферы между федеральными и региональными государственными органами управления проявилось в усилении влияния последних не только в реализации, но и в формировании ряда важнейших направлений социальной политики, в т. ч. таких, как политика регулирования рынка труда, кадровая политика, социальное обеспечение. Региональные органы управления могут увеличивать размеры и расширять перечень социальных гарантий, определяющих минимальный государственный социальный стандарт, при наличии собственных финансовых возможностей бюджета региона. Как правило, такого рода дополнительные меры по социальной поддержке и повышению доходов населения (повышение размеров пенсий, заработной платы «бюджетников») в годы рыночных реформ реализовывались только в благополучных в экономическом отношении регионах страны (Москве, Тюменской области и др.).

Несмотря на усиление внимания, до сих пор остаются малоизученными социологами и экономистами каналы взаимодействий центра и регионов, их социальные механизмы. Можно выделить по крайней мере три основных канала взаимодействия: 1) между Президентом России, его аппаратом (в т. ч. представителями Президента в федеральных округах и субъектах Федерации) и региональными органами управления; 2) между парламентом (Советом Федерации и Государственной Думой РФ) и законодательными органами власти в регионе; 3) между правительством РФ и администрацией региона. По мнению экспертов, в годы рыночных реформ примерно 60% взаимоотношений, осуществляемых по этим каналам, являлись неформальными и, соответственно, с трудом поддавались изучению. В частности, к таким неизученным социальным механизмам относились механизмы распределения федеральных трансфертов регионам. Со второй половины 2000-х гг. учеными отмечено усиление транспарентности взаимоотношений центра и регионов и, как следствие, исследовательских возможностей в этой области.

Проблемы взаимоотношений центра и региона в годы рыночных реформ были связаны с недостаточно четким разграничением властных функций, распределением прав и ответственности между ними по решению социальных проблем [50, 152, 171]. Различные, часто противоположные интересы руководителей органов управления на региональном и федеральном уровнях заключались в сохранении существующего положения или приобретении дополнительных финансовых, инструментальных, институциональных возможностей в регулировании социальной сферы.

Тенденции первой половины 2000-х гг., несмотря на декларирование принципа регионализации и муниципализации социальной политики, свидетельствуют об усилении финансовой роли центра: соотношение доходов консолидированного государственного бюджета, направляемых в центр и оставляемых в регионе, стало меняться в пользу центра. В результате из-за слабой финансовой базы, недостаточного объема институциональных и инструментальных возможностей роль региональных органов и особенно органов местного самоуправления, оставалась сравнительно низкой почти до середины 2000-х гг.

Динамика ролей и характера взаимодействия акторов социальной политики в годы рыночных реформ проявилась также в **повышении роли первичных акторов (социальных групп) и негосударственных структур, развитии технологий и форм их взаимодействия**. В настоящее время население региона, его отдельные социальные группы и организации более открыто лоббируют свои интересы, связанные с увеличением свободы в реализации предпринимательской деятельности и регулирования сферы собственности, финансовых потоков и др. Интересы социальных групп и организаций более активно выражаются также через партнерские отношения, социальный контроль и протестное поведение.

* * *

Трансформационные процессы социальной политики в России в годы рыночных реформ проявились в изменении ее структурных компонентов (функций, целей и приоритетов, акцентов в уровнях реализации, модернизации методов и средств, расширении направлений) и форм, изменении подходов к оценке результативности. Многоаспектность трансформации социальной политики выразилась в ориентации на адаптированные (к современным условиям перехода к рынку) слои общества при формировании и реализации социальной политики; в приоритете активизации экономического поведения и экономических инициатив по сравнению с социальной поддержкой; в усилении дифференцированного подхода к регулированию социальной сферы; в формировании новых принципов социальной политики (социальная стандартизация, адресность, новые виды социального страхования); в повышении роли экономических методов в регулировании социальных процессов, в т. ч. индикативного регулирования и программирования; в формировании ряда новых направлений социальной политики (политика регулирования рынка труда, поддержка малого предпринимательства и др.); в повышении значимости регионального и муниципального уровней управле-

ния, предпринимательского сектора и общественных структур (третьего сектора); в становлении и развитии новых технологий взаимодействия акторов социальной политики и рынка труда.

5.2. Основные направления и технологии социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда

Анализ тенденций и механизмов трансформации социально-экономической активности населения (см. п. 4.1–4.3) показал, что повышение такой активности должно быть связано в первую очередь с реализацией конструктивных, инновационных стратегий, приводящих к положительным последствиям развития рынка труда. Рассмотрим, какие именно направления и технологии активизационной социальной политики необходимо использовать для реализации этой цели.

Прежде всего, как отмечалось в пункте 2.3, используемые направления и технологии должны быть социальными по своему содержанию. Основой реализации социальных технологий по повышению активности населения на рынке труда является формирование и эффективное использование двух систем: во-первых, системы устойчивых мотивов к трудовой и предпринимательской деятельности экономически активных граждан; во-вторых, развитой адресной системы социальной защиты нетрудоспособных и людей с ограниченной трудовой активностью. Ориентирами для реализации рассматриваемых технологий являются социальные нормативы, применяемые для диагностики, регулирования и прогнозирования процессов активности населения на рынке труда. К таким социальным нормативам, например, относятся:

- во-первых, государственный минимальный социальный стандарт, в т. ч. такие минимальные государственные социальные гарантии, как минимальные размеры оплаты труда, трудовой и социальных пенсий, пособия по безработице, стипендии учащимся и др. Они используются при сравнении с прожиточным минимумом и с соответствующими средними значениями показателей доходов населения в целом и отдельных его групп;
- во-вторых, привнесенные из практики управления рыночной экономикой западных стран, пока официально не принятые в России, но используемые наукой и практикой для выявления очагов социальной напряженности нормативы безработицы, бедности и со-

циального расслоения по доходам. Например, норматив уровня общей безработицы равен 10%, коэффициент фондов как показателя социального расслоения по доходам (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения) — 10 раз. Для оценки ситуации в отдельных регионах в качестве ориентиров иногда применяют средние показатели по стране.

Современными направлениями, компонентами *активизационной политики* являются политики регулирования рынка труда, управления человеческими ресурсами, обеспечения эффективной занятости, поддержки предпринимательства, регулирования доходов населения. Кроме того, к сфере регулирования активности населения на рынке труда относятся политики, как прямо, так и косвенно воздействующие на процессы формирования такой активности, среди них: образовательная политика, здравоохранение, демографическая (в т. ч. миграционная) политика и др.

Особое значение в годы реформ приобрела система социальной защиты населения и его отдельных категорий, включающая в себя защиту: 1) всего экономически активного населения — в реализации их социально-трудовых прав, в т. ч. права на установленный государством минимальный размер оплаты труда, обязательное пенсионное, медицинское и социальное страхование, страхование от безработицы; 2) занятого населения на неблагополучных предприятиях — от массового высвобождения работников, например, путем субсидирования таких предприятий; 3) неконкурентоспособных, наименее защищенных на рынке труда социальных групп — посредством технологии квотирования, создания специально организованных рабочих мест и др.; 4) безработных — путем реализации ряда активных и пассивных видов политики занятости; 5) мигрантов из неблагополучных территорий — посредством оказания помощи в переселении и трудоустройстве по новому месту жительства.

В дореформенный период государство использовало значительную по масштабам и достаточно сложную систему управленческих социальных технологий в области регулирования занятости и доходов населения. Во-первых, в рамках фонда общественного потребления действовали государственные гарантии занятости, пенсионного, социального и медицинского обеспечения населения. Во-вторых, с помощью межотраслевого баланса определялись пропорции отраслей народного хозяйства и осуществлялось государственное планирование темпов роста заработной платы в соответствии с темпами роста производительности

труда по отраслям народного хозяйства. В-третьих, разрабатывались типовые тарифные ставки и должностные оклады работников народного хозяйства. В-четвертых, применялись низкие ставки прямых налогов на заработную плату и другие виды доходов населения. В-пятых, существовала жесткая система контроля над доходами, в т. ч. за соотношением фонда и средней величины оплаты труда на предприятии (последняя вплоть до 1994 г.).

В настоящее время помимо непосредственно государственных форм регулирования активности населения на рынке труда, к социальным технологиям относятся также развивающиеся в трансформационный период технологии взаимодействия социальных групп и организаций, в т. ч. социальное партнерство, лоббирование и социальный контроль [7, 100, 120, 153, 182].

Анализ результатов ряда всероссийских и региональных исследований, в т. ч. проведенных нами выборочных социологических опросов населения и экспертных опросов руководителей региональных органов управления и предприятий в трех регионах Сибири, позволил выявить **особенности регулирования активности населения на рынке труда**, реализуемой как на уровне региона, так и на уровне предприятия. Известен ряд общероссийских экономико-политических причин, во многом определивших современные особенности активности населения на рынке труда:

- в первой половине 1990-х гг. это огромный дефицит госбюджета, высокие и необоснованные темпы проведения рыночных реформ, в т. ч. разгосударствления и приватизации, резкое снижение государственных заказов, приведшие к значительным по масштабам спаду производства и сокращению занятости населения, практически нерегулируемый рост инфляции;
- во второй половине 1990-х гг. это финансовая политика государства, выраженная в жесткой привязке рубля к курсу доллара, выпуске ценных бумаг, не обеспеченных соответствующей экономической деятельностью хозяйствующих субъектов, что привело к дефолту рубля в августе 1998 г.;
- в первой половине 2000-х гг. это государственная «сырьевая» политика, основанная преимущественно на использовании выгодных внешнеторговых цен на энергоносители;
- со второй половины 2000-х гг. это формирование основ инновационной политики, ориентированной на модернизацию экономического развития страны.

Однако, кроме экономико-политических причин необходимо выделить особенности реализации социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда. Выделим общие и специфические особенности регулирования рассматриваемой активности, сделав акцент на анализе кадровой политики и политики доходов населения, реализуемых на уровне региона, села, предприятия.

Региональная кадровая политика и политика доходов населения.

Трансформационные процессы на рынке труда, изменение характера активности населения на рынке труда и социально-трудовых отношений в России связаны во многом с реформированием политики доходов и кадровой политики. Это проявилось в отказе от механизмов планового обеспечения предприятий квалифицированными кадрами, формировании системы регулирования социально-трудовых отношений в режиме социального партнерства (на основе соглашений и коллективных договоров), передаче управленческих функций на региональный уровень и становлении нового подхода к управлению человеческими ресурсами.

Изменение целевых установок и стратегических направлений *политики доходов населения* в регионах в основном соответствовало общефедеральным, однако их реализация в виде конкретных программ и мероприятий имела заметную «региональную окраску». В 1990-х гг. среди стратегических целей регулирования сферы доходов населения выделяются, во-первых, обеспечение общего роста реальных доходов, полученных от трудовой деятельности, собственности, предпринимательства и других допустимых в правовом отношении способов; во-вторых — преодоление растущей бедности и сокращение неоправданных социальных различий. Если первая цель является традиционной для государственной социальной политики России, характерной и для дореформенного периода, то вторая стратегия является принципиально новой.

С учетом неблагоприятного положения по уровню бедности и социального расслоения населения реализации этой цели в проблемных регионах уделялось особое внимание. Разрабатывались целевые региональные программы, законы и нормативные документы по социальной защите наименее обеспеченных, неконкурентоспособных групп, расширению социальной помощи и обслуживания, организации условий по формированию и развитию материальной базы социальной поддержки населения, создавались условия для эффективной реализации в регионах федеральных социальных программ.

Среди основных задач региональной политики доходов населения выделялись сокращение задолженности по выплате заработной платы,

пенсий и социальных пособий; создание механизмов, препятствующих возникновению и росту невыплат на предприятиях всех форм собственности; ликвидация сложившихся социальных деформаций, обеспечение более справедливых соотношений в оплате труда работников различных категорий, предприятий, отраслей путем усиления роли региональных тарифных соглашений и коллективных договоров в регулировании доходов, заключаемых между региональными представителями государства, работодателями и объединениями лиц наемного труда; создание условий для улучшения материального положения населения путем развития региональной экономики, в т. ч. малых предприятий и личного подсобного хозяйства; повышение социальной защиты в области занятости для представителей неконкурентоспособных групп на рынке труда.

К особенностям социальной политики в проблемных регионах, формируемой и реализуемой на субфедеральном уровне, относится особое внимание к решению проблем сокращения задолженностей по выплате заработной платы, пенсий и различного рода социальных пособий, субсидированию и квотированию рабочих мест для наименее защищенных групп на рынке труда, сохранению бесплатных социальных услуг, формированию системы адресной социальной помощи и обслуживания, регулированию цен на товары «потребительской корзины», поддержке занятости в личном подсобном хозяйстве.

В 1990-х гг. произошло расширение направлений и инструментов регулирования доходов населения. В настоящее время основными составляющими политики доходов населения являются не только регулирование их (доходов) отдельных традиционных элементов (оплаты труда, социального и пенсионного обеспечения). На процессы формирования и использования этих доходов активно влияют также программы и мероприятия в области поддержки предпринимательства, валютных и кредитно-денежных операций, обеспечения эффективной занятости, сохранения и развития социальных услуг и др. Так, по результатам анализа законодательных актов и нормативно-правовых документов, а также экспертного опроса руководителей региональных исполнительных и законодательных органов управления в Алтайском крае, основными федеральными и региональными технологиями и инструментами регулирования сферы доходов населения в годы рыночных реформ являлись:

- трансферты, субвенции и прямые субсидии учреждениям, населенным пунктам, сельским районам, социальным группам, выделенные из специальных бюджетных и внебюджетных фондов

федерального и регионального уровней и направляемые на улучшение положения населения в сфере доходов;

- индексация доходов в связи с инфляцией; контроль формирования и распределения заработной платы и социальных трансфертов, в т. ч. контроль их своевременной выплаты; инструменты государственной ценовой политики региона, касающиеся товаров «потребительской корзины»;
- рычаги обеспечения занятости населения;
- регуляторы обеспечения установленного государством минимального уровня услуг в сфере образования, здравоохранения и культуры, развитие страховых форм медицинского обслуживания.

Подавляющее большинство таких технологий и рычагов воздействия на активность жителей регионов на рынке труда используются на федеральном уровне, арсенал подобных средств регионального уровня беднее. Среди технологий и инструментов регулирования сферы доходов населения, используемых государственными органами управления в проблемных регионах, распространение получили в 1990-х гг. в большей степени технологии и инструменты бюджетной и ценовой политики в отличие, например, от кредитно-денежной.

Общей технологической основой формирования эффективной *кадровой политики*, соответствующей требованиям рынка, стала разработка и принятие нормативных правовых актов, региональных схем и программ, создание фондов, способствующих обеспечению занятости населения, поддержке малого и среднего предпринимательства, развитию системы профессионального образования, профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников.

В 2000-х гг. в Алтайском крае и ряде других регионов приняты региональные законы, постановления программы (об объединении работодателей, социальном партнерстве, об охране труда, о повышении квалификации и переподготовке работников и др.), способствующие обеспечению баланса интересов работников и работодателей, расширению договорных начал в социально-трудовых отношениях, усилению защиты прав работников.

Основными задачами и направлениями в области региональной кадровой политики являются следующие [7, 17, 100, 117–118, 120, 153].

1. *Изучение и прогнозирование потребности регионального рынка труда в квалифицированных кадрах* (рабочих и специалистов). На этой основе в дальнейшем *формируется региональный заказ на подготовку кадров*. Основными технологиями решения данной задачи являлись проведение

исследований предприятий и организаций региона (например, в Алтайском крае), разработка и реализация региональных схем организации рабочих мест (как, в частности, в Новосибирской области).

Актуальность прогнозирования потребностей рынка труда обусловлена избытком предложения образовательных услуг по отдельным профессиям, слабой их увязкой с запросами работодателей. С одной стороны, качество образования и номенклатура специальностей не соответствуют в необходимой мере требованиям рынка труда. Так, в годы реформ значительно сократилась подготовка профессиональными училищами рабочих кадров для промышленных предприятий, снизилось качество подготовки специалистов вузами. Этому способствовало отсутствие помощи со стороны предприятий в поддержании материальной базы учебных заведений, прохождении производственной практики учащимися и студентами. С другой стороны, сами работодатели стали предъявлять более высокие требования к уровню знаний и навыков выпускников профессиональной школы при приеме на работу.

2. Содействие реальному сектору экономики в обеспечении предприятий квалифицированными кадрами, повышении уровня профессионального образования работников. Это направление реализуется посредством развития системы профессиональной ориентации и психологической поддержки населения, профдиагностики выпускников общеобразовательных школ; контроля качества подготовки специалистов, в т. ч. открытия новых специальностей и направлений в учебных заведениях профессионального образования, объемов подготовки по ним, деятельности негосударственных образовательных учреждений; установления партнерских связей предприятий с учебными заведениями профессионального образования; формирования резерва руководящих кадров. В регионах при содействии администраций проводятся мероприятия по повышению квалификации руководящих работников промышленных предприятий с использованием профессионального и психологического тестирования руководителей и специалистов, обучения специалистов по программе подготовки управленческих кадров.

Особую актуальность в годы реформ приобрела проблема *привлечения и закрепления молодежи на производстве*, что связано со значительным падением социальной привлекательности производственных рабочих мест. Одним из механизмов решения данной задачи является *развитие шефства-наставничества*, помогающего молодым работникам лучше адаптироваться в трудовом коллективе, повысить свой про-

фессиональный уровень, обучаясь у лучших мастеров. К таким механизмам можно отнести также *целевой набор выпускников сельских школ в вузы*. Для обеспечения квалифицированными кадрами предприятий и организаций, расположенных в сельских районах и малых городах, такой целевой набор осуществляется (с использованием средств регионального бюджета) в Алтайском крае и ряде других российских регионов с конца 1990-х гг. По завершении обучения будущие специалисты, согласно договору, трудоустраиваются на предприятия и в организации их территорий. Кроме того, предполагались в региональном бюджете расходы на выделение им единовременной финансовой помощи и ссуды на строительство или приобретение жилья. С конца 2000-х гг. внимание этой проблеме еще более усилилось (программы обеспечения молодых семей жильем, привлечения учителей и врачей в сельскую местность и др.).

3. *Улучшение условий и оплаты труда работников на производстве*. С этой целью реализуются технологии, связанные с *возрождением нормирования труда и оценкой качества персонала*. Во-первых, региональными органами управления организуется *аттестация рабочих мест по условиям труда*, позволяющая выявить не соответствующие требованиям гигиены и безопасности и спланировать сроки и мероприятия по устранению нарушений. Во-вторых, используется *технология оценки персонала предприятий и организаций в форме аттестации руководителей и специалистов и тарификации рабочих*. На ее основе на принципах социального партнерства *вводится тарифное регулирование уровня заработной платы*, т. е. распределение работников по категориям, разрядам тарифной сетки, и определяются близкие к оптимальным пропорции в оплате труда.

4. *Формирование региональной системы управления человеческими ресурсами по схеме «Образование — профессионализация — трудовая деятельность — повышение квалификации — мастерство — творческая самореализация»* путем *содействия предприятиям и организациям в формировании служб управления персоналом и подготовке менеджеров по управлению персоналом*. В условиях рынка, наряду с традиционными функциями оформления найма и увольнения работников, на службы управления персоналом ложится ответственность за обеспечение в необходимом объеме качественного состава работников. Такие службы выполняют задачи регулирования социально-трудовых отношений, включающие в себя прогнозирование текущей и перспективной потребности в кадрах на основе стратегии развития предприятия, оценку кад-

ров и формирование кадрового резерва, организацию подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников, разработку систем оплаты труда и трудовой мотивации, координацию работы по улучшению условий труда и др.

5. *Развитие системы социального партнерства* на основе договорного взаимодействия администраций регионов и органов местного самоуправления с учебными заведениями профессионального образования, работодателями и профсоюзами [120, 153, 167]. Социальное партнерство является с 2000-х гг. одной из основных технологий кадровой политики и управления человеческими ресурсами. Субъектами социального партнерства разрабатываются совместные обязательства, которые отражаются в территориальных соглашениях и коллективных договорах предприятий и организаций. В эти документы, как правило, включаются вопросы, связанные с улучшением условий труда работников, ростом их зарплаты в соответствии с результатами труда. В 2000-х гг. региональные органы управления стимулируют включение в данные документы предложений о выделении льготных кредитов на образование и повышение квалификации, определении налоговых льгот предприятиям, ведущим активную работу по развитию персонала, разработке механизма выделения ссуд молодым работникам на строительство и приобретение жилья.

Активизационная политика на сельском рынке труда. Проблемы эффективного регулирования рынка труда, повышения социально-экономической и социально-политической активности населения являются и в настоящее время особенно острыми для сельской местности и относятся к приоритетным в современной социально-экономической политике России.

Одним из основных факторов, определяющих ситуацию на сельском рынке труда, является государственная социально-экономическая политика, в первую очередь федерального уровня. Так считают $\frac{3}{4}$ опрошенных экспертов-руководителей региональных и муниципальных органов управления, центров занятости. Высокую значимость социально-экономической политики в результативности своей хозяйственной деятельности подтвердили также опрошенные сельские предприниматели — работодатели и самозанятые.

Рыночные преобразования на селе, формирование сельского рынка труда были во многом предопределены кардинальными изменениями федеральной нормативно-правовой базы, в т. ч. Законами РФ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (1990 г.), «О занятости населения РФ»

(1991 г. в ее современной редакции), «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997 г.), Трудовым кодексом РФ, Земельным кодексом РФ, Постановлением о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий (1991 г.) и др. К основным формам поддержки сельхозпроизводителей, используемым в государственной аграрной политике периода рыночных реформ, относятся государственное финансирование инвестиционной деятельности; дотации и компенсации на производство сельскохозяйственной продукции и приобретение материально-технических ресурсов аграрного назначения; кредитование, в т. ч. льготное, лизинг сельхозтехники и племенных животных; государственные закупки сельхозпродукции и продовольствия, госзаказ; льготы по налогам; реструктуризация задолженности сельхозпредприятий перед государственным бюджетом; поддержка страхования урожая сельхозкультур.

Анализ нормативно-правовой базы, формируемой и реализуемой в Алтайском крае, и экспертных оценок позволяет выделить особенности социально-экономической политики региона в годы реформ, повлиявшей в конечном счете на ситуацию на сельском рынке труда. К ним относятся в 1990-х гг., вплоть до середины 2000-х гг. (в силу более неблагоприятного финансово-экономического положения региона, его предприятий) неполное и несвоевременное бюджетное финансирование и относительно низкая поддержка сельхозпроизводителей, более низкий (по сравнению с горожанами) уровень социальной защиты сельских жителей, значительно большие масштабы задержек заработной платы и социальных трансфертов, но при этом несколько большие масштабы поддержки фермерских и семейных крестьянских хозяйств (в сравнении с поддержкой малого бизнеса городов) [77–81; 167; 180, с. 160–196; 204; 205]. Так, в конце 1990-х гг. в Алтайском крае были приняты региональная программа, ряд краевых законов и постановлений, где значительное внимание уделяется созданию условий для улучшения материального положения жителей края, участвующих в формировании регионального продовольственного фонда. Со второй половины 2000-х гг. особую значимость стали иметь нацпроект по развитию АПК, федеральная и краевая программы социального развития села, региональная программа устойчивого развития сельских территорий и др., значительно изменившие ситуацию на селе [4, 202, 203].

В качестве основных препятствий при реализации социально-экономических действий в годы рыночных реформ сельские предприниматели

выделили в первую очередь недостатки федеральной социально-экономической политики, в т. ч. ее неустойчивость (60–80% ответов), высокие налоги (каждый четвертый-пятый представитель рассматриваемых групп), нехватку заемных средств, недостаточно разработанную нормативно-правовую базу предпринимательской деятельности. Каждый восьмой самозанятый отметил бюрократию, волокиту, взяточничество, коррупцию в региональных и местных органах управления.

К организациям, чаще всего оказывавшим помощь сельским жителям в разрешении социально-экономических проблем на рынке труда (в трудоустройстве, повышении оплаты труда, восстановлении трудовых прав), относились в первую очередь государственная служба занятости и ее территориальные органы (по мнению $\frac{3}{4}$ экспертов, опрошенных в начале 2000-х гг.), а также муниципальные органы управления (50%). Довольно часто население решало свои проблемы самостоятельно (38%) либо с помощью родственников и друзей (20%). Лишь по мнению четверти экспертов помощь оказывала администрация предприятий. Реже всего в решении проблем селян помогают региональные органы власти (20%).

К наиболее эффективным мерам по улучшению ситуации на сельском рынке труда эксперты отнесли, как правило, мероприятия активных политик занятости, в т. ч. содействие трудоустройству, целевую поддержку рабочих мест, содействие развитию предпринимательства и самозанятости населения (главным образом поддержку личного подсобного хозяйства), создание дополнительных рабочих мест, организацию общественных работ и временной занятости, профориентацию и профессиональное обучение. Среди примеров эффективно реализуемых мер по сохранению имеющихся и созданию новых рабочих мест выделены такие, как организация условий для развития переработки сельскохозяйственной продукции (*«Открытие в крупных периферийных селах цехов по переработке сельхозпродукции»*) и помощь в реорганизации предприятий-банкротов.

Наиболее значимую роль в формировании новых рабочих мест в сельской местности в 2000-х гг. играют различные частные предприятия (так считали $\frac{3}{4}$ экспертов, опрошенных в начале данного десятилетия), далее за ними следуют государственные и муниципальные предприятия (42%). Роль фермеров в решении этих проблем оставалась незначительной в начале 2000-х гг., но она заметно возросла с начала реформ (18%). К концу десятилетия экспертные оценки значимости фермеров значительно возросли.

В обследованных регионах накоплен достаточно большой опыт эффективной работы по поддержке предпринимательской деятельности и самозанятости сельского населения. К эффективным способам поддержки предпринимательской деятельности и самозанятости эксперты отнесли микрокредитование предприятий, лизинг, формирование госзаказа на сельскохозяйственную продукцию, закуп продукции ЛПХ у населения. Содействие трудоустройству на селе, как считают эксперты, сводилось довольно часто к организации общественных работ, временной и сезонной занятости, например: *«На все лето безработные принимаются на субсидированные бюджетом рабочие места и приглашаются на летние работы в градообразующие предприятия (СПК)».*

Социально-политическая активность работодателей на рынке труда, их активизационные политики и технологии. Изменение отношений собственности, приватизация подавляющего большинства государственных предприятий, возникновение множества небольших частных фирм, компаний, формирование отношений «Работодатель — наемный работник» привели к *росту значимости работодателей как самостоятельного субъекта социальной политики и социально-политической активности*, играющего особую роль в регулировании социально-экономического положения работников предприятий. Наиболее заметно *повысилась роль работодателей в сфере формирования условий и оплаты труда, в социальной поддержке наемных работников и политике занятости.*

В условиях рыночной экономики, разнообразия форм собственности, у работодателя, как и у работника, повысился экономический интерес к установлению обоснованных норм труда и их использованию. Причем из-за несовершенства рыночных отношений этот интерес каждой стороной трактовался по-своему. Наемный работник заинтересован в более эффективном использовании рабочего времени и высоких ставках оплаты труда. Работодатель же в своем стремлении извлечь максимальную прибыль также должен быть заинтересован в рациональном использовании живого труда. Однако на практике дело обстояло иначе.

Изменения характера социальной защиты работников предприятий связаны в значительной степени с развитием форм взаимодействия различных субъектов социальной политики (работодателей, государства, профсоюзов и др.): социально-экономического и социально-политического контроля, открытого лоббирования своих интересов, социально-партнерства и др. Именно через реализацию технологий социально-

го партнерства уже получены заметные результаты в развитии правовой основы для социальной защиты занятых на производстве, социальных гарантий отдельных категорий работников (женщин, молодых работников, инвалидов, лиц пенсионного и предпенсионного возраста), что нашло отражение в коллективных договорах, региональных и отраслевых тарифных соглашениях. Как уже отмечалось, наиболее заметно повысилась роль работодателей в политике занятости, регулировании доходов работников предприятия, сфере формирования условий труда и социальной поддержке наемных работников. При этом общей тенденцией в годы реформ являлось снижение затрат предприятия на воспроизводство рабочей силы (см. п. 4.2).

Политика занятости работодателя представляет собой деятельность по сохранению имеющихся рабочих мест, созданию новых и улучшению их качества (прием и увольнение, обучение и повышение квалификации, ротация работников). Если и в дореформенный период руководство предприятия играло существенную роль в решении вопросов о приеме и увольнении, то в годы реформ эти функции почти полностью перешли к работодателю. В конечном счете именно работодатель определяет численность и качественный состав персонала предприятия, и в первую очередь это касается частных предприятий. Государство воздействует на принятие решения работодателя с помощью Трудового кодекса РФ, законов и программ о занятости населения, мероприятий по управлению человеческими ресурсами и др., но степень участия государства в таких решениях сравнительно невысока.

Регулирование доходов работников предприятий включает в себя политику работодателя в области оплаты труда и выплаты дивидендов. В конце 1980-х гг. предприятия получили практически полную свободу в определении форм и размеров оплаты труда, получении предпринимательских доходов. В результате рыночных преобразований, а также особой политики работодателей в определении заработной платы в 1990-х гг. значительно сократился объем реальной заработной платы, но в 2000-х гг. улучшение экономического климата в стране и на предприятиях позволило восстановить эти потери (см. п. 4.2).

По результатам экспертного опроса руководителей крупных и средних предприятий и региональных органов управления (табл. 5.2), кадровая политика работодателей в период реформ, включающая в себя политику занятости и политику доходов, проявлялась в следующих действиях¹.

¹ Стратегии упорядочены по степени их распространенности с конца 1990-х гг.

Таблица 5.2

**Стратегии кадровой политики разнодоходных групп работодателей
в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		население в целом	I	II	III
1	Увольнял неконкурентоспособных работников (с низким уровнем образования и квалификации, с ограниченной трудоспособностью)	48,8	16,7	68,8	50,0
2	Повышал свое образование, квалификацию	41,9	41,7	37,5	42,9
3	Старался удерживать рабочие кадры путем увеличения зарплаты	39,5	25,0	56,3	35,7
4	Принимал на работу членов своей семьи и других родственников	32,6	25,0	25,0	50,0
5	Увольнял работников в случае производственной необходимости	23,3	8,3	31,3	28,6
6	Временно задерживал заработную плату с целью сохранения предприятия	23,3	16,7	25,0	28,6
7	Принимал на работу в основном низкоквалифицированную дешевую рабочую силу	23,3	41,7	12,5	21,4
8	Увеличивал социальные гарантии, социальные выплаты	14,0	8,3	25,0	7,1
9	Вынужденно снижал затраты на рабочую силу	7,0	8,3	6,3	7,1
10	Вынужденно снижал заработную плату работников	7,0	0	6,3	14,3
11	Вынужденно держал работников на маленькой зарплате, стараясь сохранить трудовой коллектив	4,7	0	12,5	0
12	Сокращал социальные выплаты различного рода	2,3	0	0	7,1

*I — группа с низкими среднедушевыми доходами семьи (до 1 прожиточного минимума на 1 человека в семье); II — группа со средними доходами (от 1 до 3 ПРМ); III — группа, имеющая сравнительно высокие доходы (свыше 3 ПРМ).

1. *Увольнение персонала в случае производственной необходимости.* Руководители предприятий увольняли в первую очередь неконкурентоспособных работников — с низким уровнем образования и квалификации, ограниченной трудоспособностью, предпенсионного и пенсионного возраста. Распространенность таких действий значительно выросла в 1990-х гг., особенно — во второй половине десятилетия.

2. *Перевод в «резерв», административные отпуска без оплаты либо с частичной оплатой труда.* Популярность таких мероприятий росла до середины 1998 г. (в начале десятилетия только каждый десятый руководитель считал эти действия распространенными, в середине 1990-х гг. — уже половина), затем значительно упала — более чем в полтора раза.
3. *Временная задержка заработной платы.* Это наиболее популярная стратегия в период с 1992 г. до дефолта рубля 1998 г. Затем ее распространенность падала, и в начале 2000-х гг. только каждый четвертый эксперт считал ее популярной.
4. *Создание рабочих мест, прием на работу в основном высококвалифицированной рабочей силы* (как на высокую, так и на сравнительно низкую заработную плату). С 1992 г. распространенность этих действий выросла в два с лишним раза, в т. ч. после дефолта — почти в полтора раза. В начале 2000-х гг., по мнению директоров, в конечном счете экономически выигрывают «лучшие работники» (с более высоким уровнем квалификации, производительности труда, дисциплинированности), а «худшие» — остаются в проигрыше.
5. *Низкий уровень оплаты труда при сохранении основного кадрового состава.* Популярность росла до середины 1998 г. (каждый четвертый эксперт относил эти действия к наиболее распространенным), затем упала в два раза. Работодатели «не шли» на административное сокращение персонала, так как это требовало дополнительных денежных затрат. В результате сокращение кадров происходило как бы «естественным» путем: поскольку, несмотря на инфляционный рост, работодатели заработную плату не поднимали, работники увольнялись сами.
6. *Сохранение персонала, в первую очередь высококвалифицированных работников, путем увеличения зарплат.* Руководители предприятий, по их оценкам, повышали заработную плату своим работникам в зависимости от роста их квалификации, производительности и интенсивности труда: популярность росла на протяжении всего прошедшего десятилетия и более высокими темпами после дефолтного 1998 г.
7. *Сокращение заработной платы работников.* Так поступал каждый восьмой работодатель в начале рыночных реформ, затем распространенность таких мероприятий упала более чем в два раза.

8. *Прием на работу членов своей семьи и других родственников.* Эти действия характерны для второй половины 1990-х гг., особенно после 1998 г. И в начале 2000-х так поступал каждый седьмой работодатель.

Самую низкую оценку распространенности, вопреки существующему тогда мнению, получила стратегия создания низкооплачиваемых рабочих мест. Этим стратегией руководствовались в большей степени низкодоходные работодатели, они принимали на работу низкоквалифицированную дешевую рабочую силу в 3,3 и почти 2 раза чаще, чем средне- и высокодоходные работодатели (табл. 5.2). В то же время, в силу, как правило, низкого уровня начального капитала, занятости в менее прибыльных отраслях, нехватки соответствующей социально-экономической подготовки и образования, квалификации, отсутствия либо меньшей развитости предпринимательской «жилки» низкодоходными работодателями реже реализовывались стратегии кадровой политики, связанные с новыми технологиями, использованием высококвалифицированного труда. В целом они — менее опытные менеджеры, но при этом характеризуются менее жестким использованием рабочей силы в отношении дисциплины, увольнений, снижения или задержек заработной платы, приема на низкую зарплату.

Специфическими стратегиями средне- и высокодоходных работодателей, соответственно, являлись увольнение работников в случае производственной необходимости (в 3,8 и 3,4 раза чаще, чем в группе низкодоходных работодателей), временная задержка заработной платы (в 1,5 и 1,7 раза чаще), использование высококвалифицированного труда (1,5 и 1,7), удержание работников путем увеличения зарплаты (2,3 и 1,4), прием на работу членов своей семьи (в 2 раза чаще). Сокращение уровня заработной платы и социальных выплат работников применяют 6% среднедоходных работодателей и 14% высокодоходных, низкодоходные не используют эту стратегию. Содержание работников на маленькой зарплате используют только среднедоходные работодатели (12,5%).

В отношении *социальной поддержки работников* оценки экспертов показали значительную дифференциацию в ее использовании в зависимости от финансово-экономического положения предприятия, причем в равной степени применялось как увеличение, так и сокращение социальной помощи, социальных выплат. Руководители благополучных предприятий имели возможность увеличивать социальную поддержку, и на ряде предприятий это действительно происходило, тогда как на неблагополучных предприятиях ее практически свели к нулю.

Рыночный характер реформ не аннулировал, но кардинально видоизменил систему мероприятий по социальной поддержке работников предприятий. На многих предприятиях и в начале 2000-х гг. широко использовались различные меры социальной направленности, хотя набор их и частота применения заметно сократились. Сохранение мер социальной поддержки и социальной защиты работников может быть объяснено уже не столько данью патерналистским традициям, сколько использованием их в качестве дополнительного способа закрепления и привлечения необходимых кадров, одного из мотивов трудовой деятельности, в конечном итоге приносящим экономическую выгоду для работников и работодателей.

В структуре затрат расходы предприятий и организаций на социальную защиту работников относятся к дополнительным затратам на рабочую силу, включающим в себя: обязательные отчисления в государственные социальные фонды; отчисления организаций на пенсионное, медицинское и другие виды добровольного страхования работников; другие дополнительные расходы на социальную защиту, осуществляемые непосредственно на предприятиях и в организациях. По обследованным предприятиям и организациям, например, в Алтайском крае, расходы на социальную защиту составляли в конце 1990-х гг. около трети от общей суммы затрат на рабочую силу. При этом свыше 90% всех расходов на социальную защиту падали на обязательные взносы в государственные социальные фонды.

Что же касается других дополнительных мер по социальной поддержке работников, то в 2000-х гг. значительная часть предприятий по-прежнему предоставляла своим работникам достаточно широкий спектр социальных услуг, хотя, как уже отмечалось, объем этих услуг значительно сократился в начале десятилетия, затем сильно дифференцировался в зависимости от экономических возможностей предприятия. По результатам всероссийских и региональных исследований к наиболее популярным мерам социальной поддержки работников предприятий в первой половине 2000-х гг. относились медицинское и санаторно-курортное обслуживание, помощь в посадке картофеля, компенсация оплаты питания в столовых, оплата транспортных расходов. На многих предприятиях в урезанной форме, но все же сохранилась система дополнительных социальных выплат работникам, выделение материальной помощи и ссуд [153, 167, 171, 180]. Среди различных форм социальных выплат основными являются денежные выплаты в связи с рождением ребенка и в связи с несчастными случаями на производстве (помимо предусмотрен-

ных законодательством), оплата расходов на медикаменты. Такая форма поддержки более популярна среди бюджетных предприятий, что объясняется прежде всего низким уровнем доходов их работников. Менее распространены такие меры социальной поддержки, как компенсации по оплате коммунальных и других бытовых услуг. Обычно они используются на предприятиях с низкой заработной платой работников и (или) значительными задержками по их выплате.

Кроме того, к особенностям социальной поддержки работников предприятий второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. по сравнению с периодом начала реформ относится *существенное сокращение роли натуральных форм социальной поддержки*, значительная часть помощи оказывается в денежной форме (включая оплату транспортных, медицинских и других видов услуг). С переходом к рыночным отношениям *сократилось предоставление социальных услуг по месту работы*, что связано с приватизацией объектов социально-бытового и культурного назначения, прежде всего в сфере организованного отдыха. В начале 2000-х гг. практически потеряли значение такие распространенные на предприятиях в дореформенный период и в первой половине 1990-х гг. виды социальной поддержки, как снабжение продовольствием (исключение составляют сельскохозяйственные предприятия) и дефицитной продукцией, а также услуги по предоставлению жилья и уходу за детьми.

В рассматриваемый период, особенно ближе к концу 1990-х гг., *появились новые виды социальной поддержки на предприятиях и новые механизмы реализации существовавших ранее расходов*, в т. ч. дополнительное медицинское и негосударственное пенсионное страхование работников. Неудивительно, что частные предприятия использовали их чаще, чем предприятия государственного сектора.

По итогам как российских, так и региональных исследований социальную поддержку работникам в виде различных социальных выплат и услуг оказывают чаще государственные предприятия, а также крупные приватизированные предприятия. На многих частных предприятиях, образованных в годы рыночных реформ, работники довольно часто не имеют социальных льгот, их привлекает главным образом более высокая заработная плата. При этом сами работники, независимо от формы собственности предприятия, как правило, низко оценивают значимость проводимых предприятиями мер по социальной поддержке, считают их малозначимыми по сравнению с заработной платой.

Особенностью социальной защиты работников российских предприятий в период трансформации является *значительное увеличение различий*

в социальной поддержке работников в зависимости от их должностного и профессионально-квалификационного статуса, а также в зависимости от уровня социально-экономического благополучия, отраслевой и территориальной принадлежности предприятий. Например, на благополучных предприятиях дополнительное медицинское страхование, выделение и аренда жилья, приобретение дорогостоящих подарков (автомобилей, товаров длительного пользования) для сотрудников, поездки за рубеж и путевки в санатории и дома отдыха остаются важным звеном закрепления наиболее значимых кадров, повышения уровня их совокупных доходов.

Сравнительно редко, по оценкам представителей региональных органов управления, в 1990-х гг. работодатели организовывали *переобучение и переподготовку работников*. Сами работодатели и считали в качестве значимых направлений их деятельности обучение и переподготовку персонала, но этот вид деятельности существенно утратил свою первоначальную роль. Образовательная функция стала «уделом» в первую очередь самого работника. Например, в Алтайском крае расходы на профобучение в конце 1990-х гг. составляли около 0,1% в структуре затрат предприятий и организаций на рабочую силу. Только во второй половине 1990-х гг. они сократились в 2–7 раз в зависимости от отрасли. Особенно значительно сократились объемы внутрифирменной подготовки кадров. Отделы технического обучения на предприятиях с трудовыми коллективами, насчитывающими тысячи работников, сокращены до одного-двух человек. В 2000 г. только 2% обследованных предприятий направляли на профессиональное развитие работников более 1% от фонда оплаты труда, каждое четвертое предприятие — менее 1%, остальные не производили затрат на эти цели.

По справедливому утверждению А.К. Мишина, к кадровому потенциалу в годы рыночных реформ «работодатели привыкли относиться более чем равнодушно, исходя из двух посылок во-первых: «Рабочих рук у нас так много, что нет смысла их ценить, не понравились одни — найдем другие»; во-вторых: «Наши работники имеют достаточный профессиональный и образовательный уровень, учить их нет необходимости». Но жизнь рассеяла эти иллюзии, теперь всем стало понятно, что профессионалов на свободном рынке труда больше не найдешь и что кадровый потенциал теперь реально определяет развитие организации, а следовательно, и экономики в целом» [120].

По результатам исследования ситуации в сфере *условий и охраны труда*, на многих предприятиях рабочий день значительно превышал предусмотренный Трудовым кодексом РФ. Работодатели устанавлива-

ли завышенные производственные задания, не соблюдали нормы организации и охраны труда. При этом наемные работники далеко не всегда предъявляли законные требования к соблюдению нормальных условий труда и оптимальной его напряженности, если отсутствие таковых хоть частично компенсировалось повышением оплаты труда. Налицо была прямая эксплуатация, результатом которой являлось ухудшение здоровья работников. Далеко не все из них могли выполнить завышенные производственные нормы, что вело к потере части заработка, трудовым конфликтам и увольнению.

Передача государством основных функций и прав собственника средств производства и работодателя на первичный хозяйственный уровень привела к существенному изменению характера и распределения ответственности за безопасность труда и профессиональные риски. Однако неразработанность правовых форм регулирования являлась причиной того, что государственные механизмы не в состоянии были обеспечить функцию контроля соблюдения работодателями правил по технике безопасности и гигиене труда.

Профсоюзы, политические партии и иные общественные организации играют в процессе выработки и проведения социальной политики особую идеологическую роль [171], при этом их социальная политика в годы рыночных реформ отличалась фрагментарностью, отсутствием комплексного подхода, ситуативностью. Как правило, они не располагают значительными финансовыми ресурсами по сравнению с государственными средствами и средствами работодателей. Вместе с тем эти структуры являются представителями определенных социальных групп (наемных работников, пенсионеров, женщин, молодежи и др.) и отстаивают минимальный уровень их социальной защищенности, что документально фиксируется в федеральных и региональных законах и программах, генеральных, региональных и отраслевых тарифных соглашениях с органами государственной власти и работодателями.

По результатам отечественных исследований (Е. Виноградовой, Н. Дунаевой, Р. Кнаак, Н. Колесникова, Е. Макарова, Б. Ракитского, Н. Седова, П. Смирнова, А. Соловьева, Т. Четверниной, П. Чукреева и др.), в годы рыночных реформ большинство профсоюзов играло низкую роль в сравнении с реальной потребностью в социальной защите наемных работников. Аналогичные результаты получены по данным исследования, проведенного нами в 1999–2001 гг. Несмотря на то, что *роль профсоюзов в защите интересов наемных работников на отдельных крупных и средних предприятиях Алтайского края к началу 2000-х гг. заметно возросла,*

их участие в социальной политике признавалось экспертами (руководителями и специалистами региональных органов управления) *как незначительное*. В частности, наиболее распространенными действиями профсоюзов предприятий в 1990-х гг. стала организация протестов в связи с задержками по выплате заработной платы.

В 1990-х гг. значительно возросли противоречия интересов работодателей и наемных работников, наблюдался существенный рост числа конфликтов, проявляющихся, например, в митингах, забастовках и других формах протестного поведения. Сгладить эти противоречия, разрешить конфликты можно с помощью эффективных механизмов взаимодействия всех субъектов социальной политики. Одним из таких механизмов является *социальное партнерство*, активное формирование которого происходило в России в годы реформ как на федеральном и региональном уровнях, так и на уровне предприятия. В частности, именно через реализацию технологий социального партнерства региональные органы управления и профсоюзы уже добились значительных продвижений в развитии правовой основы для социальной защиты занятых на производстве, социальных гарантий отдельных категорий работников (женщин, молодежи, инвалидов, лиц пенсионного и предпенсионного возраста), что нашло отражение в коллективных договорах, региональных соглашениях.

Как показали результаты наших исследований и исследований В. Н. Иванова, В. И. Патрушева и других российских ученых, *социальная политика российских работодателей в годы рыночных реформ содержала значительную квазикомпоненту* [167, 220]. Это касалось той части работодателей, которые основную цель своей деятельности (максимизацию прибыли) реализовывали со значительными нарушениями действующего законодательства в ущерб наемным работникам, что отражалось на их взаимоотношениях с последними. Примерами квазисоциальных технологий являлись задержки по выплате заработной платы, пенсий и других социальных трансфертов, к которым прибегали государственные органы власти (в 1990-х гг.) и частные субъекты хозяйствования, создание частными работодателями относительно высокооплачиваемых (как правило, «черным налом») рабочих мест [153, с. 43–58; 220, с. 117–145]. Важным фактором формирования квазиактивной и квазисоциальной политики работодателей в России в годы реформ стало отсутствие до 2002 г. адаптированной к условиям рыночной экономики законодательной базы, в т. ч. Трудового кодекса РФ. В результате неурегулированность значительной части вопросов в сфере труда и занятости (в т. ч. использования контрактных форм найма на работу) привела

к утрате частью работников, занятых в негосударственном секторе экономики, некоторых базовых государственных социальных гарантий, в т.ч. права на ежегодные отпуска, на отпуск по уходу за ребенком.

Социально-экономическое положение наемных работников в 1990-х гг., вплоть до середины 2000-х гг. связано во многом со слабо ограниченными в законодательном отношении возможностями работодателей в регулировании такого положения на предприятиях и, как отмечал, в частности, в своих работах В. И. Герчиков, пока еще низким уровнем сплоченности самих наемных работников, осознания себя как особой социальной группы и использования всех приемлемых средств борьбы за улучшение своего положения [182].

Результаты социологических исследований социальной политики агропромышленного бизнеса в Алтайском крае во второй половине 2000-х гг. позволили выявить следующие тенденции ее развития.

Во-первых, сохраняются традиции содержания и направленности социальной поддержки работников агропромышленных предприятий и социального развития села, в основе чего лежат высокая значимость коллективизма в сельской местности и моральные принципы взаимопомощи. Но в основе своей социальная политика таких предприятий имеет фрагментарный характер, что определяется прежде всего сравнительно низким уровнем их финансово-экономического благополучия, а также зачастую неготовностью руководителей рассматривать социальную ответственность как важную часть стратегии развития предприятия. Следует также отметить и относительно низкую социально-правовую активность работников агропромышленного сектора.

Во-вторых, агропромышленный бизнес играет значимую роль в решении социальных проблем села и социальной поддержке как своих работников, так и всех жителей села, причем в последние годы эта роль заметно возросла.

В-третьих, в последние годы значительно повысилась роль региональных органов управления в формировании социальной ответственности бизнеса в Алтайском крае, что оказало положительное воздействие также и на развитие социальной политики агропромышленного бизнеса. Это проявилось, в частности, в стимулировании позитивных сдвигов в социальной политике предприятий благодаря краевому конкурсу «Лучший социально ответственный работодатель Алтайского края», в сокращении масштабов социально-трудовых нарушений на предприятиях и, как следствие, отразилось на повышении удовлетворенности условиями труда на агропромышленных предприятиях.

* * *

Анализ направлений и технологий активизационной социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда позволил сделать следующие выводы.

1. Социальная политика является важнейшим механизмом регулирования активности населения на рынке труда. Несмотря на повышение значимости роли работодателей и различных общественных структур в решении социально-трудовых проблем, государство остается лидером в этих вопросах. В связи с ограниченными финансовыми и инструментальными возможностями регионов (субъектов Федерации) и муниципальных образований особую роль в регулировании рынка труда играет федеральная политика.

Прошедшее десятилетие характеризовалось проявлением как *позитивных, так и негативных тенденций в сфере регулирования активности населения на рынке труда*. В качестве позитивных тенденций можно отметить усиление принципа адресности в получении социальных благ и льгот в социально-трудовой сфере и создание условий для роста социальной активности, выражающихся в предоставлении свободы выбора мест приложения труда, способов зарабатывания, определении работодателями форм и размеров выплачиваемой наемным работникам заработной платы, развитии технологий социально-экономического и социально-политического взаимодействия акторов рынка труда. К негативным особенностям регулирования относятся значительное по масштабам снижение социальных гарантий экономически активного населения, преобладание пассивных методов регулирования занятости, отсутствие механизмов, препятствующих возникновению и росту задержек по оплате труда, несовершенный механизм индексации и компенсации заработной платы и других доходов населения в условиях инфляции, отсутствие эффективной системы государственного контроля над процессами в сфере занятости и формирования доходов.

2. Основными механизмами улучшения социально-экономического положения россиян на сельском рынке труда являются социально-экономическая политика и самоорганизация населения. Значимость политики регулирования рынка труда в сельской местности в годы реформ заметно возросла. Если оставить село без особого внимания со стороны государства, то развитие этих процессов может привести, по мнению экспертов, к дальнейшему распространению теневой экономики и неправовых трудовых практик, а также к катастрофическим масштабам социального расслоения, обнищания и люмпенизации населения,

снижению социально-экономической и без того крайне низкого уровня социально-политической активности на рынке труда, декалфикации рабочей силы на фоне роста батрачества, преступности, алкоголизма и наркомании. Общество разобьется на подавляющее большинство тех, кто вынужден будет выживать за счет личного подсобного хозяйства, и малочисленную группу тех, то будет занят частным (зачастую теневым) бизнесом. Многие деструктивные модели поведения сельская молодежь перенесет в города.

Экспертный анализ позволил выявить острую необходимость в мониторинге состояния сельского рынка труда, организованного на основе как статистических данных, так и социологической информации. В настоящее время сельский рынок труда недостаточно изучен как учеными, так и управленцами. В частности, нет полноценной информации о происходящих процессах даже в реальной сельской экономике, не говоря уже о масштабных неформальных социально-экономических отношениях, о точках экономического роста и наиболее проблемных ситуациях. Кроме того, мониторинг необходим для более точного выявления потребности в рабочей силе на селе, в т. ч. квалифицированных кадрах, отдельных профессиях.

Наиболее эффективными мерами по регулированию сельского рынка труда являются в настоящее время государственная поддержка рабочих мест, содействие трудоустройству населения, предпринимательству и самозанятости (в т. ч. в личных подсобных хозяйствах), целевая поддержка сельского хозяйства и сельхозпроизводителей, организация общественных работ, временной и сезонной занятости, профессиональная ориентация и профессиональное обучение населения. К технологиям и инструментам регулирования сельского рынка труда, дающим наибольший эффект, относятся микрокредитование, лизинг, госзаказ, закуп продукции семейных крестьянских хозяйств.

К основным проблемам, тормозящим реализацию эффективных мер политики, относятся неудовлетворительное состояние аграрной экономики, отсутствие возможностей ее диверсификации, высокая изношенность материально-технической базы, диспаритет цен на сельхозпродукцию и материально-технические ресурсы, консервация значительного числа неэффективных рабочих мест при недостатке высококвалифицированных руководителей и специалистов.

3. В годы реформ существенно выросла значимость российских работодателей в регулировании оплаты труда, занятости, охране труда и социальной поддержке наемных работников. В то же время на предприя-

тиях наблюдалось кардинальное сокращение многих видов деятельности социального характера, а также значительное увеличение отраслевой и профессионально-квалификационной дифференциации социальной поддержки работников. Активность работодателей в кадровой и других составляющих социальной политики во многом определялась финансово-экономическим положением предприятия, качеством основных фондов и наличием оборотных средств.

Социальная политика работодателей в 1990-х гг. характеризовалась сравнительно низким уровнем использования инновационных регуляторов положения и активности работников предприятий при значительной доле неправовых практик (неоплачиваемые административные отпуска, задержки по выплате заработной платы, нерегистрируемый прием на работу и др.). Со второй половины 2000-х гг. наблюдается значительное повышение роли бизнеса в социальной поддержке работников предприятий при сохранении многих традиций содержания и направленности такой поддержки.

5.3. Оценка эффективности и перспективы совершенствования социальной политики как регулятора активности населения

Общая оценка результативности социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда. Отдельные объективные и субъективные оценки эффективности рассматриваемой политики представлены в разделе IV. В целом же в годы рыночных реформ можно говорить о *парадоксальности и неоднозначности результатов реализации социальной политики* (в т. ч. принципа социальной справедливости) *в российском обществе.* В *таблице 5.3* кратко представлены социальные прогнозы и результаты социальной политики в отношении регулирования активности россиян на рынке труда в 1990-х гг. Кроме представленных здесь результатов, необходимо отметить также такие негативные явления и процессы, как *распространение неправовых форм социально-экономической и социально-политической активности на рынке труда, ухудшение демографических характеристик* (рост преждевременной смертности, падение средней продолжительности предстоящей жизни, увеличение числа разводов и числа одиноких людей, рост заболеваемости), *рост социальной напряженности, конфликтности, протестного поведения.*

Таблица 5.3

**Социальные прогнозы и результаты социальной политики России
в 1990-х гг.**

Прогнозы, намерения (что предполагалось получить)	Результаты
Переход к рыночным отношениям приведет (после кратковременного периода «затягивания поясов») к улучшению материального положения и увеличению доходов большинства населения	1990-е гг. характеризовались длительным снижением реальных доходов и уровня жизни, массовым обнищанием и маргинализацией населения, пауперизацией значительной части занятых и безработных
Разгосударвление и приватизация, открытие экономических границ приведут к здоровой конкуренции и формированию многочисленного среднего класса, дадут возможность большинству населения стать эффективными собственниками	Не удалось сформировать многочисленный слой эффективных собственников. Произошло «вымывание» бывшего среднего класса, обогащение олигархической верхушки общества, значительная поляризация общества по доступу к социальным и экономическим благам
Введение рыночных отношений, в т. ч. рынка труда, будет способствовать формированию более справедливых в социально-экономическом и социально-политическом смысле отношений между работодателями и наемными работниками и более справедливой оценки результатов трудовой деятельности и, как следствие, повышению эффективности использования живого труда и трудовой мотивации	Новые социально-экономические и социально-политические отношения привели к значительному сокращению доли заработной платы среди всех доходов населения и затрат предприятий. Связь между трудовыми затратами и вознаграждением за труд была разрушена в еще большей степени, чем ранее Высокие доходы и занятость в теневой экономике свидетельствуют о несовершенстве социально-экономических и социально-политических отношений в обществе, в т. ч. ценообразования, налогообложения, неразвитости рыночной инфраструктуры
Новая социальная политика (дифференцированное налогообложение, адресная система социальной защиты и др.) будет способствовать перераспределению средств в пользу бедных	Фактически этого не произошло. В конце 1990-х гг. собираемость налогов у богатых, по разным оценкам, составляла 5–15%, у бедных — 95%. Распределение полученных дотаций и льгот показывает трехкратные различия (в пользу обеспеченных) между крайними децильными группами россиян.
Переход к рыночным отношениям, отмена командно-распределительной системы и «блата» приведут к увеличению доступности социально-экономических благ для населения, в т. ч. так называемых хороших рабочих мест	Произошло резкое сокращение этой доступности в материальном отношении, для сельских жителей — и в территориальном отношении

В период реформ в России и ее регионах **в большинстве случаев качество реализации функций социальной политики было низким.** В частности, недостаточно эффективно выполнялись инновационная, стимулирующая, защитная, компенсационная, стабилизационная и интеграционная функции социальной политики. Так, возросла конфликтность во взаимодействиях работодателей и наемных работников, о чем, в частности, свидетельствовали рост значительное число забастовок и других форм протестных действий со стороны последних в конце 1990-х гг. Однако при этом нельзя однозначно сказать, что в дореформенный период интеграционная и многие другие функции реализовывались более эффективно, поскольку механизмы их реализации были связаны, как уже отмечалось, во-первых, с уравнительным принципом распределения доходов, различных социальных благ и услуг и, во-вторых, с сильным идеологическим наполнением, идеологической ориентацией на социальную однородность.

В целом государственная политика регулирования рынка труда в России отличалась вплоть до середины 2000-х гг. сравнительно низкой эффективностью на всех уровнях государственного и муниципального управления, незавершенностью институциональных преобразований и земельных реформ. Среди недостатков рассматриваемой политики экспертами — руководителями региональных и муниципальных органов управления — особо выделяются, *во-первых*, несовершенство федеральной и региональных нормативно-правовых баз; *во-вторых*, низкий уровень поддержки отечественного производителя, особенно в сельском хозяйстве; *в-третьих*, недостаточно эффективное использование федеральных, региональных и местных бюджетных средств, направляемых на мероприятия активных политик занятости. Государственная служба занятости слабо участвует в процессах регулирования рынка труда, она в основном решает проблему материальной помощи безработных и практически не имеет возможности поддерживать создание новых рабочих мест. Кроме того, отсутствует эффективная политика переподготовки кадров, учитывающая нужды экономики.

Одним из продуктов службы занятости, своеобразной *институциональной ловушкой* является формирование слоя «профессиональных безработных», чьи иждивенческие настроения поощряются существующими правилами игры. К недостаткам политики регулирования активности населения на рынке труда работодатели отнесли также ее нестабильность, высокий уровень налогообложения и низкую возможность получения кредита, административные преграды и взяточничество чиновников.

В проблемных регионах, как показали результаты ряда экспертных опросов и выборочных опросов населения, государственная социальная политика по регулированию рынка труда и оптимизации социально-экономической и социально-политической активности населения отличалась в годы рыночных реформ сравнительно низкой эффективностью. К недостаткам региональной социальной политики относится, во-первых, низкоэффективное использование федеральных трансфертов, направляемых на социальную поддержку неконкурентоспособных в экономическом отношении слоев населения, и, во-вторых, сравнительно слабый учет региональной специфики в государственной политике федерального уровня. Именно недоучет центром отраслевой (агропромышленной) специализации Алтайского края в социально-экономической политике привел, по мнению экспертов, к более существенному падению доходов и уровня жизни населения региона и значительной зависимости от федеральных трансфертов. В-третьих, в проблемных регионах низким остается уровень поддержки предпринимательства, в первую очередь малого бизнеса.

Эффективность государственной политики регулирования сельского рынка труда и социально-экономической активности сельского населения также оценена экспертами в начале 2000-х гг. сравнительно низко (2,5 балла из пяти возможных). Низкая эффективность связана, в частности, с тем, что не были достаточно результативными попытки поддержать личные подсобные и фермерские хозяйства. Кроме того, большинство сельских безработных не состояли на учете в государственной службе занятости ($\frac{3}{4}$ опрошенных безработных), в среднем только около 30% всех обратившихся в службу занятости (по оценкам экспертов) получал статус безработного. Основными помехами на этом пути являлись в первую очередь удаленность центров занятости от места жительства селян, проблема транспортной доступности первых, а также недостаточное финансирование мероприятий по поддержке безработных (мизерный размер пособия по безработице, задержки по его выплате), часто именно в связи с этим — нежелание получать статус безработного. В результате безработные, как правило, пытались найти работу самостоятельно, они не верили в возможности службы занятости.

Перспективы развития социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда связаны с разработкой ее концепции. К задачам социальной политики в рамках такой концепции, на наш взгляд, относятся:

- *Во-первых*, полноценный мониторинг, прогнозирование и учет процессов развития рынка труда (спроса и предложения труда, его от-

дельных видов, профессий и др.), социально-экономических и социально-политических интересов, особенностей формирования и реализации социально-экономической и социально-политической активности индивидов и социальных групп на рынке труда, их адаптации к современным условиям и взаимодействия, в т. ч. с акторами социальной политики. В условиях динамичного общества целесообразен *переход* от управления результатами (положением населения на рынке труда) к *многомерной системе управления как объектами (явлениями), так и социальными процессами развития рынка труда и активности его субъектов.*

- *Во-вторых*, эффективная регионализация, и прежде всего муниципализация социальной политики, основанная на принципах системности в целеполагании и целеосуществлении. Человек имеет социальное право получать необходимую поддержку в той среде, где живет, работает и где можно наиболее объективно оценить уровень его социального благополучия.
- *В-третьих*, совершенствование институционального, технологического и инструментального (в т. ч. финансового) обеспечения сферы занятости и социально-трудовых отношений.

Особое внимание необходимо уделить совершенствованию *права* в области регулирования активности населения на рынке труда, реального обеспечения прав человека на свободный выбор трудовой деятельности, минимальный доход на основе прожиточного минимума, зависимость дохода от качества и количества труда, образования и др. Актуальность этой задачи обусловлена и современным состоянием российского социально-трудового законодательства. Почти вплоть до середины 2000-х гг. российское законодательство на всех его уровнях характеризовалось сравнительно низким уровнем правового обеспечения процессов регулирования социально-экономических инициатив населения, существовали значительные препятствия для становления и развития гражданского общества. Наряду с новыми в этот период действовало большое количество старых норм (по безопасности труда, отпускам, страхованию от несчастных случаев на производстве, вопросам занятости, социального и пенсионного обеспечения), которые лишь частично исполнялись либо вовсе не исполнялись. Постепенно в 2000-х гг. формируется в результате активной реализации институциональных реформ правовая система регулирования социально-экономических инициатив населения, способствующая формированию эффективных стратегий активности на рынке труда. И в новом десятилетии государство продолжа-

ет формировать институциональные механизмы поощрения трудовых инициатив на всех уровнях.

Новая социальная политика должна быть направлена на формирование *системы информирования* населения о результатах и последствиях социально-экономической и социально-политической активности на рынке труда, возможностях повышения ее эффективности, *открытости для населения действий органов государственного управления*. Период трансформации характеризуется тем, что общество, каждый его член становятся все более информированными. Такие знания могут вызывать недовольство людей вследствие осознания несправедливости их положения, и в дальнейшем их стремление изменить ситуацию приводит к усилению давления на управленческие структуры, а в итоге — к изменению развития социальной сферы.

Результативность социальной политики по регулированию процессов активности населения на рынке труда во многом связана с широким, умелым использованием уже зарекомендовавших себя социальных технологий, а также разработкой и внедрением новейших социальных технологий, в т. ч. *не только поддерживающих, но и упреждающих технологий регулирования социальной активности на рынке труда* (технологий-профилактик негативных последствий активности). Наряду с использованием уже ставших традиционными методов социальной политики (социальное программирование и прогнозирование, государственный контроль и др.) технологической основой формирования и реализации эффективной социальной политики должны стать социальное партнерство, цивилизованные формы лоббирования, современный интегрированный социальный контроль и другие *технологии координации* совместных действий различных акторов социальной политики и рынка труда, а также *технологии взаимопомощи* с использованием механизма социальной экономики.

Реализуемая в начале 2000-х гг. модель социальной политики как на уровне страны, так и на уровне отдельного региона, с одной стороны, не использовала в необходимой мере наработанные в отечественной практике прогрессивные социальные технологии регулирования социально-экономических и социально-политических процессов, а с другой стороны, по-прежнему в отдельных случаях базировалась на устаревших и примитивных технологиях административно-командной системы управления. При этом перенимаемые из зарубежной практики социальные технологии (в т. ч. зарубежные модели социального и медицинского страхования) использовались без оценки приемлемости их на «рос-

сийской почве», без учета региональных особенностей, что приводило к росту негативных социальных последствий.

Реализация данных положений концепции требует разработки двух взаимосвязанных моделей социальной политики России — *оперативной и стратегической*. В первую модель целесообразно заложить механизмы и развивать технологии, способствующие достижению целей развития социальной сферы с учетом особенностей современного трансформационного периода. Новая социальная политика призвана учитывать *социальные последствия как повышения, так и снижения активности людей на рынке труда* и включать в себя *социальные амортизаторы* для предотвращения негативных процессов и явлений, а также *стимуляторы* инновационной активности и построения перспектив ее выбора. В этом случае более оперативной станет реакция на кризисные явления в мировой сообществе, стране, регионах и локальных сообществах.

В рамках второй модели формулируются и реализуются долговременные цели и задачи по формированию развитого рынка труда и экономики в целом. Причем новая социальная политика будет иметь *сценарный характер регулирования активности населения на рынке труда*, а именно: для ее эффективной реализации потребуется разработать сценарии разворачивания процессов рассматриваемой активности в посттрансформационный период. В настоящее время многие элементы такой модели уже заложены в стратегических документах страны и регионов.

- *В-четвертых*, важным является также эффективное использование принципа дифференцированного подхода к различным группам. Для решения проблем бедности и чрезмерной социальной дифференциации в российском обществе адаптации бедных к происходящим социально-экономическим и социально-политическим изменениям перспективы развития социальной политики целесообразно связать с усилением государственного регулирования доходов, социально-трудовых отношений, занятости и предпринимательства. В конечном счете именно в рамках эффективной социальной политики возможны реализация принципа социальной справедливости в регулировании активности населения на рынке труда и формирование справедливой системы социально-экономических неравенств.

Особое внимание необходимо уделить разработке и реализации территориально дифференцированного подхода к формированию благополучного социально-экономического положения, а также уровня и качественных характеристик активности населения на рынке труда. В частности, для улучшения социально-экономического положения и активности насе-

ления на рынке труда в проблемных, неблагополучных регионах, по словам А. Г. Гранберга, необходимо одновременно двигаться с двух сторон: во-первых, путем повышения социально-экономической активности в таких регионах, что приведет к росту занятости и предпринимательских доходов и, во-вторых, путем увеличения социальных трансфертов из федерального бюджета [50, с. 298].

- *В-пятых*, необходимо определить идеологическое наполнение социальной политики. До сих пор нет единого мнения ни среди ученых, ни среди управленцев о наиболее приемлемой политико-идеологической модели развития общества. На разных уровнях власти в годы реформ сохранялось разное понимание сути *субсидиарной модели*, выбранной в качестве основной в Стратегии развития Российской Федерации до 2010 г. [129, с. 157]. Экономисты чаще представляют аргументы выгоды *либеральной модели* в условиях рыночной экономики [197], социологи придерживаются в большей степени *социал-демократической модели российского общества*: «Социально-демократическая политика в перераспределении доходов граждан — это, пожалуй, единственно возможный путь российских трансформаций» [186, с. 22]. В любом случае, на наш взгляд, *новая концепция социальной политики должна опереться на национальные, солидаризирующие идеи социально справедливого общества*, основанного на историко-культурных *традициях сотрудничества и взаимопомощи* (поддержки сильными слабыми), должна придать социально-экономическим инициативам и активности людей, прежде всего трудовой деятельности, статус общенациональной ценности, влияющей на частное и всеобщее благополучие.

В целом же, по мнению ряда ученых (Т. И. Заславской, В. А. Ядова, Ю. Левады, М. А. Шабановой и др.), и мы к ним присоединяется, *основной задачей социальной политики в концептуальном плане должна стать в настоящее время не просто активизация хозяйствующих субъектов, а принятие новой стратегии реформирования, ориентированной на оптимизацию условий для массовой социально продвинутой, экономически активной и интеллектуальной части общества как социальной базы его модернизационного развития*. К приоритетам такой политики относятся обеспечение достойных условий существования всех групп населения, стабилизация и рост уровня и качества жизни населения; значительное снижение уровня бедности и необоснованной поляризации общества, рост социальной мобильности на основе создания эффективных социальных лифтов; поощрение развития инновационных видов и форм, сфер,

стратегий социально-экономической активности и занятости, рост конкурентоспособности рабочей силы на основе развития человеческого потенциала; полноценная защита прав и свобод всех категорий населения, в т. ч. эффективная адресная защита нетрудоспособных и безработных, с использованием эффективных технологий социально-политической активности; укрепление здоровья народа, воспроизводство его образовательного и культурного потенциала.

В соответствии с результатами ряда проведенных экспертных опросов в 2000-х гг. выявлены основные направления совершенствования социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда. *Предложения* руководителей и специалистов региональных органов управления и предприятий *по социальной политике федерального и регионального уровней* касались следующих моментов.

1. *В сфере развития производства и предпринимательской деятельности*: правовая поддержка и защита предпринимательской деятельности, поддержка малого бизнеса; совершенствование налоговой политики; развитие доступной для населения системы кредитования; увеличение бюджетных расходов, объемов инвестиций, направляемых на развитие предпринимательства; ужесточение антимонопольного законодательства; повышение роли государственного заказа, в т. ч. на региональном и муниципальном уровнях; усиление государственного контроля цен на энергоносители и другие сырьевые ресурсы, железнодорожные тарифы, контроля добычи и продажи природных ресурсов; развитие социального партнерства.

2. *В сфере регулирования занятости и доходов*: повышение общего уровня занятости населения, усиление защиты социально-трудовых прав работника; повышение уровня реальной заработной платы и других доходов, повышение гарантий работников в сфере получения трудовых доходов; восстановление экономической сущности минимальной заработной платы как нижней границы цены рабочей силы, увеличение минимального размера оплаты труда не только до бюджета прожиточного минимума, но и до минимального потребительского бюджета; своевременная индексация доходов населения; совершенствование механизмов, препятствующих несвоевременным выплатам заработной платы и социальных трансфертов; усиление контроля формирования и распределения доходов (в частности, уплаты налогов).

Эффективная политика доходов является, по мнению экспертов, одной из основ создания цивилизованных рыночных отношений, поскольку именно она во многом определяет активность населения на рынке

труда. Для формирования эффективной политики необходимо *разработать систему мер по уменьшению дифференциации доходов населения как по регионам, так и в рамках отдельных предприятий*. Недооценка внимания к дифференциации доходов создает условия для усиления социальной напряженности в обществе, развития экономической и политической борьбы наемных работников и работодателей.

3. *В сфере повышения образования и квалификации*: стимулирование работников и работодателей в повышении профессионализма, качества рабочей силы, подготовка высококвалифицированных менеджеров.

С начала 2000-х гг. все в большей степени регулирование социально-экономических и социально-политических процессов на региональном рынке труда стало зависеть от деятельности региональных экономических агентов и проводимой региональными и местными властями социальной политики. В связи с этим особое значение в совершенствовании социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда приобретает региональная и муниципальная политика. *На региональном и муниципальном уровнях к задачам на ближайшую и среднесрочную перспективу относится следующее:*

- 1) *в сфере развития производства и предпринимательской деятельности* оказывать реальную помощь в открытии собственного дела, в частности, путем предоставления налоговых льгот и льготных кредитов, создавать инфраструктуру поддержки и развития предпринимательства (центров их развития и поддержки, бизнес-инкубаторов); развивать сеть консультационных услуг по маркетингу, по оказанию помощи в реализации продукции;
- 2) *в сфере обеспечения занятости и регулирования доходов* способствовать сохранению имеющихся и созданию новых рабочих мест, в т. ч. путем предоставления дополнительных льгот (субсидирования, льготного кредитования); формировать «социальные рабочие места» для неконкурентоспособных групп, развивать систему квотирования; поддерживать развитие малого бизнеса и предпринимательства в целом, содействовать развитию самозанятости населения; своевременно индексировать заработную плату в связи с ростом цен; повысить уровень оплаты труда путем установления в коллективных договорах и соглашениях конкретных долей оплаты труда в произведенном продукте; усилить государственный контроль соблюдения работодателями условий безопасности и гигиены труда, охраны труда работающих женщин, беременных, подростков на предприятиях всех форм собственности;

- 3) *в сфере кадровой политики и повышения квалификации* обеспечить соответствие качества профессиональной подготовки требованиям, предъявляемым работодателями, путем прогнозирования потребности экономики региона в специалистах и рабочих, формирования регионального механизма потребления образовательных услуг, в т. ч. посредством государственного регионального заказа на подготовку специалистов и рабочих кадров в профессиональных образовательных учреждениях всех уровней для отраслей экономики региона; организации мониторинга востребованности выпускников и банка их данных, регионального информационного центра содействия трудоустройству выпускников вузов; формирования кадрового резерва на замещение должностей руководителей крупных организаций базовых отраслей экономики, разработки системы повышения квалификации специалистов, входящих в резерв; создания региональных центров квалифицированной оценки специалистов и руководителей организаций, консультирования и других форм содействия профессиональной карьере [7, 117–118, 120, 180].

Наиболее важную роль в регулировании активности населения на рынке труда проблемного региона могут сыграть обновление основных производственных фондов, предоставление льготных кредитов, повышение роли госзаказа, усиление контрольных функций в регулировании рынка труда, что в свою очередь должно привести к росту инвестиционной привлекательности региона.

Для повышения социально-экономической активности населения *на уровне предприятия* эксперты отметили необходимость формирования эффективной системы материального вознаграждения, повышения заработной платы (так считают свыше половины экспертов), а также создания благоприятных условий труда и социально-психологического климата в коллективе (1/4 экспертов). Для формирования эффективной системы оплаты труда, усиления социальной защищенности работников необходимо определить и реализовывать общие принципы оплаты труда и других составляющих социальной политики на предприятиях. К таким принципам могут быть отнесены: опережение темпов роста производительности труда в сравнении с темпами роста заработной платы, обеспечение рациональных соотношений в оплате труда отдельных профессий и категорий работников, оптимальной пропорции между заработной платой и совокупными затратами на производство продукции; своевременная выплата заработной платы, ее индексация в соответствии с инфля-

ционным ростом, развитие различных форм социального страхования и создание эффективного социального партнерства путем заключения коллективных договоров.

Необходимо отметить, что многие из этих направлений уже реализуются в настоящее время в той или иной степени, но значительная часть осталась пока декларацией в принятых государственных законах, проектах и программах или даже лишь зафиксирована в предложениях ученых и практиков.

Направления совершенствования активизационной социальной политики на сельском рынке труда. Экспертные оценки перспектив развития сельского рынка труда в начале 2000-х гг. были в основном негативными, либо в лучшем случае эксперты полагали, что ситуация значительно не изменится (1/3 ответов). Ухудшение ситуации связывают прежде всего с сохранением диспаритета цен на сельхозпродукцию и материально-технические ресурсы (энергоносители, технику). По этой причине, как считали эксперты, будут продолжаться банкротство и ликвидация предприятий.

Тревогу у респондентов также вызывало критическое состояние технической базы сельхозпредприятий в начале 2000-х гг. Основные фонды были практически полностью изношены, *«а новых поступлений не предвидится»*, поскольку *«сельхозпроизводитель не в состоянии приобрести новую технику, высокопродуктивный скот, семена сельскохозяйственных культур»*. Поскольку финансовое состояние хозяйств ухудшилось, *«это приведет к новому сокращению рабочих мест, высвобождению работников»*. Эксперты выражали надежду на позитивные изменения только в том случае, если центром будут предприняты кардинальные меры по улучшению ситуации в сельском хозяйстве, в силу того, что возможности субъектов Федерации, а тем более муниципальных образований, были весьма ограничены. Положение усугублялось и тем, что среди как рядовых селян, так и руководителей сельских поселковых и районных администраций живы были патерналистские настроения. Вот как описывал сложившееся положение руководитель одного из сельских советов Алтайского края: *«В разрешении проблем села государство пока не заинтересовано, а мы до сих пор не научились принимать трудности на себя. У нас всегда кто-то виноват (федеральная власть, вышестоящие чиновники), и этого не исправить. В итоге основные проблемы (безработицы, оплаты труда, поддержки предпринимательства) не решаются. И я не знаю, наступит ли то время, когда рядовой человек будет иметь хоть какую-то ценность, хотя бы как рабочей силы»*.

Отметим лишь, что многим негативным оценкам не суждено было сбыться, с середины 2000-х гг. ситуация в отношении обновления сель-

хозтехники начала кардинально меняться, введена была эффективная программа модернизации парка сельхозмашин.

Предложения экспертов по совершенствованию политики регулирования сельского рынка труда и социально-экономической активности селян можно свести к следующим основным направлениям: содействие трудоустройству, сохранение и создание рабочих мест, поддержка сельхозпроизводителей, экономическое стимулирование занятости и социальная защита сельского населения, профессиональная подготовка кадров. Рассмотрим эти направления более подробно.

1. В области содействия трудоустройству, создания и сохранения рабочих мест необходимо совершенствовать механизм финансирования активных программ занятости; увеличить объем бюджетных средств на реализацию активной политики занятости населения, выделив статьи расходов по отдельным направлениям; ввести социальную экспертизу региональных и муниципальных проектов целевых программ по созданию и сохранению рабочих мест; разработать и реализовать механизм постепенной передачи федеральных бюджетных средств на региональный и затем муниципальный уровни; совершенствовать государственную политику инвестирования средств на развитие сельского хозяйства и создание новых рабочих мест; проводить особую политику трудоустройства жителей сел, оставшихся без работодателей.

Для более эффективного решения проблем сохранения и создания рабочих мест на селе эксперты считают необходимым *«конкретизировать права и обязанности работодателей по созданию и сохранению рабочих мест»*, повысить заинтересованность работодателей в сотрудничестве со службами занятости для улучшения информированности населения об имеющихся вакансиях. Кроме того, предложено расширить некоторые имеющиеся и организовать новые муниципальные предприятия, стимулировать создание новых рабочих мест в промышленности, в т. ч. *«новых перерабатывающих предприятий и цехов (пекарен, кондитерских, колбасных цехов и др.)»*.

При условии роста инвестиций в сельское хозяйство *перспективными точками экономического роста и акторами рынка труда* станут новые либо реорганизованные, эффективно работающие уже сегодня сельскохозяйственные предприятия и кооперативы, фермерские хозяйства и перспективные товарные личные подсобные хозяйства.

2. В области поддержки сельхозпроизводителей (как крупнотоварных, так и малых предприятий, ЛПХ) предлагалось совершенствовать государственную политику поддержки отечественного производителя

сельхозпродукции, регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию и материально-технические ресурсы аграрного назначения; принять меры для снижения диспаритета цен, развивать систему госзаказа на сельхозпродукцию; способствовать развитию сельхозпереработки и сельхозкооперации, оказывать помощь в расширении каналов сбыта сельхозпродукции; совершенствовать налоговую и кредитную политики, постепенно снижать налоговую нагрузку на сельхозпроизводителя, развивать лизинг и другие виды кредитования; совершенствовать нормативно-правовую базу поддержки малого бизнеса и ЛПХ, увеличить их финансовую поддержку; стимулировать деятельность общественных организаций фермеров (союзов, ассоциаций и т. п.).

Большинство экспертов связывали развитие сельского рынка труда в первую очередь с особой социально-экономической политикой в отношении села (*«Необходимо ввести законы, улучшающие жизнь сельского населения»*), сельского хозяйства (*«Восстановится сельская экономика — можно будет решать более эффективно проблемы сельской занятости»*), сельскохозяйственных товаропроизводителей всех форм собственности (*«Нужно взять курс на возрождение села через активную поддержку отечественного товаропроизводителя сельхозпродукции»*).

Формирование политики полноценной защиты сельхозпроизводителя, как считают эксперты, нужно начинать прежде всего на федеральном уровне, поскольку *«Изменить ситуацию в силах лишь федеральная власть, пересмотрев свою политику в отношении сельского хозяйства и села»*. Федеральная политика должна быть сориентирована на защиту отечественного сельхозпроизводителя от иностранных конкурентов и включать финансовую поддержку регионов, имеющих сельскохозяйственную специализацию. Возможности регионального и муниципального уровней управления в поддержке сельского хозяйства и сельхозпроизводителей, по мнению экспертов, сильно ограничены: *«Мало что можно сделать региональным и местным властям, если федеральная политика характеризуется невниманием к селу»*.

Ценовая политика — одна из наиболее важных составляющих поддержки сельского хозяйства и сельхозпроизводителей. Эксперты считают необходимым принятие неотложных мер на федеральном и региональном уровнях по устранению или по крайней мере снижению диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Основными средствами решения данной проблемы являются госзаказ, государственный закуп сельскохозяйственной продукции.

Эксперты также подчеркивали необходимость увеличения финансо-

вых средств на развитие потребительской, кредитной, заготовительной, сбытовой и других форм кооперации на основе интеграции производства, хранения, переработки и реализации сельхозпродукции, проектирования хозяйственных связей между производителями, организации взаимовыгодных отношений между крупными сельхозпредприятиями, фермерскими и личными подсобными хозяйствами.

На федеральном и региональном уровнях важно было усилить контроль исполнения уже существующих нормативно-правовых актов в области поддержки малого бизнеса и ЛПХ и осуществлять дальнейшее их совершенствование. Это может проявиться в увеличении финансовой и других видов поддержки фермерских хозяйств, сельских малых снабженческих и перерабатывающих предприятий, а также поддержки семейного бизнеса на селе прежде всего путем выделения земли, скота-молодняка, выдачи техники в аренду, помощи в организации сбыта готовой продукции.

Эксперты считали важным повысить роль органов региональной и муниципальной власти в развитии сельского малого бизнеса и ЛПХ, шире привлекать средства местных бюджетов и работодателей. Действенной мерой поддержки малого бизнеса может стать, в частности, *создание специального муниципального фонда* для оказания помощи сельским жителям в формировании стартового капитала для открытия малого предприятия.

3. *В области экономического стимулирования занятости и социальной защиты сельского населения* необходимо разработать меры по повышению информированности населения об их социально-трудовых правах; развивать систему социального партнерства на селе, способствовать формированию стратегии защиты собственных интересов сельскими наемными работниками; создать условия для улучшения системы оплаты труда, ее своевременной выплаты и увеличения в зависимости от роста производительности труда; развивать систему адресной поддержки социально незащищенных групп населения на сельском рынке труда. Большое внимание требуется уделить поддержке занятости низкодоходной части сельской молодежи, остающейся жить в селе.

Особое внимание необходимо уделить проблемам неадекватно низко вознаграждения за сельский труд, наличия большого числа «плохих» (формирующих социальные эксклюзии) рабочих мест, обусловленного во многом значительным излишком рабочей силы на селе.

4. *В области профессиональной подготовки кадров для сельского рынка труда* предлагалось уделить особое внимание подготовке молодых специалистов и руководителей сельскохозяйственных предприятий, используя различные механизмы их закрепления на селе (в т. ч. контрактную

систему обучения, выделение жилья, установление достойной заработной платы). Эксперты отметили необходимость в полной мере реализовать принятые в ряде регионов программы поддержки руководителей и специалистов, направляемых на неэффективно работающие сельскохозяйственные предприятия.

Перспективы утверждения концепции и широкого распространения практики социальной ответственности в среде агропромышленного бизнеса связаны с созданием совокупности дополнительных условий, стимулирующих этот процесс. К таким условиям, в частности, относятся следующие: 1) совершенствование механизма организации и проведения конкурса социально ответственных предприятий, в частности, путем повышения информированности руководителей и увеличения числа критериев социальной ответственности бизнеса, учитывающих удовлетворенность работников и местных жителей; 2) расширение практики использования государством экономических инструментов стимулирования социально ответственного поведения предприятий путем предоставления налоговых льгот и льготных кредитов, софинансирования социально значимых проектов, морального поощрения руководителей социально ответственных предприятий.

В целом все предложенные мероприятия направлены на повышение активности населения на рынке труда, формирование условий для снижения социальной напряженности, перераспределения ограниченных средств социальной защиты в пользу объективно проблемных категорий населения, уменьшение концентрации бедности среди сельского населения, сокращение чрезмерной нагрузки государства по поддержке дотационных регионов и аграрного сектора.

* * *

Анализ результатов исследования проблем и направлений совершенствования социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда позволил сделать следующие выводы.

1. Социальная политика в России в годы рыночных реформ характеризуется отсутствием целостного представления о процессах активности населения на рынке труда, несформированностью институциональных условий, способствующих их учету и развитию инновационной активности, неэффективным использованием социально-политических технологий и инструментов, в т. ч. взаимодействия акторов социальной политики и рынка труда. Современная социальная политика должна ориентироваться в первую очередь на создание более благоприят-

ных условий для формирования инновационных механизмов активной адаптации рабочей силы в реальной экономике, развития малого предпринимательства, социального партнерства, системы социального страхования, адресной социальной помощи. Реализация этих направлений будет способствовать становлению эффективных стратегий активности населения на рынке труда.

2. В социальной политике по регулированию активности населения на рынке труда необходим переход от преимущественно пассивных мер по содействию занятости к активным, развитию социального партнерства и инновационных механизмов активной адаптации рабочей силы в реальной экономике, формированию у наемных работников и их представителей стратегии защиты собственных интересов при определении цены рабочей силы, контроле своевременности выплат заработной платы и предоставления социальных гарантий. Переход к активной политике регулирования рынка труда означает регулирование не только предложения труда (путем экономического стимулирования занятых, профессиональной подготовки и переподготовки кадров, востребованных на рынке труда, материальной поддержки безработных, выделения грантов и субсидий для окончивших учебные заведения с целью организации собственного бизнеса и др.), но и спроса на него (посредством субсидированной занятости и других форм целевой поддержки рабочих мест, организации общественных работ и временной занятости, формирования эффективных систем налогообложения и кредитования, ценовой политики для становления эффективного предпринимателя и работодателя, в т. ч. малого бизнеса, создания так называемых социальных рабочих мест).

3. Важнейшим направлением совершенствования социальной политики регулирования рынка труда должно стать создание условий для развития локальных сообществ на основе стратегии коллективной взаимопомощи и выживания. Создание таких условий, повышение роли локального сообщества сопряжено, на наш взгляд, с использованием современных социальных технологий организации социально-экономической и социально-политической активности людей, самоорганизации на основе доверия и удлинения кооперативных цепочек экономических действий. Особенно необходима такая политика в селах, оставшихся к настоящему времени без эффективных работодателей.

5. Концептуальные положения социальной политики как регулятора социальной активности населения на рынке труда включают в себя: 1) мониторинг, прогнозирование и учет процессов развития рынка тру-

да, интересов его акторов, тенденций формирования и реализации социально-экономических и социально-политических сил общества, активности индивидов и социальных групп на рынке труда, их взаимодействия и адаптации к современным условиям; 2) совершенствование институционального, технологического и инструментального обеспечения политики регулирования социальной активности на рынке труда, совершенствования ее законодательных основ, эффективного применения социально-политических технологий; создание системы информирования населения о результатах и последствиях активности, возможностях повышения ее эффективности; 3) использование принципа дифференцированного подхода к регулированию положения и активности социальных групп, различающихся статусом занятости, характеристиками доходов, условиями жизнедеятельности; 4) формирование политико-идеологической модели социальной политики, основанной на принципах социальной справедливости; придание трудовой деятельности статуса общенациональной ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сформировать теоретические и методологические основы, разработать и апробировать методический аппарат для изучения тенденций и механизмов трансформации социальной активности населения на рынке труда, выявления особенностей активности в проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности. Кроме того, важнейшими результатами исследования стали разработка теоретических основ, формирование и апробация методики социальной политики как механизма регулирования активности населения на рынке труда в условиях трансформации и на этой основе формулирование концептуальных положений данной политики.

В ходе проведенного исследования получены следующие результаты и, выводы теоретико-методологического, методического, предметно-содержательного и прикладного характера.

1. Для разработки теоретико-методологических основ изучения процессов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда проведен анализ формирования идей и направлений изучения социальной активности на рынке труда, выявлены особенности и преимущества социологии в сравнении с другими социальными науками (прежде всего экономической теорией и психологией), а также **современных методологических подходов (системно-структурного, социально-структурного, институционального, деятельностного, социокультурного, конфликтологического, социоэкологического)** к изучению объекта исследования. **Показаны методологические возможности теорий** социальной трансформации общества (теорий социальной мобильности, трансформационного пространства, концепции трансформации экономической свободы и др.), социального действия и социальной деятельности, институциональной социологии, социальных конфликтов и социального риска, концепции устойчивого развития

и др. в изучении трансформационных процессов активности населения на рынке труда в российском обществе.

2. Представлена общая характеристика социальной активности на рынке труда как социального феномена и объекта социологического анализа. В основу понимания категории «Социальная активность на рынке труда» положен деятельностно-активистский подход. Как составляющая социальной активности в целом рассматриваемая категория проанализирована в соотношении с социологическими понятиями социальной деятельности и социального поведения. Определены понятия социальной активности на рынке труда и ее социально-экономической и социально-политической форм, проведен анализ ее структурных компонентов (моделей и стратегий, сфер приложения, видов и форм, акторов).

Выделены количественные и качественные характеристики социальной активности на рынке труда. К основным *количественным характеристикам* относятся масштаб и уровень активности; степень и период распространенности и популярности ее видов и форм, определенных действий и стратегий; их продолжительность. Среди *качественных характеристик* можно выделить: 1) характеристики ее проявления, воздействующие на ситуацию на рынке труда и социальное положение, статус его актора (адаптация, конструктивность, инновационность, свобода проявления, рисковость, легальность, латентность и др.); 2) характеристики каналов формирования активности (качество подготовки и переобучения специалистов и др.); 3) статус территориальной общности как места реализации активности, социальное благополучие условий жизнедеятельности; 4) направления пространственного распространения активности; 5) качественные характеристики ее результативности (оценка социальной справедливости, удовлетворенности потребностей людей в активности и ее результатах и др.).

Потенциал активности как важнейший интегральный качественный показатель характеризует реальные возможности акторов рынка труда для удовлетворения их социальных потребностей, а также ресурсы для достижения более высокого уровня жизнедеятельности, обеспечения социального благополучия населения.

Описаны классификации видов и форм социальной активности населения в условиях трансформирующегося общества. Для этого выделены наиболее значимые в условиях меняющегося общества основания такой классификации: уровень активности людей, их адаптации к современной ситуации на рынке труда, степень конструктивности и инновационности, свободы проявления активности, риска, эффективность, легальность, ла-

тентность, состав акторов и характер их социального взаимодействия, их цели и способы формирования доходов, удовлетворения основных потребностей, территориальные и другие характеристики.

3. Проведен теоретический анализ трансформационных процессов социальной активности населения на рынке труда как объекта социологического исследования. Анализ трансформации как социологической категории позволил выделить множество ракурсов ее рассмотрения: как социального процесса; механизма изменения социальной структуры и социальных институтов общественного развития и результата сложившихся ранее социальных отношений, их динамики; объективного феномена современного этапа системных изменений в развитии многих государств, в т. ч. бывших социалистических стран.

Выделены общие черты трансформационных процессов и особенности российской трансформации в годы рыночных реформ. Общими характеристиками являются внезапность; масштабность, глубина и системность изменений; необратимость; неравномерность и стадийность развития; рост противоречий интересов различных социальных групп, социальной напряженности и конфликтогенности; высокая социальная мобильность и массовая маргинализация населения; значительные непредвиденные социальные последствия; своеобразие, отсутствие единой технологии трансформационных перемен в различных социальных системах; современный глобализационный характер трансформации. К российским особенностям трансформации относятся высокоактивный и нестабильный, хаотичный характер социальных преобразований; неполнота и противоречивость изменений институциональной структуры, связанные с несформированностью гражданского общества, сохранением решающей роли государства; крайняя социальная дезинтеграция и раскол российского общества; сопротивление индивидуализации, сохранение ценностей патернализма и коллективизма.

Анализ научной литературы показал, что в социальных науках пока не выработано единое представление об общих тенденциях и закономерностях трансформационных процессов общества, не систематизированы критерии и характеристики выделения национальных особенностей трансформации. В целом анализ теоретико-методологических основ изучения процессов трансформации социальной активности населения на рынке труда позволил выделить три основных методологических подхода: *деятельностный и трансформационный*; последний — с использованием *пространственно-временного, социоструктурного и институционального* аспектов.

4. Выделены критерии и выявлены тенденции трансформационных процессов активности населения России на рынке труда. Данные трансформационные процессы проявляются как в деятельностно-субъектной форме — на уровне индивидов и социальных групп (акторов рынка труда), так и на уровне российского общества в целом. К тенденциям трансформации рассматриваемой активности относятся, во-первых, развитие гибкости и дифференциации, появление ее новых видов и форм, сфер и стратегий; во-вторых, кардинальное изменение структуры социальных субъектов, неравномерность развития, колоссальное расслоение российского общества по возможностям проявления активности, развитие индивидуализации активности россиян; в-третьих, неоднозначность социальных последствий как роста, так и снижения активности.

В зависимости от конструктивности и инновационности воздействия на актора и развитие рынка труда выделено три модели (типа) социальной активности населения: модель конструктивных, инновационных стратегий поведения, модель деструктивных, разрушительных стратегий и модель смешанных стратегий. Анализ социальной активности населения, проживающего в различных условиях жизнедеятельности в территориальных общностях, показал более высокий уровень распространения смешанных и деструктивных, разрушительных стратегий активности населения на рынке труда.

Выделено четыре этапа трансформации активности россиян на рынке труда: I (1992–1994 гг.) — начальный этап перехода к рыночным отношениям, в т. ч. в сфере труда и занятости; II (1995 г. — 1-я половина 1998 г.) — этап активного институционального формирования рыночных отношений, в т. ч. создания государственных и общественных институтов рынка труда; III (2-я половина 1998 г. по 2008 г.) — этап стабилизации в последефолтный период и активного развития рынка труда в период экономического роста; IV (с 2009 г. по настоящее время) — этап адаптации рынка труда к глобальному экономическому кризису. Активность населения значительно возросла и дифференцировалась по видам и формам проявления, по стратегиям отдельных социальных групп на I этапе и набирала темпы на II этапе. К концу десятилетия эти процессы стабилизировались, меньшее распространение получила социально-экономическая активность, приводящая к значительному изменению социально-экономического статуса. III этап характеризуется стабилизацией потенциала и реальных проявлений социальной активности, ростом и дифференциацией конкурентоспособности рабочей силы.

Выявлены значительные различия в социальной активности в зависимости от статуса занятости, квалификации, отраслевой принадлежности основного занятия, материального положения, места жительства, демографических характеристик (пола, возраста и др.). В частности, социально-экономическая активность наемных работников проявлялась в росте интенсивности труда, требований регулярности выплат и повышения заработной платы, поиске основной и дополнительной работы, использовании фондов предприятия (с разрешения и без разрешения администрации), участии в реализации его продукции. Помимо открытия и развития бизнеса, к стратегиям социальной активности работодателей в период реформ относились снижение заработной платы на воспроизводство рабочей силы и основных фондов, повышение образования и квалификации.

При расширении потенциальных возможностей проявления социальной активности в годы рыночных реформ произошло значительное сокращение реальных возможностей ее проявления для бедных категорий россиян. Поведение бедных групп населения отличалось меньшей активностью, более частым использованием ее «пассивных форм», большими затратами времени и сил на домашний труд и ЛПХ. Каждый пятый-седьмой бедный не предпринимал никаких усилий для улучшения своего социально-экономического положения.

В проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности формируются процессы трансформации социальной активности на рынке труда, характеризующиеся следующими негативными особенностями: сравнительно меньшая свобода выбора, ограниченность видов и форм активности; снижение экономических стимулов к труду; распространение консервативных и латентных механизмов адаптации к рынку; более высокий уровень распространения смешанных и деструктивных стратегий по их воздействию на актора и на развитие рынка труда.

Наиболее активными группами являются представители среднего трудоспособного возраста, со средним уровнем доходов, жители городов, крупных сел (преимущественно районных центров), урбанизированных районов, лица с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, занятые преимущественно в торговле, по статусу занятости — наемные работники (квалифицированные рабочие и специалисты), а также самозанятые.

Для определения наиболее эффективных условий преодоления бедности и основных групп риска бедности осуществлен сравнительный ана-

лиз особенностей социально-экономического положения и поведения трех групп бедного населения («постоянно бедных» за предшествующие десять лет, «бывших бедных» и «новых бедных»). Основой успешного преодоления бедности являются изначально более выгодные позиции и активное использование выигрышных стратегий поведения на рынке труда (эффективная интенсификация труда, основная и дополнительная занятость в прибыльных отраслях, повышение квалификации и статуса занятости, активный поиск выгодной основной и дополнительной работы, развитие конкурентных направлений бизнеса, использование инновационных технологий в управлении).

5. Проанализированы социально-экономические, социально-политические, демографические, социокультурные, социально-психологические, территориальные и другие факторы и механизмы, оказывающие влияние на социальную активность населения на рынке труда как на макро-, так и на микроуровне. Для этого наряду с общими (национальными) факторами трансформации социальной активности россиян (в первую очередь связанными с переходом к рынку и формированием открытого общества) выделены факторы регионального и локального уровней. Определяющими в процессах трансформации активности являются социально-экономические и социально-политические факторы, особое значение в рассматриваемых процессах играют факторы макроуровня, как общероссийские, так и региональные. Среди факторов микроуровня наиболее значимыми являются ситуация на локальном рынке труда, социально-экономическое положение, интересы и мотивация населения.

Анализ мотивов активности населения на рынке труда показал, что ведущую роль в условиях реформ играли материальные мотивы (рост доходов, улучшение материального положения семьи, для проблемных групп — «стремление выжить»), на втором месте находились стимулы самореализации и саморазвития, на третьем — влияние социальных сетей. Выявлено решающее значение материальных мотивов в группах наемных работников, безработных, самозанятых и руководителей малых предприятий; представители среднего бизнеса определили ведущим мотивом самореализацию и саморазвитие. В проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности важную роль социального амортизатора в процессах социально-экономической адаптации играют социальные сети.

Выявлены российские и региональные тенденции и особенности формирования и использования доходов населения как фактора трансформации активности населения на рынке труда. К тенденциям относятся падение

реальных доходов и покупательной способности до конца 1990 гг., сокращение трудовых и рост предпринимательских доходов в общей структуре доходов населения, рост бедности и резкое усиление социальной дифференциации, в т. ч. по доходам работников различных отраслей, профессионально-квалификационных категорий, жителей различных территориальных общностей. Особенности формирования и использования доходов населения в годы рыночных реформ являются низкий уровень оплаты труда и социальных трансфертов, затрат на рабочую силу, высокий уровень бедности и расслоения населения, в т. ч. занятого. В проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности данные процессы приобретают более острый характер.

В годы экономического роста Алтайский край характеризовался положительной динамикой реальных доходов, оплаты труда и других показателей уровня жизни. Регион отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО. Тем не менее, по большинству показателей доходов по-прежнему сохраняется значительное отставание. Краю не удалось вплотную приблизиться к более низким российским показателям уровню бедности, по-прежнему регион занимает самые низкие позиции в Сибири по доходам и заработной плате.

Выявлены вероятные тренды активности на рынке труда и ее факторов в посттрансформационный период. К ним относятся дальнейший рост потенциальной социально-экономической активности населения; развитие экстенсивных форм активности, гибких форм занятости, интенсификация труда; увеличение дифференциации социально-экономической и социально-политической активности; повышение роли дохода и материального положения населения как фактора социальной активности; увеличение рационализации социально-экономических действий; рост группового, классового осознания интересов работодателей и наемных работников как основных акторов рынка труда.

6. На основе анализа ситуаций социальных эксклюзий на сельском рынке труда выявлены основные формы их проявления воды рыночных реформ: безработица, бедность как эксклюзия от средств к существованию (в ситуации как безработицы, так и занятости), неправовые трудовые практики, эксклюзия от информации (о трудовых правах, вакансиях, условиях труда и его оплаты), эксклюзия от сетей социальной безопасности и социального страхования. Специфическим проявлением социальных эксклюзий на сельском рынке труда являлась территориальная удаленность услуг службы занятости, вакантных рабочих мест, учрежде-

ний образования. Кроме того, в условиях крайне низкой экономической и технологической свободы выбора формируется социальная эксклюзия, связанная с вынужденной занятостью исключительно в семейном крестьянском хозяйстве. Результаты анализа свидетельствуют о крайне неблагоприятном социально-экономическом положении сельских жителей на рынке труда в годы рыночных реформ, массовых нарушениях их социально-трудовых прав, что в итоге привело к разрушению трудовой мотивации и сформировало высокий уровень бедности к началу 2000-х гг. Масштабы проявления большинства негативных процессов на сельском рынке труда, связанные главным образом с сельскохозяйственным трудом, значительно, чем в городе, и постоянно увеличиваются.

В условиях формирования рыночных отношений усиливается взаимосвязь социальной активности населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда. Группы населения, реализующие конструктивные и инновационные стратегии социальной активности (организация и развитие бизнеса, рост интенсивности труда, поиск основной работы, дополнительная занятость, трудовая миграция, требования повышения заработной платы и регулярности ее выплат), имеют более высокие доходы, в меньшей степени подвержены риску социальной эксклюзии либо преодолели такую ситуацию. Социально-экономическая активность общественных групп, находящихся в ситуации эксклюзии, характеризуется реализацией преимущественно традиционных и отчасти деструктивных стратегий адаптации к новым экономическим условиям (занятость в семейном крестьянском хозяйстве, батрачество и другие виды неформальной низкоэффективной занятости).

Разработана и апробирована методика выявления эксклюзантов на основе совместного анализа ситуации и состояния эксклюзии. К эксклюзантам относятся бедные или низкооплачиваемые работники, безработные длительный срок и из бедных семей, женщины, неквалифицированные работники с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), занятые в сельском хозяйстве, молодежь (младше 25 лет) и представители старшего трудоспособного возраста (преимущественно старше 50 лет), жители малых периферийных сел, а также злоупотребляющие алкоголем. Представители этих категорий населения чаще находятся в неблагоприятном психосоциальном состоянии (в состоянии напряжения либо, напротив, апатии, равнодушия ко всему). Они, как правило, неспособны решить проблемы своей занятости и доходов самостоятельно, без помощи государства и других субъектов социальной политики, а также без коллективной взаимопомощи, развитых социальных сетей.

7. Анализ теоретических основ социальной политики позволил определить сущность социальной политики в контексте социологического исследования, представить подходы к описанию ее объекта, субъектов, целей и функций, направлений, методов и средств, уровней и форм реализации. В работе систематизированы направления социальной политики в социально-структурном и «сферном» срезах общества, уровни реализации — в территориальном и социально-структурном срезах. На основе разнообразных сочетаний структурных компонентов социальной политики и элементов ее «внешней среды» (ее факторов и результатов, а также составляющих политики в целом) выделены и описаны подходы к классификации форм социальной политики, позволяющие исследовать: целевые, политико-идеологические модели, субъектно-технологические, инструментально-управленческие, материальные, территориальные формы, содержательные формы политической деятельности.

Систематизированы существующие в социальных науках представления о социальной политике, разработан авторский подход к изучению особенностей ее трансформации.

В работе выделено два методологических подхода к анализу социальной политики: 1) общесоциологический, дающий представление о социальной политике как совокупности/системы (взаимо) отношений социальных групп; 2) деятельностный, широко используемый в различных социальных науках и определяющий социальную политику как социальную деятельность.

В рамках деятельностного подхода выявлено три варианта его реализации: а) субъектно-объектный подход, указывающий на значимость акторов (субъектов) и объектов деятельности; б) функционально-целевой и нормативно-целевой подходы, подчеркивающие значимость целеполагания и целеосуществления социальной политики либо ее направленность на решение определенных социальных проблем и достижение социальных нормативов; в) инструментально-технологический подход, указывающий на значимость использования конкретных технологий, рычагов и инструментов социальной политики. Методологически обоснована необходимость использования всех выделенных подходов в исследовании трансформации активности населения на рынке труда. В частности, субъектно-объектный подход позволил выделить широкую трактовку социальной политики как деятельности ее акторов по развитию социальной сферы общества, функционально-целевой и нормативно-целевой подходы явились критериальными основаниями анализа проблем и оценки эффективности социальной политики и инструмен-

тально-технологический подход позволил сделать акцент на понимании социальной политики как механизма регулирования социальной активности населения, в т. ч. его активности на рынке труда.

На основе анализа теоретических основ социальной политики в качестве критериев ее трансформации выделены кардинальные изменения ее структурных компонентов (целей и функций, направлений и уровней реализации, методов и средств, состава и значимости акторов) и форм реализации.

Для изучения социальной политики как механизма регулирования социальной активности россиян на рынке труда использовано понятие социальной политики как активизационной политики, способствующей формированию эффективных видов и форм, моделей и стратегий, сфер проявления активности на рынке труда (в качественном и в количественном отношении), оказывающих позитивное влияние на социальное положение ее акторов и развитие рынка труда как компонента условий их жизнедеятельности.

8. Разработана методика исследования социальной политики как регулятора социальной активности на рынке труда. Она основана на использовании: 1) *деятельностного подхода* к изучению ее структурных компонентов и форм, позволяющем рассматривать социальную политику одновременно как внешнюю силу, воздействующую на социальную активность, и как производную процессов активности и выделить особенности ее трансформации; 2) *системно-структурного и институционального подходов*, что дало возможность выделить структурные и институциональные проблемы социальной политики; 3) *социоструктурного подхода*, что позволило анализировать направления и технологии, дифференцированные по отношению к отдельным социальным группам, локальным и региональным рынкам труда в зависимости от условий жизнедеятельности населения в территориальных общностях; 4) *основ теории социальной справедливости* для оценки результатов и перспектив. На основе выделенных подходов к оценке эффективности социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда и совокупности характеристик такой оценки разработаны показатели, наилучшим образом оценивающие эффективность рассматриваемой социальной политики, и определен основной критерий эффективности такой политики.

9. Выявлены процессы трансформации социальной политики в России и регионах Сибири в период рыночных реформ. Они проявились в изменении ее функций, целей и приоритетов, акцентов в уровнях реализации, модернизации форм, методов и средств, расширении направлений,

изменении подходов к оценке результативности. Конкретно это выразилось в: ориентации на адаптированные слои общества при формировании и реализации социальной политики; приоритете активизации экономических поведения и инициатив по сравнению с социальной поддержкой; усилении дифференцированного подхода к регулированию социальной сферы; формировании и отчасти реализации новых принципов социальной политики, таких как социальная стандартизация, адресность и страхование; повышении роли экономических методов в регулировании социальных процессов, в т. ч. индикативного регулирования и программирования; в изменении целевой направленности отдельных составляющих социальной политики, формировании новых ее элементов (политика регулирования рынка труда, поддержка малого предпринимательства и др.); повышении значимости регионального и муниципального уровней управления, предпринимательского сектора и общественных структур; становлении эффективных технологий взаимодействия акторов социальной политики, в т. ч. социального партнерства и лоббирования.

10. На основе анализа направлений и технологий социальной политики как регулятора социальной активности на рынке труда выявлены особенности и тенденции регулирования такой активности населения России и регионов Сибири на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и на уровне предприятий в годы рыночных реформ. В качестве позитивных тенденций и особенностей регулирования можно отметить усиление принципа адресности в получении социальных благ и льгот в социально-трудовой сфере и создание условий для эффективного роста социальной активности, выражающееся в предоставлении свободы выбора мест приложения труда и способов зарабатывания, определения работодателями форм и размеров выплачиваемой наемным работникам заработной платы, в развитии технологий взаимодействия акторов рынка труда. К негативным особенностям регулирования относятся значительное по масштабам снижение социальных гарантий экономически активного населения, преобладание пассивных методов регулирования занятости, несовершенство механизмов, препятствующих возникновению и росту задержек оплаты труда, механизмов индексации заработной платы и других доходов населения в условиях инфляции, отсутствие эффективной системы государственного контроля над процессами в сфере занятости и формирования доходов.

Со второй половины 2000-х гг. многие из негативных тенденций, сложившихся в период рыночных реформ, были сломлены, социальные проблемы стали эпицентром политической повестки дня. Несмотря

на негативные изменения активности на рынке труда, реальных доходов населения и бедности в Алтайском крае в период глобального экономического кризиса, эти изменения оказались неустойчивыми. Позитивные процессы в Алтайском крае и России в годы экономического роста и их восстановление с 2010 г. определяются во многом эффективной государственной политикой по формированию социально-экономической мобильности и поддержке социального развития села.

В работе рассмотрены направления и технологии регулирования активности населения на рынке труда, определены особенности их реализации в годы рыночных реформ в агропромышленном регионе (на примере Алтайского края) и на уровне предприятия. Специфика региональной политики заключается в особом внимании к технологиям и инструментам бюджетной и ценовой политики, в т. ч. к сокращению задолженности по выплате заработной платы и социальных трансфертов, субсидированию и квотированию рабочих мест, более интенсивному развитию адресности в социальной помощи и обслуживании, регулированию цен на товары «потребительской корзины», поддержке занятости в личном подсобном хозяйстве.

Эффективными мерами по регулированию сельского рынка труда являлись государственная поддержка рабочих мест, содействие трудоустройству населения, предпринимательству и самозанятости (в т. ч. в семейных крестьянских хозяйствах), целевая поддержка сельского хозяйства и сельхозпроизводителей, организация общественных работ, временной и сезонной занятости, профориентация и профессиональное обучение населения. К эффективным технологиям и инструментам регулирования сельского рынка труда относятся микрокредитование, лизинг, госзаказ, закуп продукции семейных крестьянских хозяйств. Среди проблем, тормозящих реализацию эффективных мер политики, выделены ухудшение финансово-экономического положения агропромышленного комплекса (снижение его производственного потенциала, значительный износ материально-технической базы сельскохозяйственного и других видов производства на селе, высокие цены на материально-технические ресурсы и др.), деградация социальной сферы, консервация неэффективных рабочих мест при недостатке высококвалифицированных руководителей и специалистов.

В годы реформ повысилась социально-политическая активность российских работодателей и их роль в регулировании условий и оплаты труда, занятости и социальной поддержке наемных работников. В то же время на предприятиях наблюдалось значительное сокращение многих видов

деятельности социального характера, существенно увеличилась отраслевая и профессионально-квалификационная дифференциация социальной поддержки работников. Активность работодателей в кадровой и других составляющих социальной политики во многом определялась финансово-экономическим положением предприятия, качеством основных фондов и наличием оборотных средств.

Особенностями социальной политики российских работодателей в период рыночных реформ являлись сравнительно низкий уровень использования инновационных технологий регулирования положения и активности работников предприятий при значительной доле неправовых практик (неоплачиваемые административные отпуска, задержки по выплате заработной платы, нерегистрируемый прием на работу и др.), существенное увеличение различий в кадровой политике и социальной поддержке работников в зависимости от их должностного и профессионально-квалификационного статуса, а также в зависимости от уровня социально-экономического благополучия, отраслевой и территориальной принадлежности предприятий. Чем выше такой статус и уровень благополучия предприятия, тем более значительны масштабы и разнообразнее виды и формы такой поддержки.

11. Определены основные подходы к оценке (социальной, экономической и политической) **эффективности социальной политики, сформулированы критерии и выделены значимые характеристики** такой оценки. Основным критерием эффективности социальной политики как регулятора активности населения на рынке труда должна стать ее направленность на формирование конструктивных и инновационных стратегий такой активности, соответствующих не только современным, но и перспективным потребностям рынка труда и экономической сферы в целом и приводящих к развитию социальной сферы общества.

К характеристикам результативности рассматриваемой социальной политики относятся: 1) степень выполнения функций социальной политики, достижения поставленных целей путем их многоуровневой операционализации до конкретных эмпирических индикаторов и сравнения фактических значений последних с нормативными; 2) объективные общие и частные показатели эффективности; 3) субъективные оценки результативности социальной политики со стороны населения, предпринимателей, органов управления. Вторая группа характеристик включает в себя оценку уровня и динамики: 1) соотношения затраченных средств, направленных на развитие инновационных видов, форм и стратегий социальной активности населения (трудоустройство безработных, повыше-

ние уровня их конкурентоспособности на рынке труда, создание, улучшение качества и эффективности рабочих мест) и общей совокупности затрат на формирование и реализацию мероприятий социальной политики в рассматриваемой сфере; 2) социально-экономической и социально-политической активности субъектов рынка труда (уровня и динамики экономической активности населения, занятости и безработицы, качества рабочих мест и персонала предприятий, защитных и протестных действий и др.); 3) реализации законных прав населения в социально-трудовой сфере; 4) использования эффективных социальных технологий (социального партнерства, лоббирования, социального страхования и др.), результаты их реализации.

12. Дана оценка результатов социальной политики как регулятора социальной активности россиян на рынке труда в годы реформ как на уровне страны, так и на уровне агропромышленного региона Сибири, села. Такая оценка позволила выявить низкую эффективность проводимой политики в стране в годы рыночных реформ и парадоксальность ее результатов, связанную с несовпадением социальных прогнозов проводимых реформ и их итогов. Это отчасти проявилось в длительном снижении реальных доходов и уровня жизни, массовом обнищании и маргинализации населения, пауперизации значительной части занятых и безработных, малочисленности слоя эффективных собственников, поляризации общества, ослаблении связи между трудовыми затратами и вознаграждением за труд.

Государственная политика регулирования рынка труда в России в годы рыночных реформ отличалась сравнительно низкой эффективностью на всех уровнях государственного и муниципального управления, незавершенностью институциональных преобразований и земельных реформ. К недостаткам рассматриваемой политики относятся малоэффективное использование бюджетных средств, направляемых на мероприятия активных политик занятости; низкий уровень поддержки отечественного производителя и малого предпринимательства (особенно в сельском хозяйстве); несовершенство федеральной и региональных нормативно-правовых баз и др.

13. Анализ направлений, технологий и эффективности социальной политики позволил выявить проблемы в области регулирования активности населения на рынке труда в период активной социальной трансформации в России и ее регионах. Среди них — отсутствие целостного представления о социальной политике как механизме регулирования социальной активности населения на рынке труда; ориентация

на регулирование рынка труда на основе результатов, а не процессов социальной активности, низкий уровень распространенности эффективных видов и форм, моделей и стратегий социальной активности, особенно в проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности; низкий уровень развития федеральных, региональных и локальных институтов, способствующих формированию социально-экономических и социально-политических инициатив и инноваций, преобладание пассивных методов регулирования занятости. В условиях отсутствия целостной концепции социальной политики трансформационные процессы российского общества привели к формированию массовых неэффективных и деструктивных стратегий активности населения на рынке труда.

Выявлена необходимость мониторинга развития рынка труда, положения и процессов активности различных групп населения на рынке труда. Такой мониторинг создает основу для качественной оценки формирования и использования рабочей силы, перспективной потребности в ее отдельных профессионально-квалификационных категориях.

14. В целях повышения эффективности социальной активности населения на рынке труда разработаны концептуальные положения социальной политики как регулятора данной активности, связанные с целостным развитием ее структурных компонентов, усилением взаимовлияния субъектов социальной политики и акторов рынка труда. Выделены конкретные направления и технологии совершенствования социальной политики; ее современная модель должна быть сориентирована на переход от преимущественно пассивных мер по содействию занятости к активным, на развитие социального партнерства, социального страхования, адресной социальной помощи и других инновационных механизмов активной адаптации рабочей силы, формирование у наемных работников стратегии защиты собственных интересов.

Важнейшим направлением совершенствования социальной политики по регулированию активности населения на рынке труда должно стать создание условий для развития локальных сообществ на основе стратегии коллективной взаимопомощи и выживания. Создание таких условий, повышение роли локального сообщества сопряжены с использованием эффективных технологий регулирования социальной активности и самоорганизации людей. Для повышения эффективности регулирования процессов социальной активности на рынке труда особое внимание требуется уделить регулированию неформальной экономики, особенно в сельской местности.

Перспективы исследования трансформационных процессов активности населения на рынке труда и социальной политики как ее регулятора могут быть связаны, во-первых, с использованием данной методики при анализе трансформации других видов социальной активности.

Во-вторых, научный интерес представляет более глубокий анализ социокультурных аспектов активности населения на рынке труда, экономической и политической культуры как факторов такой активности. В частности, специальное внимание необходимо уделить дальнейшему изучению, с одной стороны, региональных и этнодемографических основ и специфики социальной активности и, с другой — особенностей влияния глобализации на социальную активность россиян.

В-третьих, актуальным является исследование роли экономической и политической элиты в процессах формирования и реализации активности россиян на рынке труда. Кроме того, следующим этапом исследования может быть комплексный анализ современных процессов активности населения России и регионов Сибири на рынке труда, их сравнение с периодом активных рыночных реформ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аврамова Е. М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. — М., 1998.
2. Агабекян Р. Л. Рынок и занятость в переходной экономике. — М., 2000.
3. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования. — 2002. — № 9.
4. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: кол. монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. — Барнаул, 2011.
5. Анализ рынков в современной экономической социологии / отв. ред. В. В. Радаев, М. С. Добрякова. — М., 2008.
6. Аширов Д. А. Трудовая мотивация : учеб. пособие. — М., 2005.
7. Анисимов Л. Н. Социальное партнерство в сфере труда и социальная защита населения // Трудовое право. — 2002. — № 5.
8. Артемов В. А. Село 90-х годов: тенденции повседневной деятельности сельского населения // Социологические исследования. — 2002. — № 2.
9. Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества: фундаментальные проблемы / под ред. А. Ф. Филиппова. — М., 1999.
10. Бабосов Е. Экономическая активность населения в трансформирующемся обществе // Общество и экономика. — 1999. — № 1.
11. Барсукова С. Ю., Герчиков В. И. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего — к частному и разному. — Новосибирск, 1997.
12. Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. — 2003. — № 7.
13. Барулин В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. — М., 1994.
14. Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социс. — 2004. — № 5.
15. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. — М., 2000.

16. Беккер Г. С. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — М., 1993. — Т. 1, вып. 1.
17. Беленький В. Х. Рабочий класс как объект социологического анализа // Социологические исследования. — 2003. — № 1.
18. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2004.
19. Беляев Э. В. Трансформация: у каждой страны уникальный путь // Социологические исследования. — 2002. — № 10.
20. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. — М., 2006.
21. Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. — М., 2003.
22. Богомолова Т. Ю. Экономическая мобильность населения России в пространстве «бедность — небедность»: траектории переходов в 1990-е и 2000-е гг. // SPERO. — 2011. № 14.
23. Бородкин Ф. М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск, 2003.
24. Бурджалов Ф. Э. Социальное развитие в условиях экономических трансформаций / под ред. Ф. Э. Бурджалова, И. В. Гришина. — М., 2001.
25. Бурдьё П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М., 1993.
26. Васильев Я. Т. Региональная занятость и рынок труда: основы теории, функционирования и прогнозирования / отв. ред. А. А. Попов. — Новосибирск, 2000.
27. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования — 1994. — № 5.
28. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 1990.
29. Вебер М. История хозяйства. Город. — М., 2001.
30. Веблен Т. Теория праздного класса. — М., 1984.
31. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире : пер. с англ. / сост. Т. Шанин ; под ред. А. В. Гордона. — М., 1992.
32. Великий П. П., Морехина М. Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. — 2004. — № 12.
33. Великий П. П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. — Саратов, 2012.
34. Великий П. П. и др. Старики российской деревни. — Саратов, 2000.

35. Верховин В. И., Агабекян Р. Л. Аномалии российской системы занятости в условиях трансформационного спада // Человек и современный мир. — М., 2002.
36. Верховин В. И. Экономическая социология / под ред. В. И. Демина. — М., 2006.
37. Вехи российской социологии, 1950–2000-е годы : монография / отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. — СПб., 2010.
38. Возможности развития сельских территорий Алтайского края и Сибири — новое прочтение реформ П. А. Столыпина : материалы науч.-практ. конф. — Барнаул, 2011.
39. Волгин Н. А., Гриценко Н. Н., Шарков Ф. И. Социальное государство : учебник. — М., 2003.
40. Гидденс Э. Социология. — М., 1999.
41. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуриации. — М., 2005.
42. Гимпельсон В. Е. Экономическая активность населения России в 1990-е годы. — М., 2002.
43. Голенкова З. Т., Игитхиян Е. Д. Поли- и монозанятые в российском обществе: социально-структурный анализ // Социологические исследования. — 2004. — № 2.
44. Гонтмахер Е. Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт // Pro et Contra. — 2001. — Т. 6: Человек в социальном государстве, № 3.
45. Гонтмахер Е. Социальная политика: уроки 90-х. — М., 2000.
46. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление // Потери и обретения в России девяностых : историко-социологические очерки экономического положения народного большинства : в 2 т. — М., 2001. — Т. 2.
47. Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации : социологический анализ. — М., 2000.
48. Давыдова Н. М. и др. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / под общ. ред. О. И. Шкаратана. — М., 2003.
49. Государство благосостояния и его социально-экономические основы : сб. ст. / под ред. Н. П. Кузнецовой, Н. П. Дроздовой. — СПб, 1998.
50. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. — М., 2003.
51. Грановеттер М. Социологический и экономический подходы к анализу рынка труда: социально-структурный взгляд // Личность. Культура. Общество. — 2005. — Вып. 4 (28).

52. Гришаев С. В. Социальная структура и рынок труда: развитие и взаимодействие (опыт социологического исследования в регионах Сибири в 90-х годах). — Красноярск, 2000. —
53. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. — Минск, 1998.
54. Демина А. Н., Попова И. П. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // Социологические исследования. — 2000. — № 5.
55. Денисова Ю. С. Трудовые перегрузки как тенденция в рабочем процессе // Социологические исследования. — 2004. — № 5.
56. Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4. — № 3.
57. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / ред. Л. Н. Овчарова. — М., 2005.
58. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц., сост., посл. прим. А. Б. Гофмана. — М., 2008.
59. Елкина О. С., Половинко В. С. Экономическое поведение работников на рынке труда. — Омск, 2001.
60. Ельчанинов М. С. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики // Социологические исследования. — 2003. — № 8.
61. Жуков В. И. и др. Социальная политика: парадигмы и приоритеты / под общ. ред. В. И. Жукова. — М., 2000.
62. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / под ред. В. Кабалиной, С. Кларка. — М., 1999.
63. Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. — М., 2007.
64. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. — 2002. — № 6.
65. Заславская Т. И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М., 2000.
66. Заславская Т. И. Роль социологии в преобразовании России // Социологические исследования. — 1996. — № 3.
67. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации : учеб. пособие. — М., 2004.
68. Заславская Т. И. Социальная стратификация и дифференциация доходов в России // Взаимосвязь социальной работы и социаль-

- ной политики / под ред. Ш. Рамон ; пер. с англ. под ред. Б. Ю. Шапи-
ро. — М., 1997.
69. Заславская Т.И. Социальные результаты реформ и задачи соци-
альной политики // Куда идет Россия? Трансформация социаль-
ной сферы и социальная политика. — М., 1998.
 70. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского обще-
ства: деятельностно-структурная концепция. — М., 2002.
 71. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни :
очерки теории. — Новосибирск, 1991.
 72. Здравомыслов А.Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и по-
сле : учеб. пособие для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
 73. Зиммель Г. Проблемы социологии. Социальная дифференциация.
Социальные и психологические исследования // Избранное. — М.,
1996. — Т. 2.
 74. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы
и тенденции переходного периода. — М., 2003.
 75. Зубаревич Н. В. Территориальный ракурс модернизации // Модер-
низация России: условия, предпосылки, шансы. — М., 2009.
 76. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные техно-
логии государственного и муниципального управления. — 2-е изд.,
перераб. и доп. — М., 2001.
 77. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России : социоло-
гический анализ трансформационных процессов. — 2-е изд. — Но-
восибирск, 2001.
 78. Калугина З.И. Ресурсный дефицит развития человеческо-
го потенциала как угроза модернизации // Регион: экономика
и социология. — 2011. — № 1.
 79. Калугина З.И. Рынок труда в Сибирском федеральном округе: си-
туация, проблемы, перспективы // Социальная многоликость Си-
бири в период общественных перемен. — Новосибирск, 2003.
 80. Калугина З.И. Сельский рынок труда в современной России // Ре-
гион: экономика и социология. — 2004. — № 1.
 81. Калугина З.И., Фадеева. О.П. Российская деревня в лабиринте ре-
форм: социологические зарисовки. — Новосибирск, 2009.
 82. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без ре-
структуризации. — М., 2001.
 83. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке. — М., 1998.
 84. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.,
2002.

85. Келлер Я. Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия? (критические заметки о теории модернизации) // Социологические исследования. — 2002. — № 7.
86. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. — Новосибирск, 2001.
87. Ковалева А. Справедливое общество — утопия или возможность // Собр. соч. — М., 2005. — Т. 8.
88. Кодин М. И. Россия в «сумерках» трансформаций: эволюция, революция или контрреволюция? Экономика. — М., 2001. — Ч. 1.
89. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. — М., 1984.
90. Коган Л. Н. Человек и его судьба. — М., 1988.
91. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.142.htm>.
92. Коптюг В. А. Устойчивое развитие цивилизации и место в нем России: проблемы формирования национальной стратегии. Проблемы ноосферы и устойчивого развития // Вестник С-Петербургского отделения РАЕН. — 1997. — № 1 (4).
93. Корель Л. В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. — Новосибирск, 2005.
94. Коровицына Н. В. Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социологические исследования. — 2002. — № 5.
95. Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. — М., 1998.
96. Котляр А. О субъектах и объекте рынка труда // Человек и труд. — 2003. — № 5.
97. Котляр А. Э. О понятии рынка труда // Вопросы экономики. — 1998. — № 1.
98. Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. — М., 1999.
99. Крестьяноведение: Теория. История. Современность // Ученые записки. — 2005. — Вып. 5 / под ред. Т. Шанина, А. М. Никулина — М., 2006.
100. Кривошеев В. Т. Социальное партнерство и корпоративизм: российская специфика // Социологические исследования. — 2004. — № 6.
101. Кубицкий С. И. Российский рынок труда и факторы, сдерживающие его развитие // Труд и социальные отношения. — 2006. — № 4.
102. Кузьмин С. А. Занятость: стратегии России. — М., 2001.

103. Курбатова М. В. Рынок труда: теоретические проблемы, тенденции становления российской модели. — Кемерово, 2001.
104. Курцев И. В. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса Сибири: предпосылки, факторы, пути. — Новосибирск, 2005.
105. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. — М., 2000.
106. Левада Ю. Варианты адаптивного поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2002. — № 1.
107. Личные подсобные хозяйства сельского населения: факторы развития и экономическое поведение в переходной экономике / В. В. Кузнецов и др. — Ростов н/Д, 1998.
108. Лылова О. В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социологические исследования. — 2003. — № 9.
109. Нечипоренко О. В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. — Новосибирск, 2010.
110. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: пер. с 14-го англ. изд. — М., 2003.
111. Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования. — 2002. — № 2.
112. Малеева Т., Васин С. Инвалиды в России — узел старых и новых проблем // Pro et Contra. — 2001. — Т. 6, № 3.
113. Мансуров В. А. Социальная сфера: проблемы и перспективы // Социальные процессы и социальная политика. — М., 2000. — Ч. 1., вып. 6.
114. Маркс К. Социология. — М., 2000.
115. Мартэн Д. Социальные измерения трансформации и модернизации: теоретические уроки эмпирических исследований // Социологические исследования. — 2002. — № 8.
116. Матвиенко В. и др. Социальная политика в постсоциалистическом обществе: задачи, противоречия, механизмы. — М., 2001.
117. Милаева Л. Г. Мотивация, оценка и стимулирование труда персонала организаций. — Бийск ; Барнаул, 2005.
118. Милаева Л. Г., Маркелов О. И., Подольная Н. П. Комплексный анализ современных проблем занятости и безработицы. — Бийск, 2002.
119. Митрохин В. Модели современной кадровой политики // Человек и труд. — 2003. — № 4.
120. Мишин А. К. Социальное партнерство в регионе: методы и практика работы. — Барнаул, 2000.

121. Морозова Е. А. Социальная защита населения: системное изучение / отв. ред. И. П. Поварич. — Новосибирск, 2006.
122. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / под ред. В. Н. Садовского и В. А. Ядова. — М., 1999.
123. Немировский В. Г. Социология : учебник. — М., 2010.
124. Нестандартная занятость: российские особенности // Человек и труд. — 2006. — № 6.
125. Обзор занятости в России. — М., 2002. — Вып. 1: 1991–2000 гг.
126. Обзор социальной политики в России: Начало 2000-х / под ред. Т. М. Малевой. — М., 2007.
127. Овсиенко Ю., Петраков Н. Российская трансформация и ее результаты // Вопросы экономики. — 2004. — № 5.
128. Олейник А. Н. Социальная политика и поведение домашних хозяйств на российских рынках. — М., 2000.
129. Осадчая Г. И. Социология социальной сферы : учеб. пособие для высш. школы. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2003.
130. Осипов Г. В. Российская социология в XXI веке // Социологические исследования. — 2004. — № 3.
131. Пакулин В. Совершенствование механизма мотивации труда // Человек и труд. — 2006. — № 8.
132. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. — М., 2002.
133. Парсонс Т. О структуре социального действия. — 2-е изд. — М., 2002.
134. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. — М., 1998.
135. Пиирайнен Т., Турунцев Е. Отталкиваясь от Макса Вебера: к пониманию процессов социальной трансформации в России // Вопросы экономики. — 1998. — № 7.
136. Плюснин Ю. М. Психология материальной жизни: парадоксы сельской «экономики выживания» // ЭКО. — 1997. — № 7.
137. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. ; под общ. ред. С. Е. Федорова. — СПб., 2002.
138. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS: Теория и история эконом. и соц. институтов и систем. — 1993. — Т. 1, вып. 2.
139. Полякова Н. В. Экономическое поведение. — Иркутск, 1998.

-
140. Попов Ю. Н., Шевчук А. В. Введение в социологию труда и занятости : учеб. пособие. — М., 2005.
 141. Попова И. П., Седова Н. Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. — 2004. — № 2.
 142. Преодоление (материалы Международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления») / под ред. Ф. М. Бородкина. — Новосибирск, 2000.
 143. Радаев В. В. Кто поможет работающим бедным? // Pro et Contra. — 2001. — Т. 6, № 3.
 144. Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. — М., 2003.
 145. Радаев В. В. Что такое рынок: экономико-социологический подход : препринт WP4/2006/07. — М., 2006.
 146. Радаев В. В. Экономическая социология : учеб. пособие для вузов. — М., 2005.
 147. Радаев В. В. Экономические и социологические концепции хозяйственного поведения человека: сравнительное исследование : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — М., 1997.
 148. Ракитский Б. В. Социальная политика // Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся. — М., 1997. — Ч. 1. — (Трудовая демократия; вып. 10).
 149. Ракитский Б. В. Социальная защита, самозащита трудящихся // Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся. — М., 1998. — Ч. 2. — (Трудовая демократия; вып. 10).
 150. Растов Ю. Е. Тенденции конфликтности населения Алтайского края // Сибирский социологический вестник. — 2003. — № 2.
 151. Ревенков А. Мотивация трудовой деятельности // Экономист. — 2005. — № 7.
 152. Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии / под ред. В. Селиверстова, Д. Юилла. — Новосибирск, 2000.
 153. Региональная социальная политика: особенности трансформации и направления развития / под ред. С. И. Григорьева, А. М. Сергиенко. — Барнаул, 2002.
 154. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. — М., 2002.
 155. Ролз Дж. Теория справедливости. — Новосибирск, 1995.

156. Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск, 2003.
157. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова. — Новосибирск, 2008.
158. Россия: риски и опасности «переходного периода» / под ред. О. Н. Яницкого. — М., 2000.
159. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. — М., 2001.
160. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. — М., 1998.
161. Рывкина Р. В. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен : курс лекций. — М., 2004.
162. Рывкина И. В. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4: Теневые отношения, № 1.
163. Сергиенко А. М. Виды и формы экономического поведения россиян в период реформ: теоретические подходы и опыт регионального исследования // Известия Алтайского государственного университета. — 2002. — № 2 (24).
164. Сергиенко А. М. Сельский рынок труда в Алтайском крае: ситуация, перспективы, политика на региональном и муниципальном уровнях / А. М. Сергиенко, И. Ю. Муронова // Муниципальный мир. — 2003. — № 5.
165. Сергиенко А. М. Социально-экономические и социально-политические факторы и механизмы формирования активности сельского населения на российском рынке труда // Известия Алтайского государственного университета. — 2003. — № 2.
166. Сергиенко А. М. Теоретические основы социальной политики как объекта социологической науки // Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX–XXI веков / под ред. В. А. Мансурова, С. И. Григорьева. — М. ; Барнаул, 2003.
167. Сергиенко А. М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. : монография. — Барнаул, 2003.
168. Силласте Г. Г. Изменение социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социологические исследования. — 2000. — № 5.

-
169. Синергетика и социальное управление / под общ. ред. В. С. Егорова. — М., 1998.
 170. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. — М., 1994.
 171. Смирнов С., Сидорина Т. Ю. Социальная политика : учеб. пособие. — М., 2004.
 172. Собченко О. Государственная политика в сфере занятости // Человек и труд. — 2006. — № 6.
 173. Соломандина Т. О., Соломандин В. Г. Мотивация трудовой деятельности персонала. — М., 2005.
 174. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии : статьи разных лет. — М., 1994.
 175. Сорокин П. А. Социальная мобильность : пер. с англ. М. В. Соколовой. — М., 2005.
 176. Сорокин П. А., Мертов Р. Е. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. — 2004. — № 6.
 177. Социальная политика : учебник / под общ. ред. Н. А. Волгина. — 3-е изд. — М., 2006.
 178. Социальная политика Алтайского края: что важно знать / Администрация Алт. края, Гл. упр. Алт. края по соц. защите населения и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. — Барнаул, 2008.
 179. Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. — М., 2008.
 180. Социальная политика: реалии XXI века. — М., 2004.
 181. Социальная траектория развития Алтая. — Барнаул, 2006.
 182. Социальная траектория реформируемой России : исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск, 1999.
 183. Социальное благополучие: показатели, структура, уровни: сборник / ред. О. Н. Колесникова, Н. П. Гончарова]. — Барнаул, 2009.
 184. Социально-трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России // Социологические исследования. — 2000. — № 1.
 185. Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования : монография / Т. П. Емельянова, О. А. Иванова, Л. В. Родионова, А. М. Сергиенко, А. Я. Троцкий и др. ; под ред. А. Я. Троцкого — Барнаул, 2008.
 186. Социальные процессы и социальная политика. — М., 2000. — Ч. 1, вып. 6.

187. Социология на пороге XXI века. Основные направления исследований / под ред. С. И. Григорьева, Ж. Кознен-Хуттера. — 3-е изд. — М., 1999.
188. Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / ред.-сост. Р. В. Рывкина. — М., 2003. — Вып. 3: Теоретические проблемы прав человека.
189. Староверов В. И. и др. Аграрно-сельская социология: история, концепция, методология. — М., 2009.
190. Сушкина А., Игнатов Н. Мотивация к труду // Человек и труд. — 2006. — № 5.
191. Татарченко А., Михайлова Е. Стратегии поведения безработных на рынке труда // Человек и труд. — 2006. — № 11.
192. Темницкий А. Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. — 2004. — № 6.
193. Тихонова Н. Е. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социологические исследования. — 2001. — № 3.
194. Токарская Н. М., Карпикова И. С. Социология труда: учеб. пособие / под ред. М. А. Винокурова. — М., 2006.
195. Топилин М. Ключевые проблемы рынка труда и очередные задачи службы занятости // Человек и труд. — 2003. — № 1.
196. Тощенко Ж. Т. Социология труда : учебник для вузов. — М., 2008.
197. Трансформация постсоциалистического общества / под ред. К. И. Микульского // Социально-экономические модели в современном мире и путь России : в 2 кн. — М., 2003. — Кн. 1.
198. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / под ред. З. Т. Голенковой. — М., 2000.
199. Труд и занятость в России. 2011 : стат. сб. / Росстат. — М., 2011.
200. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. — М., 1998.
201. Тюленева, Н. К вопросу об оптимизации стимулов к труду // Человек и труд. — 2006. — № 3.
202. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : кол. монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. — Барнаул, 2013.
203. Устойчивое развитие сельских территорий. Вопросы стратегии и тактики. — М., 2004.
204. Фадеева О. П. Западносибирское село: иллюзии экономического роста и реалии занятости // Отечественные записки. — 2004. — № 1.

-
205. Фадеева О. П. Рынок труда в западносибирском селе // Социальная многоликость Сибири в период общественных перемен. — Новосибирск, 2003.
 206. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. — М., 1997.
 207. Федотова Н. Н. Стратегии поведения на рынке труда : информ.-аналит. обзор / авт.-сост.: Н. Н. Федотова, И. А. Шокина. — Саратов, 2000.
 208. Цветкова Г. Кризис трудовой мотивации и его последствия // Экономист. — 2000. — № 4.
 209. Чайковская Н., Эйдельман Я. Трудовая мотивация работников промышленности: структура и динамика // Общество и экономика. — 2000. — № 11–12.
 210. Чернаков А. А. Социальное государство и гражданское общество в современном социокультурном контексте России : учеб. пособие. — М., 2010.
 211. Шингарев А. И. Вымирающая деревня // Социологические исследования. — 2002. — № 2.
 212. Широколова Г. С. Горожане и селяне в результате реформ 90-х годов // Социологические исследования. — 2002. — № 2.
 213. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. — 2001. — № 2.
 214. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. — 2001. — № 1.
 215. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. ; под ред. В. А. Ядова. — М., 1996.
 216. Шуваев А. В. Формирование и регулирование рынка труда на селе: вопросы теории и практики. — Ставрополь, 2001.
 217. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты / пер. с англ. М. Я. Каждана ; науч. ред. А. Н. Нестеренко. — М., 2001.
 218. Экономическая и социальная политика: теоретические и прикладные аспекты : сб. ст. / ред. А. Я. Троцковский, В. И. Крышка, С. И. Обиремко. — Барнаул, 2005.
 219. Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / под ред. В. В. Радаева. — М., 2002.
 220. Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ: стратегии и механизмы формирования / под ред. А. М. Сергиенко, Л. В. Родионовой. — Барнаул, 2001.
 221. Энциклопедический социологический словарь / общ. ред. Г. В. Осипова ; ред.-сост. А. В. Кабыща. — М., 1995.

222. ЮхлерЯ. Достаточно ли модернизации? // Социологические исследования. — 2002. — № 8.
223. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — 3-е изд., испр. — М., 2007.
224. Ядов В. А. Труд в системе жизненных ценностей // Человек и труд. — 2000. — № 1.
225. Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. — М., 2002.
226. Bonvin J-M. Welfare models and activation policies in Europe // The 5th Conference of the European Sociological Association: visions and divisions: challenges to European sociology. Abstracts. August 28-Sept. 1, 2001. — Helsinki, Finland, 2001.
227. Bouget D. Citizenship, social welfare system and social policies in France / D. Bouget, G. Brovelli // European societies. — 2002. — Vol. 4. — № 2.
228. Diewald M. Back to labour markets — who got ahead in post-communist societies after 1989? The case of East Germany / M. Diewald, H. Solga, A. Goedicke // European societies. — 2002. — Vol. 4. — № 1.
229. Hanesch W. Activation policies in Minimum Income Schemes / W. Hanesch, C. Stelzer-Orthofer, N. Balster // Social assistance in Europe: a comparative study on minimum income in seven European countries / Ed. by M. Heikilla, E. Kesitalo. — Helsinki, Finland, 2001.
230. Hanesch W. Activation policies in the context of social assistance. The role of social assistance as means of social inclusion and activation: a comparative study on minimum income in seven European countries / W. Hanesch, N. Balster. — Helsinki, Finland, 2001.
231. Gallie D. Unemployment, poverty and social isolation: is there a vicious circle of social exclusion? / D. Gallie, S. Paugam, S. Jacobs // European societies. — 2003. — Vol. 5. — № 1.
232. Granovetter M. Toward a social theory of income differences // Grusky David B. Social stratification: class, race, and gender in sociological perspective. — Westview Press, 1994. — (Social inequality series).
233. International social policy: welfare regimes in the developed world / Ed. by P. Alcock, G. Graig. — New York, 2001.
234. Labor employment and social policies in the EU enlargement process: changing perspectives and policy options / Ed. by F. Bernard, P. Lodovico. — Washington, 2002.

-
235. Layte R. Cumulative disadvantage or individualization? A comparative analysis of poverty risk and incidence / R. Layte, C. Whelan // *European societies*. — 2002. — Vol. 4. — № 2.
 236. Mayes D. Social exclusion and European policy / D. Mayes, J. Berghman, R. Salais — Cheltenham, 2001.
 237. Sergiyenko A. Economic behavior of poor Russian people and activation policies // *Conference of the International Association of Schools of Social Work. Selected abstracts*. — Montpellier, France, 2002.
 238. Sergiyenko A. M. Income Disparities and Social Policy: Russia's Trends in the Period of Reforms // *The 5th Conference of the European Sociological Association: Visions and Divisions: Challenges to European Sociology. Abstracts*. — Helsinki, 2001.
 239. Sergiyenko A. M. Russian's Economic Behavior at the Labor Market and Social Exclusion // *Russian Sociology About Russian Society. Papers prepared by Russian sociologist to the ESA VI Conference / Ed. by V. Mansurov*. — Moscow, 2003.
 240. Sergiyenko A. M. Russian's Economic Behavior at the Labour Market and Social Exclusion // *The 6th Conference of the European Sociological Association "Ageing Society, New Sociology". Book of the Abstracts*. — Mursia (Spain), 2003.
 241. Sergiyenko A. M. Social Exclusions at the Russian Labor Market and Ways of Their Overcoming // *17th Asia-Pacific Social Work Conference "Peace, Justice and Social Work. A vision for Asia-Pacific in the 21st Century". Book of Abstracts*. — Sasebo City (Japan), 2003.
 242. Smelser N. The Sociological Perspective on the Economy / N. Smelser, R. Swedberg // *The handbook of economic sociology*. — Princeton, 1994.
 243. *The sociology of economic life / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg*. — Boulder, 1992.
 244. Tyonnies F. *Community and society*. — New Brunswick (USA); London (UK), 1993.

Научное издание

Сергиенко Алие Мустафаевна

**АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА:
ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ
трансформации в регионах Сибири
в годы рыночных реформ**

Монография

Редактор В. И. Марковская
Подготовка оригинал-макета,
оформление обложки: О. В. Майер

Издательство Алтайского государственного университета

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.

Подписано в печать 15.10.2013

Форма 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 17,44. Тираж 300 экз. Заказ 299.

Типография Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66